

Торис
Изаков



Все
меняется,

даже
в
Англии

БОРИС У ЗАКОВ



Всё
меняется,
даже
в Англии





Борис Изаков, журналист и писатель, в тридцатые годы начал работать лондонским корреспондентом «Правды» и с тех пор много раз бывал в Англии. В своей книге он рассказывает о нелегкой и интересной работе журналиста за границей, о национальном характере англичан, об их правах и обычаях, о необыкновенной приверженности их к традициям и о переменах в их психологии и социальном быту. Жизнь столицы и провинции, домашний уклад и развлечения, печать и политика, старое и молодое поколение англичан — обо всем этом идет речь в книге, и все это увидено глазами очевидца. Во второй части книги Б. Изаков рассказывает о своих встречах с Бертрамом Расселом, Шоном О'Кейси, Грэмом Грином и Джеймсом Олдриджем.



Борис
Мзаков

Советский писатель.

Москва. 1965

Все

МЕНЯЕТСЯ

даже

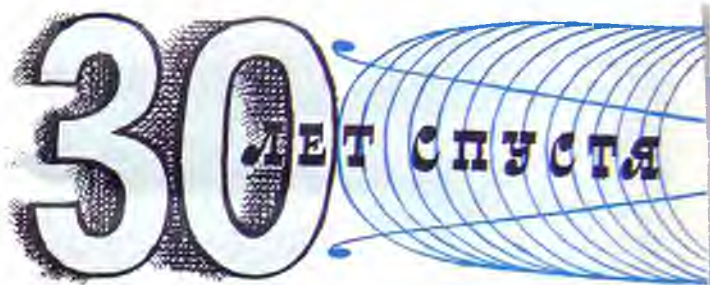
В

Англи



ХУДОЖНИК
С. М. ПОЖАРСКИЙ

30 лет спустя

The image features a large, bold, white number '30' with a black outline and a textured, stippled interior. To the right of the '0' is the Russian phrase 'лет спустя' (years later) in a black, serif font. The text is set against a background of blue, wavy, concentric lines that resemble a stylized wave or a tunnel. The entire graphic is centered horizontally.



«Меню»

ПРЕДДЕ



вот я снова брожу по набережной Темзы, сплужу на «галерее прессы» под сводами парламента, перелистываю страницы журналов и книг в библиотеке Британского музея. Тридцать лет прошло с тех пор, как я впервые побывал здесь с журнальщиком блокнотом. Все так же у почерневших от време-



ни каменных ворот застыли верхом на конях гвардейцы в сверкающих доспехах и касках с плюмажами, все так же зелен газон и дремучи кроны старых дубов в Гайд-парке, все так же одиноко высится над Темзой «Игла Клеопатры» — каменный обелиск, вывезенный британскими завоевателями из Египта. Кругом все то, что я видел здесь тридцать лет назад, да и потом, когда возвращался сюда в сороковых и пятидесятых годах... То и не то.

В первый раз я плыл в Англию на пароходе из Ленинграда, и это путешествие заняло что-то около пяти дней: прямого воздушного сообщения между Москвой и Лондоном не было и в помине; лететь или ехать по железной дороге надо было с несколькими пересадками, которых хотелось избежать. Теперь я сел в Шереметьево в самолет и очутился в британской столице через четыре часа. До Лондона стало рукой подать. Я мог купить на улице Горького в магазине «Мороженое» внушительных размеров торт и отвезти его лондонскому приятелю, поклоннику советского мороженого: торт не успел растаять.

Просто удивительно, что Англией до недавнего времени правили люди, которые называли себя консерваторами, то есть приверженцами старины. Можно, конечно, отдавать девятнадцатому веку предпочтение перед двадцатым, но стоит ли пытаться его вернуть? Все равно это неосуществимо. У бывшего премьер-министра Макмиллана вырвался в палате общин, как говорится, крик души: «Великие державы Старого Света, которые в различные периоды своей истории занимали единственные в своем роде или господствующие пози-

ции, иногда тоскуют о прошлом». Но тоска тоскою, а все вокруг меняется неумолимо, и только некоторые внешние приметы — газоны, деревья, латы и плюмажи конных гвардейцев — остаются неизменными.

Тридцать лет назад владения британской короны состояли из добрых шести десятков доминионов, колоний, протекторатов: в Лондоне любили повторять, что над Британской империей никогда не заходит солнце. Она занимала примерно четвертую часть земной суши, а ее население составляло четверть всего населения мира. Британский лев еще пытался отстаивать «единственные в своем роде позиции», которые принадлежали ему в прошлом столетии.

В лондонском светском обществе смотрели тогда на молодую Советскую страну сверху вниз. Кое-кому самое существование Советского Союза казалось досадным недоразумением. В фореин оффисе — министерстве иностранных дел, видите ли, недоглядели, ну и появился на Востоке по недосмотру халатного чиновника еще невиданный, а потому и противоестественный режим, именующий себя республикой рабочих и крестьян. Рабочие и крестьяне! Они не копчались аристократических учебных заведений, где учат хорошим манерам и умению управлять народами. Как могут они руководить целой страной, да еще страной огромных масштабов, раскинувшейся от Балтики до Тихого океана? И что за дурной пример подают они черни везде и повсюду! А ведь Россия могла бы стать отличным полем для приложения английских капиталов, превосходным рынком для британских товаров...

Так или приблизительно так рассуждали за чашкой

чая в салонах лондонского Уэст-энда, разглагольствовали на митингах, писали в газетах, журналах, книгах.

Трудно приходилось тогда нашим дипломатам в столицах Запада. Требовались кропотливые и упорные усилия, чтобы вырваться из кольца изоляции. Силы старого мира не останавливались ни перед чем; порой они вкладывали револьвер в руку наемного убийцы. Еще не успело заглухнуть эхо выстрелов, оборвавших жизнь Воровского, Войкова, Нетте.

Изю дня в день печатались дикие небывлицы о разрухе и хаосе в СССР, о провале пятилетки, о неизбежной гибели советской власти — если не завтра, то через месяц. Талантливый английский карикатурист Лоу, посетив Советский Союз, высмеял английскую печать в забавной серии рисунков. На одном из них он изобразил обнесенный дощатым забором двор, где развлекается мальчонка, колотя палкой по днищу пустой бочки; к забору прильнул ухом «собственный корреспондент»: «Сегодня утром под Москвой были слышны громкие взрывы», — записывает он в своем блокноте. На другой карикатуре корреспондент сидит на пляже и разглядывает купающихся; «Положение с одеждой отчаянное, — выводит он очередное сообщение. — Многие люди бродят совершенно голыми».

В накаленной атмосфере тех лет то и дело возникали провокационные антисоветские кампании.

Взять хотя бы идиотскую шумиху насчет мнимых советских «антирелигиозных спичек». Когда я прочитал однажды утром в крупной газете, что советские торговые организации будто бы ввозят в Англию спички с антирелигиозными этикетками, я только пожал

плечами: слишком уж глупой была эта выдумка. Но через несколько дней в палате общин член парламента Денвил с самым серьезным видом внес запрос о «советских антирелигиозных спичках»: «Известно ли правительству его величества...» и так далее.

Я отправился на поиски «антирелигиозных спичек» по табачным лавкам, но ничего похожего не обнаружил. Знакомый репортер показал мне коробку с католическим символом — изображением «сердца Христова». Изображение было довольно топорным, но при всем том оставалось неясным: почему ему приписывали антирелигиозный характер? И при чем тут Советский Союз?

В самый разгар шумихи в советское посольство на Кенсингтон Палас гардене явился некий тип, который предложил раскрыть за определенную мзду происхождение «антирелигиозных спичек»; посольские работники выставили подозрительного субъекта за дверь. Дело выяснила прогрессивная газета «Дейли уоркер»: спички с изображением «сердца Христова» — как и с изображением Будды — выпускала шведская фирма для продажи в Индии. Неизвестно, кто и почему завез их в Англию. Вероятно, ответ на этот вопрос могли бы дать организаторы очередной антисоветской кампании, но они предпочли отмолчаться.

Подумать только, что даже такая дичь могла брать ся на вооружение врагами нашей страны!

Конечно, советским людям нелегко было работать в такой обстановке. Я был первым советским журналистом, которого «Правда» командировала в Лондон своим постоянным корреспондентом; моими предшественниками были английские товарищи по перу. Не могу

сказать, чтобы всегда и повсюду мне приходилось сталкиваться с открытой неприязнью: случалось и такое, но, как правило, англичане — люди вежливые и, если испытывают неприязненные чувства, отлично умеют их скрывать. Однако представителя московской «Правды» сторонились и избегали, а это отнюдь не способствует работе корреспондента.

Добавьте к этому, что я был молод и неопытен. Правда, журналистом я стал не со вчерашнего дня, но газета «Батрак», которую я редактировал в двадцатых годах, не могла дать мне навыков работы за рубежом. Я читал Маркса и Ленина, знал, как организовать батрацкий рабочий в деревне, мог проводить забастовки на кулацких виноградниках и табачных плантациях (в советских условиях это было не так уж трудно), я умел написать статью, очерк, корреспонденцию. Но откуда мне было знать, как поддерживать необходимые для корреспондента контакты или как вести словесное фехтование на дипломатическом приеме!

У меня были тогда случаи чисто анекдотические. Я не расскажу о тех, которые выставляют меня в чересчур невыгодном свете,— на это, вероятно, не способен никакой автор. Упомяну лишь об одном инциденте, который разыгрался за ужином у пресс-атташе польского посольства.

Польское посольство относилось к корреспонденту «Правды» благосклонно. Это объяснялось главным образом усилиями Стефана Литауэра, корреспондента ПАТ (Польского телеграфного агентства). Он не был ни коммунистом, ни сочувствующим, но любил свою страну, и его тревожило ее будущее: уже при первой встрече

он сказал мне, что стоит за советско-польское сотрудничество, так как оно одно может, по его убеждению, преградить дорогу на Восток германскому милитаризму. Он делал все, чтобы облегчить мне первые шаги в Лондоне, ввел в Ассоциацию иностранной прессы, вице-секретарем которой состоял. Забегая вперед, скажу, что я был рад от души, когда много лет спустя, в 1956 году, увидел его на Первой Международной встрече журналистов в Хельсинки, где он представлял журналистов социалистической Польши. То, что на склоне дней он нашел свое место на обновленной родине, было логическим следствием его прежней позиции.

Именно Стефан Литауэр был — из наилучших побуждений — инициатором злосчастного ужина у пресс-атташе польского посольства, ужина, на котором я был почетным гостем. Так уж случается, что наилучшие побуждения порой нас подводят.

На квартире польского пресс-атташе собрались мужчины и женщины в вечерних туалетах. Поначалу все шло хорошо, если не считать физических мучений, которые причиняли мне обязательные в те годы в лондонском свете манишка и смокинг, — я больше привык к косоворотке и кожаной тужурке. За столом я оказался в центре внимания: русский коммунист был тогда в Лондоне чем-то вроде белой вороны. Сидевшая визави дама — жена или родственница одного из старших чиновников посольства — принялась расспрашивать меня о жизни в Советском Союзе: сперва она задала вопрос о брачном законодательстве, потом о колхозах, потом еще о чем-то. Дама была молодая и красивая. Представление о Советской стране имела такое же, как

шестимесячный младенец — о теории Эйнштейна, и я усердно пытался на своем ломаном — в то время — английском языке удовлетворить ее любопытство. Случись все это сейчас, я бы повернул разговор, чтобы выяснить взгляды любопытствующей особы и узнать, чего от нее можно ожидать. Тогда я добросовестно отвечал на ее вопросы — и только.

Так продолжалось минут десять — пятнадцать; довольный собой и своей культурно-просветительной миссией, я все говорил и говорил. Вдруг моя собеседница обвела всех сидевших за столом ясными голубыми глазами и недоуменно произнесла:

— Позвольте, то, что он говорит, — сплошная большевистская пропаганда! Как только таким людям разрешают жить в Англии!

По молодости лет у меня не хватило чувства юмора. Я покраснел как рак от возмущения и мог только говорить с предельным негодованием:

— Но вы же сами меня спрашивали! Я только отвечал на ваши вопросы!

Дама величественно поднялась из-за стола, не дожидаясь конца ужина, и тут же удалилась, предварительно потребовав, чтобы обо мне немедленно сообщили в полицию. Как ни старался милейший Стефан Литауэр замять неприятный инцидент, светский ужин явно не удался...

Порой мне приходилось пускать в ход локти, чтобы отстоять свои корреспондентские права. Об одном таком случае мне напомнила заметка, которую я обнаружил теперь в читальне Британского музея, просматривая старый комплект газеты «Морнинг пост».

Перед очередной конференцией консерваторов я запросил в отделе печати консервативной партии пропуск на конференцию; мои коллеги по Ассоциации иностранной прессы получали такие пропуска по первому требованию. Мне, однако, ответили отказом. Решив не мириться с этим, я выехал в курортный город Блэкпул. В курзал «Уинтер гарденс» («Зимние сады»), где должна была заседать конференция, я явился за час до открытия. У двери огромного зала стоял служитель; вместо пропуска я предъявил ему... полкроны и очутился за длинным столом прессы, стоявшим перед самой эстрадой.

Минут за десять до открытия конференции ко мне подошел седой джентльмен с красным, как клюква, лицом — заведующий отделом печати руководства консервативной партии. Он спросил, какую газету я представляю.

— «Правда», Москва, — ответил я, мобилизовав весь свой запас нахальства.

— Позвольте! — воскликнул седой джентльмен с красным лицом. — Мы же вам написали, — вам отказано в пропуске!

— Вот как? Я не получал вашего письма.

— Послушайте, — сказал седой джентльмен, и лицо его покраснело еще больше, — я буду вынужден просить вас оставить зал.

— Но это было бы невежливо, — возразил я как можно громче. — Я слышал, англичане — люди вежливые.

Журналисты за столом прессы наострили уши. Некоторые стали поглядывать на меня с явной симпатией.

ей,— видно, представили себя в моей шкуре, и в них заговорило чувство профессиональной солидарности. Послышался смехок.

— Все места за столом прессы заняты,— решительно заявил мой оппонент; но тут он совершил тактическую ошибку.

— Если дело только в этом, я могу устроиться где угодно,— не менее решительно ответил я, пересаживаясь в первый ряд кресел, отведенных делегатам.

Тут председательствующий постучал молотком по столу, требуя тишины, и седовласый джентльмен оставил меня в покое. В перерыве он снова подошел ко мне и проворчал:

— Лучше уж садитесь за стол прессы.

Я не заставил просить себя дважды. А после утреннего заседания мне вручили постоянный пропуск. В своей корреспонденции я, между прочим, писал: «Организаторы конференции допустили невинный антисоветский жест, заявив корреспонденту «Правды», что для него не осталось места за столом прессы, хотя там пустовало много стульев. По-видимому, они ожидали, что ваш корреспондент немедленно удалится, и были весьма разочарованы, когда я заявил, что могу сидеть на обыкновенном стуле в любом месте».

Не стану вдаваться в подробности конференции. Уинстон Черчилль был тогда не у дел; молодой — по английским понятиям — и многообещающий Антони Иден, которого газеты фамильярно называли «красавчик Антони», еще только начинал делать карьеру. Руководство консервативной партии представлял Невиль Чемберлен, «человек с зонтиком», — в коалиционном

правительстве Макдональда он был министром финансов. Мог ли я представить себе, что этой унылой личности с усами, как у моржа, суждено сыграть такую роковую роль в истории десятилетия!

Вернусь к заметке в «Морнинг пост»; она гласила: «Одним из самых странных лиц, которых можно было видеть в Англии на прошлой неделе, был корреспондент «Правды»; его специально откомандировали для наблюдения за конференцией консерваторов в Блэкпуле, по-видимому в надежде, что он обнаружит там доказательства антирусской пропаганды. Журналист, присутствовавший на конференции, сообщил мне, что этот тип добросовестно посещал заседание за заседанием, слушал бесконечные речи и усердно записывал бесчисленные резолюции — и все напрасно. За исключением резолюции капитана Локкер-Лемпсона, консерваторы гордо игнорировали даже самое существование Советской России...»

Это писалось без тени иронии.

Я внимательно просмотрел весь номер «Морнинг пост» за 10 октября 1932 года, где была напечатана приведенная заметка, и, не считая глупейшего антисоветского выступления капитана Локкер-Лемпсона — одного из «бешеных» той эпохи, нашел лишь одно упоминание о Советском Союзе: двадцатистрочную заметку агентства Рейтер из Риги с дежурным сообщением о «секретном заседании Исполкома Коминтерна». Двадцать страниц газеты были заняты биржевыми бюллетенями, коммерческими объявлениями, сообщениями о великосветских бракосочетаниях, придворной хроникой.

Игнорировать самое существование Советской России приучали и широкую публику. Я попросил профессора Лондонского университета Гарольда Ласки, видного лейбористского деятеля, помочь мне побеседовать с группой студентов. Ласки устроил такую встречу у себя дома за чашкой чая. Я был поражен, как мало эти юноши и девушки знали о нашей стране, а еще больше — как мало они ею интересовались. До сих пор помню, как насмешливо поглядывал на меня профессор Ласки.

Мы в Советском Союзе никогда не забудем боевой солидарности английских рабочих, созданного ими комитета «Руки прочь от России!», подвига лондонских докторов, отказавшихся грузить на пароход «Джолли Джордж» оружие для Пилсудского. Но как мало было у нас тогда друзей среди английской интеллигенции! Их можно было пересчитать по пальцам: историки и экономисты Сидней и Беатриса Вебб (лорд и леди Пасфилд) — на склоне лет они стали горячими друзьями Советской страны; лорд Марлей, лейборист и бывший военный, — рослый красавец, он словно сошел с картинки модного журнала («Вы видите перед собой живого лорда, — сказал он мне при первом знакомстве, — как, не очень отталкивающее зрелище?»); неутомимый секретарь Англо-русского парламентского комитета Уильям Пэйтон Коутс, для которого, как и для его жены Зельмы, его работа стала делом жизни; и, конечно, Бернард Шоу и Шон О'Кэйси, великие ирландские бунтари...

Многие называли Бернарда Шоу человеком злым и язвительным; что и говорить, он умел быть и тем

и другим, когда дело касалось старого мира. Я запомнил его как человека, щедро наделенного и чуткостью и добротой. Признаться, перед этим седым худощавым гигантом я страшно робел. Он это, наверно, чувствовал и, передавая мне аккуратно отпечатанные на машинке ответы на мои вопросы, шутил, участливо поглядывая из-под своих знаменитых, единственных в своем роде кустистых бровей («вспомогательные усы» — так он их называл): «Просмотрите, то ли я написал, что вам нужно. Если нет, я перепишу все наоборот».

Нечего и говорить, интервью Бернарда Шоу отличались свойственным только ему стилем. Приведу небольшой образчик. На британской имперской конференции в Оттаве, где выявились острые торговые противоречия между Англией и доминионами, была сделана попытка разрешить затруднения за счет советского экспорта — леса и пшеницы (в те годы нам приходилось вывозить и пшеницу, разумеется не от ее избытка). Вот выдержка из интервью Шоу по поводу Оттавской конференции («Правда» опубликовала его 12 сентября 1932 года):

«Оттавская конференция должна была сильно позабавить Советский Союз. Англия шла туда, надеясь попасть в сердечные объятия всех доминионов своей империи. Вместо этого последние набросились на нее, как свора волков. Английские делегаты были рады удрать после изнурительной борьбы живыми...

Почти всеобщее согласие все же, кажется, достигнуто по следующим пунктам:

1. В мире, где производство удешевилось в небывалых размерах, необходимо во всяком случае поднять цены.

2. Цивилизация погибнет, если Россия не станет объектом торгового заговора.

К несчастью для этого второго заключения, когда английских делегатов призывали к полному бойкоту советских товаров, они не посмели поставить своим соглашением Англию в зависимость от милости ее доминионов в отношении продуктов питания: так была несколько испорчена гармония. Но в общем пришли к заключению, что СССР будет взят измором, если другие державы откажутся от того, чтобы он снабжал их пищей. Ибо если помешают Советскому Союзу продавать свои продукты питания иностранцам, то что он будет с ними делать? Этим государственным деятелям, занимающим высокие посты, не пришло в голову, что Советский Союз может сам съесть свои продукты...»

Если бы наши друзья тех лет могли взглянуть на мир сегодня!

Теперь никто уже не решается смотреть на нас сверху вниз. Сегодня вы повсюду встретите в Англии жадный интерес к Советскому Союзу. На страницах солидной буржуазной газеты «Таймс» обсуждается — пусть пока еще в скептическом тоне — задача формирования нового советского человека, и у автора передовой статьи вырываются слова: «Да будет нам всем дано дожить до того дня, когда мы его увидим. Он является тем идеалом, к которому стремилось большинство человеческих обществ».

Очень популярны туристские поездки в СССР. Велик интерес к русскому языку. Число средних школ, в которых обучают русскому, перевалило за шестьсот.

Специальный правительственный комитет изучает преподавание русского языка в школах и университетах; он рекомендует, чтобы во всех технических вузах русский стал обязательным предметом. Большим успехом пользуются уроки русского языка по радио и журнал «Юз йор рашен» («Разговаривайте по-русски»), публикуемый Британской радиовещательной корпорацией.

Меняется мир, а вместе с ним меняется Англия. Представьте себе, что вы смотрите панорамное кино с видами Советской страны. Но вот загорается свет, вы выходите из зала — и перед вами не Выставка достижений народного хозяйства в Москве, а центр Лондона, вечно бурлящая площадь Пиккадилли... Здесь находится панорамное кино «Кругорама», где без малого год с 12 часов дня до позднего вечера демонстрировался фильм «Русский круговорот». Советский фильм смотрело свыше полумиллиона англичан.

Я провел уик-энд — субботу и воскресенье — в Северном Уэльсе в небольшом местечке Пенриндсйдрейт (там живет Бертран Рассел). Вечером в баре гостиницы «Грифон» собрались местные жители — рабочие, фермеры. Узнав, что мои друзья и я — советские люди, они спели чудесные уэльские песни, расспрашивали о нашей стране, наперебой приглашали нас в свои дома.

Серьезные сдвиги наметились в англо-советской торговле. В русско-британскую торговую палату, которая ставит себе задачей развивать англо-советскую торговлю, входит 670 английских фирм. Как раз когда я был в Лондоне, советские торговые организации заключили с английскими фирмами крупные сделки по закупке оборудования для химических заводов; могу засвидетель-

ствовать, что они произвели в британской столице большое впечатление.

...Мне захотелось повидать кого-нибудь из пионеров англо-советской дружбы и расспросить, когда и как изменилось отношение англичан к Советскому Союзу. Так я попал к Уильяму Пэйтону Коутсу за два месяца до его кончины.

В крохотном помещении Англо-русского парламентского комитета, возникшего еще в двадцатых годах на базе движения «Руки прочь от России!», мало что изменилось. Только одряхлел его неутомимый организатор, 80-летний У. П. Коутс; время не пощадило и его жены Зельмы. Жизнь этих людей — настоящий подвиг во имя добрых отношений между двумя великими народами. Бывали моменты — Коутсов подвергали остракизму, и не каждый знакомый решался подать им руку. Они вытерпели все, не отступив и не дрогнув.

— Перелом в отношении англичан к Советскому Союзу начался еще во время войны, — сказал Коутс своим глухим, старческим голосом. — Англичане были потрясены героизмом советских людей. Откровенно говоря, в начале войны у нас мало кто надеялся на вашу победу над Гитлером. Уверенность в ней пришла после разгрома германской армии на берегах Волги. Потом, в годы «холодной войны», наши люди снова слышались всяких небылиц о Советской стране. Спутники поставили все на свое место. А в дни карибского кризиса англичане убедились в миролюбии Советского правительства.

Помедлив и поглядев на Зельму, Коутс добавил:

— Я верю в дружбу между нашими народами и убежден, что она будет прочной.

Его слова прозвучали как завещание: нашего доброго друга Уильяма Пэйтона Коутса вскоре не стало...

Перед самым отъездом из Лондона я бродил вечером по городу с приятелем-англичанином. Мы свернули на Гаррик-стрит, и нам еще издали бросилась в глаза пестрая очередь у дверей оперного театра Ковент-гарден. Люди устроились со всеми удобствами на складных стульях, некоторые закутались в пледы: ночь обещала быть ветреной и холодной. Утром в кассе театра должны были продавать билеты на «Большой балет», как именуют англичане балет Большого театра.

— Там, — сказал мой спутник, кивнув головой в сторону площади Пиккадилли, — «Русский круговорот». Здесь — очередь на «Большой балет». — И, запахнув плащ под порывом ветра, заметил: — Похоже, что у нас гуляют советские ветры.

...Это было последнее впечатление, которое я увез из Лондона теперь.



Дневник



ак-то раз в холле гостиницы я поневоле подслушал разговор двух пожилых дам, попивавших чай за соседним столиком. Одна из них только что отложила вечернюю газету и рассказывала собеседнице подробности зверского убийства, заслужившего почетное место на первой странице. Вторая охала и негодовала.



— Убийца изрезал труп на куски...
— О! Какой ужас!
— ...отделил голову от туловища...
— О! Кошмар!
— ...Он приехал из Парижа неделю назад.
— Ах, иностранец... Передайте, пожалуйста, сахар.
«Ах, иностранец...» Надо было слышать, каким тоном это было сказано! От иностранца можно ожидать всего.

Слово «фореинер» — «иностранец» — в устах многих англичан — очень емкое слово.

Еще в XVIII веке Карамзин писал из Лондона: «Вы слышали о грубости здешнего народа в рассуждении иностранцев: с некоторого времени она помягчилась и учтивое имя french dog (французская собака), которым лондонская чернь жаловала всех не-англичан, уже вышло из моды... Вообще английский народ считает нас, чужеземцев, какими-то несовершенными, жалкими людьми. *He тронь его*, говорят здесь на улице: *это иностранец* — что значит: «это бедный человек или младенец».

В чем, в чем, а в этом англичане не очень изменились с XVIII века.

В глазах англичанина иностранец остается иностранцем везде и повсюду. Вскоре после войны я слышал своими ушами в одном из парижских театров, как мой сосед — типичный англичанин — говорил, оглядываясь вокруг, своей даме:

— Одни иностранцы!

Ему и невдомек было, что единственными иностран-

цами, которые сидели в зале, были он и его спутница, да еще я, их случайный сосед.

Все это имеет, по-моему, свое объяснение. Во времена своего бывшего величия Британия с легкостью покоряла чужие земли за морями и океанами, ее товары без труда прокладывали себе дорогу на рынки всего мира. Из поколения в поколение англичан учили тогда, что они — соль земли. Что касается других народов, то с ними можно не считаться и не церемониться, особенно если у них другой цвет кожи. Вспомним, с какой хладнокровной жестокостью англичане уничтожали индейцев в Северной Америке, травили мышьяком коренных жителей Австралии, охотились, словно за дикими зверями, за черными людьми в Африке, продавая их в рабство десятками тысяч (ряд английских портовых городов, например Ливерпуль, обязан своим подъемом работорговле).

Победа Англии над каким-нибудь безоружным племенем превозносилась до небес. Если же англичан поколачивали, то авторитетно разъяснялось, что их поколотили «не по правилам», «не по-джентльменски» — словом, нечестно. Бернард Шоу заметил по этому поводу устами одного из персонажей своей «Святой Жанны»: «Ни один англичанин никогда не бывает побит в честном бою!»

Пусть поймут меня правильно: я вовсе не хочу чернить англичан. Многие черты английского национального характера заслужили всеобщее признание: трудолюбие, чувство собственного достоинства, самообладание, мужество. Они прививаются в этой стране с детства.

Как-то раз я был в одной английской семье на «чашке чая»; только мы уселись за стол, в комнату с плачем вбежала семилетняя дочка: она что-то мастерила в саду и сильно поранила руку. Рука была залита кровью, кровь капала на ковер. Никто из взрослых не стал охать и суетиться. «Ну, ну, старушка, не шуми так из-за пустяков», — спокойным голосом произнесла мать. Девочка сразу затихла; мать отвела ее в ванную комнату, промыла и забинтовала раненую руку. Лишь вернувшись к столу, она сказала вполголоса: «Как я испугалась...»

Если с англичанином стряслась беда, он не станет хныкать и жаловаться; по внешнему виду, по манере держаться вы ни за что не догадаетесь, что на душе у него скребут кошки.

В быту англичане отнюдь не хвастливы; напротив, они даже прививают себе некое свойство, именуемое в просторечии словечком «андерстейтмент»; очень приблизительно его можно перевести как умаление собственных заслуг. Какой-нибудь выдающийся специалист по истории античной Греции скажет студенту первого курса: «Боюсь, что я не особенно силен в деталях распрей между Афинами и Спартой, но мне кажется, вы ошибаетесь».

Одно из качеств, которое нередко встречаешь среди англичан, это убеждение, что «фэйр плей» — «честная игра» — превыше всего. Среди английской интеллигенции всегда найдутся люди с совестью и честью, готовые выступить на защиту слабых и обиженных; быть может, это своего рода реакция на многочисленные несправедливости, которые чинила и продолжает чинить Англия

как государство. В истории Англии было великое множество негодяев, подобных лорду Эльгину, который воспользовался бедой греческого народа, чтобы обокрасть Акрополь. Но у нее был и Байрон,— он заклеил это бессовестное стяжательство и отдал жизнь за свободу греков.

Об английском юморе сказано и написано очень много. Он своеобразен. Перелистывая юмористический журнал «Панч», не всегда понимаешь, что может в нем заставить смеяться читателей. Зато «Панч» интересен для иностранца познавательно: он позволяет заглянуть в некоторые скрытые закоулки английской души.

Англичане питают слабость к старой, проверенной шутке, любят каламбур, игру слов. Приступ неожиданного веселья может вызвать у них какая-нибудь явная бессмыслица,— на этом построено великое множество анекдотов. В Англии обожают клички, и самая солидная газета, публикуя статью о важном правительственном законопроекте, не постесняется привести школьную кличку его убоженного седины автора.

Нередко юмор переносится в политику. Помню, как на одном политическом митинге мне сунули в карман аккуратно перепечатанную брошюру под заглавием: «Что сделала для страны лейбористская партия». Раскрыв брошюру, я обнаружил в ней одни пустые страницы: так подшутили над политическими противниками консерваторы.

Пожалуй, наибольшим успехом пользуются у англичан розыгрыши — от самых примитивных до самых сложных, требующих немалой затраты энергии, време-

ни, а то и средств. Подручный материал для примитивных шуток продается в особых лавках: искусственные мухи, пауки или крысы; сигары и папиросы, взрывающиеся с адеким треском, как только к ним подносят спичку; фарфоровые яйца, которые можно подсунуть кому-нибудь за завтраком вместе с настоящими; пластмассовые «чернильные пятна» — их кладут на любимую скатерть хозяйки дома. Розыгрыши сложные зависят от изобретательности, энтузиазма, а порой и от кармана шутника.

В каком-нибудь тихом пансионе всегда найдется весельчак, который возьмет и перепутает выставленные на ночь в коридор ботинки. Целая группа студентов может получить письменное приглашение на ужин к декану факультета, — последний очень удивится, когда они к нему нагрянут, так как и не думал их приглашать.

Большую популярность стяжал в свое время известный шутник Орас де Вере Коль: еще будучи в университете, он подстроил посещение королевского военноморского флота и осмотр адмиральского корабля фиктивным «императором Абиссинии»; участники розыгрыша — «император» и его «свита» — были студентами Кембриджа.

Лет пять назад английская пресса с восторгом описала очередной розыгрыш кембриджских студентов: они умудрились ночью поднять на крышу университетского здания... автомашину. Попытки снять ее с импровизированного пьедестала не увенчались успехом; дело кончилось тем, что пришлось разрезать машину на шесть частей с помощью автогенной аппаратуры и спускать с крыши каждую часть в отдельности.

Обижаться на розыгрыши не полагается ни в коем случае. Иначе прослывешь человеком, лишенным чувства юмора, а этого греха в Англии не прощают. Недаром слово «юмор» — английского происхождения.

Самое привлекательное в английском юморе — умение посмеяться не только на чужой счет, но и над собой. Мне запомнилась, например, карикатура из «Панча», в которой карикатурист изобразил... сам себя. Схватившись за голову, он отвернулся в полном отчаянии от законченного рисунка; любящая жена разглядывает рисунок через его плечо, на лице у нее — огорчение, даже ужас. «Нет, милый, это не смешно», — гласила надпись под карикатурой.

При всем том англичане — люди сдержанные, даже замкнутые. Редко у кого из них, что называется, «душа нараспашку». Тонкий наблюдатель Карамзин так описывал встречу с англичанином: «Я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тем зябну. Русское мое сердце любит изливаться в искренних, живых разговорах; любит игру глаз, скорые перемены лица, выразительное движение рук. Англичанин молчалив, равнодушен, говорит как читает, не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений, которые потрясают электрически всю нашу физическую систему».

Сдержанность, даже уклончивость англичанина как собеседника доходит до того, что простые и ясные слова «да» и «нет» все больше исчезают из английской разговорной речи; есть опасность, подшучивают в Англии, что они улетучатся совсем. Вместо того чтобы сказать «да» или «нет», истый британец прибегает к неопределенным,

обтекаемым выражением: «по-видимому», «пожалуй», «мне кажется», «если не ошибаюсь» и т. д.

Больше всего поражает вас в Англии сила традиций, привычек, условностей. Вы встретитесь здесь и с настоящим культом старины. Иностранцы туристы с интересом разглядывают расшитый золотом и серебром камзол надзирателя Тауэра, старомодные котелки копторщиков в Сити, часовых в высоких медвежьих шапках, — из-за них рассталась с жизнью целая пополение канадских медведей. Но одно дело — любоваться стариной как туристу, а другое дело — применяться к устаревшим традициям и привычкам каждый день и каждый час.

Впервые очутившись в Англии, я испытывал немало затруднений. Мог ли я знать, что, наливая в чашку за утренним завтраком чай с молоком, надо начинать с молока, что спаржу едят только пальцами, что, входя с дамой в театральный зал, как, впрочем, и в ресторан, мужчина должен идти впереди, а не позади нее!

Конечно, я прибегал к элементарной хитрости: смотрел, как ведут себя окружающие, и старался им подражать. Часто это помогало, особенно за столом, где я впервые увидел перед собой на званых обедах четыре вилки и четыре ножа, не считая двух ложек. Но помогало далеко не всегда.

Помню, однажды на званом обеде я потянулся к стоявшему передо мной серебряному бокалу с водой, в котором плавал ломтик лимона: было жарко, и мне захотелось пить. Хорошо еще, что дело было в советском посольстве и наш посол Иван Михайлович Майский вовремя предостерег меня от роковой ошибки. Я узнал, что

этот бокал, который ставят на парадном обеде перед каждым прибором, трогать не полагается.

Зачем же его ставят? По традиции. Наверно, во времена короля Артура и рыцарей Круглого стола тут был свой резон: люди ели руками и после еды испытывали потребность сполоснуть руки; для этого перед ними и ставили чаши с водой. С тех пор протекли столетия, человек обзавелся вилкой, чаша для мытья рук потеряла всякий смысл, изменилась сама ее форма: она превратилась в небольшой плоский бокал на высокой ножке, вроде тех, в которых у нас подают мороженое. И сейчас единственное назначение этого сосуда — служить ложкой для простаков-иностранцев.

И горе вам, если вы в чем-то нарушите установленный веками порядок! В каждой стране — свои обычаи, свои правила поведения. В России, да и не только в России, не едят, к примеру, рыбу ножом, а в Англии, напротив, считается неприличным есть рыбу без ножа (для нее подается особый нож). Тут уж по отношению к иностранцу требуется снисходительность. Но не рассчитывайте на нее в Англии! Там ни за что не дадут потачки иностранцу и с места в карьер объявят, что он не умеет вести себя в обществе.

Да, в Англии с удивительным упорством держатся старых традиций. Но и это, как мне кажется, имеет свое объяснение.

Тридцать лет назад я проходил однажды вечером мимо здания парламента накануне открытия сессии; у массивной двери выстроились в очередь джентльмены почтенного вида. Первым был сухонький старичок; он сидел на складном стуле. Из чистого любопытства я по-

дошел и стал его расспрашивать. Что же оказалось? Очередь состояла не из каких-нибудь любопытных, мечтавших поглазеть на торжественное открытие парламентской сессии с галереи для гостей, — нет, это были члены парламента. Еще с вечера они выстроились в хвост, чтобы попасть на другой день на свои законные места! Здание парламента, отстроенное в середине прошлого столетия, после того, как прежнее здание было уничтожено пожаром, стало тесным: население Англии возросло, его представительство в парламенте увеличилось, и зал заседаний палаты общин больше не вмещал всех ее членов.

В обычные дни это не было проблемой: парламентские заседания происходят, как правило, в почти пустом зале; только когда доходит до голосования по какому-нибудь существенному вопросу, «уинны» («плетки» — так называют старост партийных фракций) спешно собирают свою паству в коридорах и в ресторане, звонят по телефону на квартиру и в клубы. Но в «большие дни» — к ним принадлежит прежде всего день открытия парламентской сессии — в зале палаты общин происходила форменная давка, и часть парламентариев вынуждена была часами стоять на ногах...

Завидев у меня в руках блокнот, мой старичок попросил меня отметить, что он уже добрый десяток лет ухитряется становиться в эту курьезную очередь самым первым: это был скромный «задиескамеечник», и ему не повредила бы небольшая реклама.

— Позвольте, — несколько наивно стал я допытываться, — разве в Лондоне нет более вместительных помещений?

— Разумеется, есть. — ответили мне. — Но неужели вы, молодой человек, не понимаете, что, перебравшись в какой-нибудь концертный зал, парламент потеряет свой ореол?

Ради того, чтобы не потускнело сияние такого ореола, членам парламента и приходилось мириться с неудобствами. Кто знает, не продолжалось ли бы это и по сей день, если бы не гитлеровские бомбы. Восстанавливая здание парламента после разрушений военного времени, строители расширили зал палаты общин. Между прочим, совершенно перестроена галерея для представителей печати, где прежде приходилось сидеть в неимоверной тесноте и в крайне неудобной позе; улучшилась и акустика. В то же время все сделано так, чтобы модернизация поменьше бросалась в глаза.

Старые традиции и обычаи выполняют в английском обществе вполне определенные социальные функции: они призваны внушить людям, что все вокруг остается неизблемым и неизменным. Не потому ли в Англии так неохотно расстаются с некоторыми архаическими порядками и установлениями?

Возьмите уличное движение. Англия — одна из очень немногих стран с левосторонним движением. Почти во всем мире транспорт движется по правой стороне, в Англии — по левой. Попав на Британские острова, в первые дни никак не можешь к этому привыкнуть и ходишь как ошалелый, — того и гляди, попадешь под машину. То же самое испытывает англичанин, очутившись на континенте. Об этом и говорят и пишут, но старый порядок не меняется.

Еще больше разговоров — о мерах веса (унция, фунт),

мерах длины (дюйм, фут), а главное — о денежной системе. 12 пенсов составляют 1 шиллинг, 20 шиллингов равны 1 фунту стерлингов. Такая архаичная система затрудняет денежные операции, в частности при пересчете на иностранную валюту. Но это еще не все. С давних пор в Англии некоторые расчеты ведутся не на фунты, а на гинеи (1 гinea равна 21 шиллингу). Гинею принято считать более «благородной» денежной единицей, чем фунт: в старину гинеями расплачивались за цветы и картины, в гинеях устанавливалась цена продаваемого особняка, гинеи преподносили даме сердца. И сегодня еще в витрине ювелирного магазина на Бонд-стрит цена обручального кольца будет указана в гинеях и в гинеях же потребует вознаграждения светский портной — в отличие от фирмы готового платья. Совсем недавно правительственная комиссия выработала проект денежной реформы; он вызвал в стране настоящий фурор, — комиссия высказалась за то, чтобы разбить фунт стерлингов на 100 единиц — центов. Однако эта реформа будет проведена не раньше чем через несколько лет.

Традиции, стародавние представления и предрасудки ложатся тяжелым грузом на плечи англичанина. Герберт Уэллс, который и сам не был свободен от такого груза, писал по этому поводу: «Мы, англичане... живем в удивительной атмосфере пренебрежения к большим проблемам и навязчивого торжества всевозможных мелочей; мы целиком поглощены светскими манерами: приличия и ничтожные правила поведения стали самой сутью нашей жизни».

Тут выступает на сцену пресловутая «миссис Грэнди» — английский эквивалент фамусовской княгини

Марьи Алексевны, блюстительница приличий и нравов. Это неумолимая и очень страшная дама. Карикатуристы обычно рисуют ее старой дамой в высоком чепце, длинной шали и платье до пят, какие носили в начале века; тонкие губы поджаты, на длинном носу торчат очки, из-под которых колючие глазки мечут молнии на правого и виноватого. Миссис Грэнди стоит за спиной добропорядочного англичанина, диктуя ему своим скрипучим голосом — что хорошо и что плохо, что можно и что нельзя. Хотя с некоторых пор ее деспотическая власть сильно пошатнулась, она и по сей день отравляет существование многим.

Во время тяжелого экономического кризиса начала тридцатых годов я видел на Трафальгар-сквере, как бредут у фонтана потерявшие домашний очаг безработные. Человек снимал поношенный пиджак, — тут обнаруживалось, что на нем нет рубашки; для тепла голое тело было обмотано газетами. Но из кармана доставалась аккуратно завернутая бритва вместе с осколком зеркала.

— Иначе нечего и мечтать получить работу, — объяснили мне. — Прийти наниматься на работу небритым — неприлично, никто с тобой и разговаривать не станет.

В Англии установился незыблемый распорядок дня: с утра — плотный завтрак, в 1 час дня — ленч (обед из трех блюд), в 5 часов — чай с бутербродами и печеньем, в 7.30 — ужин (по существу, второй обед из трех или более блюд). Режим, размеренная жизнь — хорошая штука и рекомендуется медициной. Но англичанин часто становится рабом режима. Минут за двадцать до пятичасового чая он поглядывает на часы, без десяти минут

пять он уже томится, а если ровно в пять перед ним не поставят чашку с темно-бурой, горькой жидкостью (у нас она называется заваркой), предварительно плеснув в чашку немного молока,— он становится сам не свой.

Сколько раз мне приходилось наблюдать на всевозможных международных конференциях, как без десяти минут пять английская делегация начинает первничать, а в пять минут шестого становится необычайно сговорчивой. Странно даже подумать, что может произойти с Великобританией, если на каком-нибудь важном конгрессе оттянут перерыв на чай, скажем, до половины шестого.

Английский уик-энд (конец недели) давно уже стал притчей во языцех. Он варьируется в зависимости от социального положения каждого: состоятельный буржуа растягивает еженедельный отдых со второй половины четверга до вторника; чиновник из тех, что покрупнее, покидает свое учреждение в пятницу днем и возвращается в понедельник утром; рабочие и мелкий служилый люд пользуются уик-эндом с середины дня в субботу. Но для каждого из них венцом уик-энда, разумеется, остается воскресенье.

Оно носит неистребимый отпечаток пуританского прошлого. Значительную часть дня питейные заведения закрыты: запрещено продавать спиртное, даже пиво. Все кругом замирает, улицы пустеют, люди почему-то облачаются в обноски, жизнь становится невыносимо скучной. Владельцам кино пришлось выдержать долгую борьбу, прежде чем им разрешили демонстрировать фильмы по воскресеньям. Однако, чтобы кинематографы

не конкурировали с церковью, они закрыты по воскресеньям до четырех часов. «Не знаю, за какие мрачные преступления осудил господь бог Англию на еженедельное наказание воскресеньем», — писал Карел Чапек.

Англичан часто обвиняют в лицемерии, ханжестве. «Британское лицемерие», «английское ханжество» — эти слова вошли даже в поговорку. Правящие слои Англии действительно превратили лицемерие в своего рода тончайшее искусство. Один из современников премьер-министра Гладстона в свое время заметил: он ничего не имеет против того, что «великий старик» (так именовали Гладстона в правительственном лагере) прячет крапленые карты в рукаве; ему претит лишь, что тот утверждает, будто крапленые карты сунул ему в рукав сам господь бог. Недавно газета «Манчестер ивнинг ньюс» опубликовала на своих страницах бесподобное письмо. «Само собой, — писал автор, — мы, англичане, верим в бога. Мы всегда в него верили; но, что более существенно, он верит в нас. Разве мы могли бы иначе построить могущественную империю?» Это, так сказать, классические образчики ханжества.

Лицемерие английской буржуазии носит характер социальный. Возьмите, например, нравоучительные серии гравюр талантливого Хогарта. Вот серия гравюр под общим титром «Труд и леность», представляющая жизненный путь двух подмастерьев — хорошего и плохого. Хороший прилежно осваивает ремесло, плохой пьет пиво, первый ходит в церковь, второй предпочитает азартные игры, первый приобретает доверие хозяина и женится на его дочери, второй живет с проституткой

в отвратительном вертепе, первый богатеет и становится лорд-мэром Лондона, второй кончает свои бесславные дни на виселице. Мораль? Трудись не покладая рук на хозяина, и тебе воздастся. Недаром правоучительные гравюры Хогарта видишь повсюду.

В Англии запрещено нищенствовать: зрелище нищеты не должно оскорблять чей-либо глаз. Но если оборванный, посиневший от холода человек протягивает вам на улице коробку спичек или пачку зубочисток, он, видите ли, не нищенствует: он занимается коммерцией. Нужды нет, что прохожий, опустив монетку в протянутую руку «коммерсанта», не возьмет его «товара». Зато соблюдены приличия и условности.

Попроси безработный милостыню, он будет задержан на месте преступления и, чего доброго, осужден за «бродяжничество». Однако ему не возбраняется обходить дворы с испорченным дедовским граммофоном, отчаянно фальшивить на скрипке посреди людной улицы или петь осипшим голосом: «Позволь назвать тебя милый, я так люблю тебя, Джейн». Не возбраняется ему и малевать цветными мелками на асфальте тротуара несложные сельские пейзажи (речка, плакучая ива, овечка; заход солнца над морем; восход луны в горах); тут же на асфальте выписана каллиграфическим почерком какая-нибудь прописная истина из библии или школьного учебника: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», «Рука дающего не оскудеет». А рядом лежит кепка, куда прохожие бросают медяки. Вы всегда увидите в Лондоне возле Национальной галереи или на набережной Темзы «уличных художников» — так называют их газеты. Миссис Грэнди опять-таки торжествует.

Но можно ли обвинять в лицемерии, ханжестве всех англичан, которым привили слепое подчинение условностям? Конечно, нет. Котельщик Джонсон или конторщик Гаррисон вовсе не лицемеры: просто они находятся в плену представлений, которые с детства внушались не только им самим, но еще их отцам, дедам и прадедам. Условности вошли у них в плоть и кровь, стали второй натурой. Они самым добросовестным образом убеждены — «так надо».

Условности, традиции, обычаи делают из англичан заядлых индивидуалистов.

Ни в одной другой стране не встретишь в городах такого преобладания маленьких домиков, рассчитанных на одну семью. Каждый истый англичанин стремится обзавестись совершенно изолированным жилищем, с собственным ходом на улицу, за дверь которого, выкрашенной в зеленый или белый цвет, можно было бы укрыться от невзгод и от соседей. «Мой дом — моя крепость», — говорят англичане. И мечтают засесть в такую крепость.

По мере того как росли города, поднимались цены на земельные участки; обзавестись коттеджем в Лондоне или, скажем, в Манчестере становилось все накладнее. Архитекторы нашли выход: они принялись вытягивать коттеджи в высоту. Только в Англии можно увидеть целые улицы трех-, четырех- и даже пятиэтажных домов, фасад которых измеряется какими-нибудь пятью-шестью шагами. Это дома-башни. На каждом этаже такого дома — не более двух комнат: внизу — общая комната (гостиная, она же столовая) и кухня, выше — спальни, под самой крышей ютится прислуга (если она

есть). Чтобы попасть из столовой в детскую, приходится преодолевать два или даже три этажа по крутой лестнице, зато здесь есть свое парадное, выходящее на улицу, и отдельный черный ход из кухни во двор, а с помощью крошечной грядки и двух чахлах кустиков за железной оградой можно убедить себя, что владеешь целым поместьем.

Но цены на городские участки продолжают расти, строить многоквартирные дома становится все менее выгодно; в Лондоне, да и в других английских городах, вырастает все больше обыкновенных многоквартирных домов в восемь, девять, десять этажей. В таком доме есть все удобства, зато нельзя избавиться от соседей, невозможно шагнуть прямо с улицы в свое жилище или завести собственный куст в палисаднике. А главное, как отправиться вечером на боковую, если тебе предварительно не пришлось карабкаться вверх по узкой и неудобной лестнице? Одна из читательниц журнала «Джон Буль» жаловалась в письме в редакцию: «Жилище англичанина уже не может быть его крепостью, если это обыкновенная квартира».

Английские архитекторы решили дать обитателям многоквартирных домов иллюзию, будто ничто не изменилось: появились дома, состоящие сплошь из двухэтажных квартир. На юго-западе Лондона я видел огромные десятиэтажные здания, где каждая квартира имеет два этажа; в десятиэтажном корпусе размещены одна над другой не десять, а всего пять квартир. Это хитрое решение позволяет тем, кто не любит новшества, сохранять и в новом доме привычные, милые сердцу неудобства и подниматься из столовой в спальню

или в рабочий кабинет по собственной внутренней лестнице. «Мезонетт» — так называют двухэтажные квартиры.

Когда Джордж Стефенсон изобрел паровоз и страна стала покрываться сетью железных дорог, для традиционной обособленности англичан возникла весьма реальная угроза. Неужели несколько десятков человек будут вынуждены сидеть в одном помещении, то есть вагоне? — с ужасом вопрошали они. Выход был найден: железнодорожный вагон превратили в длинный ряд клетушек: дверца каждого купе выходит прямо на платформу.

Английский пассажир — человек изумительной, несравненной выдержки. Никогда не забуду своего первого железнодорожного путешествия в Англии. Войдя в купе и обнаружив там трех или четырех человек, я учтиво пожелал им доброго утра. Ответа не последовало. Кто сидел уткнувшись в газету, кто уставился глазами в пространство, а дама, расположившаяся в углу, бросила на меня такой уничтожающий взгляд, что мне сразу стало ясно: я совершил очередной промах. Поездка длилась пять или шесть часов, но пассажиры просидели всю дорогу с каменными лицами, всем своим видом начисто отрицая самое существование друг друга. За это время в Америке случайный попутчик удосужился бы рассказать всю свою подноготную и подноготную своих родственников; во Франции завязалась бы дискуссия о политическом положении и росте дороговизны, а дама в углу затеяла бы флирт со своим соседом; дома, в Советском Союзе, разгорелся бы горячий спор о крупноблочном строительстве, о стихах Светлова или по-

следнем фильме Чухрая, а может быть, стихийно возникший хор спел бы «Подмосковные вечера».

Англичане в поезде целиком поглощены одной-единственной задачей: игнорировать попутчиков, доказать, что могут обойтись без постороннего общества. Недаром журнал «Панч» опубликовал однажды такую карикатуру: в купе сидит господин свирепого вида, занявший все места такими вещами, как зонтик, шляпа, перчатки, трубка с кисетом; с мрачным торжеством поглядывает он в сторону двери. «Британский характер», — было написано под карикатурой; можно было бы написать и так: «Мое купе — моя крепость».

Во всех областях жизни и быта наталкиваешься в Англии на социальные и классовые перегородки. Возьмите широко распространенный среди англичан спорт, — есть спорт для богатых и спорт для бедных.

Традиционный английский спорт для богатых — охота — культивируется в поместьях земельной аристократии. Для охоты нужны луга и леса, ружья и собаки, а часто еще и лошади — все то, что доступно лишь богачам. Особенно большие охотничьи угодья раскинулись на поросших вереском просторах горной Шотландии: там охотятся на оленей, на куропаток. Перед войной целая армия сторожей была занята охраной этих угодьев и так называемых «охотничьих домиков», часто походивших скорее на дворцы и обставленных со всей мыслимой роскошью. Накануне 12 августа — в этот день начинается охота на куропаток — из Лондона отправлялись на север вереницы специальных поездов, состоявших сплошь из спальных вагонов первого класса.

С не меньшей помпой обставлена охота на лис: она

имет свои правила, свой ритуал, даже свой условный язык, доступный только посвященным. Кто не видел репродукций с английских охотничьих картин? В центре — свора нетерпеливых гончих, которых держат на поводке псаря в ярко-красных ливреях; подалеже — верховые охотники в красных и черных костюмах и, наконец, сам «хозяин лисьей охоты» с неизменным черным цилиндром на голове, в алом кителе и белых бриджах из оленьей кожи. Быть «хозяином лисьей охоты» — большая честь для джентльмена, ради этого он пойдет на любые хлопоты и расходы, а на его визитной карточке под фамилией обязательно будут красоваться три начальные буквы этого своеобразного титула.

Казалось бы, с рыболовным спортом дело обстоит проще. Но лондонский рабочий сидит с удочкой где-нибудь на Темзе, тогда как состоятельный рыболов отправляется к берегам Твида, где играет и плещется лосось, или к горным речкам севера, кишащим форелью.

Спортом для богатых является и парусный спорт: записаться в яхт-клуб накладно, обзавестись собственной яхтой — и того дороже. То же самое можно сказать о конном поло. Гольф — игра, распространенная в Шотландии еще в XV веке, — требует больших и ровных площадей, поросших дерном и хорошо ухоженных. Немалые затраты и хороший уход нужны для устройства и поддержания теннисных кортов. Зато «боулинг» — метание шаров — излюбленный спорт рабочего люда.

Скачки в Англии, на мой взгляд, давно утратили черты спорта: это — великосветское развлечение в сочетании с азартной игрой. Ежегодные скачки в Аскоте или дерби (они происходят вовсе не в Дерби, а в Эпсоме,

неподалеку от Лондона) — повод, чтобы продемонстрировать модные туалеты и просадить шальные деньги. Впрочем, чтобы просадить деньги в тотализаторе, вовсе не обязательно отправиться к месту скачек: многие относят свою ставку в лавчонку за углом, а потом ждут с затаенным дыханием, пока телевидение, радио и печать не сообщат результатов скачек. Таким людям важны, конечно, не кони, а выигрыши.

Те, кто победнее, заменяют скачки собачьими бегами — это зрелище чисто английское, какого не увидишь больше нигде. В рабочих кварталах английских городов витрины табачных лавок пестрят большими афишами — программами собачьих бегов. Возле них собираются болельщики, взволнованно обсуждая, на какого пса поставить свои пенсы и шиллинги. Надежда на выигрыш манит и дразнит. С каким трепетом люди набрасываются на специальные выпуски вечерних газет, чтобы узнать результаты этих ни на что не похожих бегов — «собачьи результаты», как называет их печать.

Самые завзятые игроки отправляются к месту действия. Под вечер толпы людей обступают газон ипподрома; кто может израсходовать несколько лишних пенсов, покупает билет на трибуну. Букмекеры, принимающие ставки, стоят на невысоких подмостках и вопят во все горло, потрясая афишками с расписаниями бегов; они свое дело знают и без передышки записывают медали, серебро и ассигнации в большие кожаные сумки, висящие у них на животе. Как тут устоять азартному человеку? Порой в эти вместительные сумки перекочевывает вся получка.

Но вот псы в спецовках выводят собак, совершая

традиционный обход ипподрома. На привязи борзые всех мастей: серые, черные, рыжие, реже — белые; белый цвет почему-то считается тут несчастливым, и болельщики не так охотно ставят на белых псов. Собака, не кормленная со вчерашнего дня — чтобы злее была, — нервно поводит узкой мордой, подрагивает всем своим мускулистым телом, покрытым цветной попонкой. Зрители возбужденно показывают друг другу знаменитостей собачьего мира: «Рыжий дьявол!»... «Адмирал!»... «А вот Дездемона! Ставьте на Дездемону, не прогадаете!» Собак — в каждом забеге их участвует пять или шесть — загоняют на линии старта в клетку с изолированным отделением для каждой. Из клетки слышится тревожный лай, протяжное завывание, нетерпеливое пошизгивание.

Наконец делает пробный круг по железному рельсу механический заяц, движимый электричеством. Публика замирает. Заяц набирает скорость. Вот он промелькнул на белой черте старта. Передняя стенка клетки взвилась вверх. Как пущенная из лука стрела, бросается вдогонку борзая. Глаз видит несущуюся свору, но не может уследить за отдельными перипетиями стремительного бега. Публика беснуется. Двадцать... тридцать секунд, — не успеешь и опомниться, как все уже кончилось. На большой доске появляется кличка победителя, букмекеры выплачивают выигрыши, сохраняя в кожаных сумках куда более значительные проигрыши. Но букмекеры — только пешки. По-настоящему наживают-ся анонимные дельцы, остающиеся за сценой.

Англичане — люди хладнокровные, но лишь до тех пор, пока не собрались в толпу. В толпе зрителей на

каком-нибудь спортивном состязании не узнаешь англичан. «Покажи им, Дик!», «Задай им жару, Джон!» — вопят и неистовствуют болельщики.

Особенно разгораются страсти вокруг решающих футбольных матчей и ежегодного состязания в крикет между командами Англии и Австралии. Азарту способствует денежный интерес. Но дело не только в деньгах: традиционные гребные состязания между студенческими командами Оксфорда и Кембриджа вызывают совершенно бескорыстный ажиотаж.

Эти состязания происходят ежегодно в марте или апреле на Темзе в западной части Лондона. Обе восьмерки гребцов стараются вовсю; зрители теснятся не только на набережных, но и в окнах домов, на балконах, даже на крышах; вся Англия принадлежит к телевизорам. Столица Великобритании разбивается на две партии. А вечером студенты обоих университетов, и победившие и побежденные, устраивают пирушки и бродят веселыми кучками по всему городу. Что бы они ни натворили — водрузят ли шляпу на голову бронзового принца Альберта или устроят кошачий концерт под окном у декана, — все сойдет им с рук в этот вечер.

Свободное время каждого англичанина заполнено каким-нибудь любимым развлечением — «хобби». Конечно, и «хобби» чаще всего зависит от кармана: один коллекционирует, например, старинный фарфор или этрусские вазы, другой — почтовые марки и железнодорожные билеты. Но есть такое «хобби», которое встречаешь во всех слоях общества: это садоводство.

Даже если размеры «сада» не больше посового платка, любитель-садовод ухитряется копаться в нем целы-

ми часами, а по воскресеньям — с утра до вечера. Зеленый ковер дерна подстригают ежедневно, — от этого он становится ровнее и гуще. Остальное время уделяется цветочным клумбам, иногда — грядкам с зеленью, а то и оранжерее. Через забор кидают ревнивые взгляды на сад соседа: получить приз на районной выставке садоводства мечтает каждый. Есть у англичан прелестное выражение: «зеленые пальцы»; его применяют к самым способным садоводам.

Общим обожанием пользуются домашние животные и птицы. В английском доме можно встретить порой самое неожиданное существо — змею или летучую мышь, хомяка или тигренка, сову или аллигатора, — словом, все, что бегаёт, прыгает, плавает, летает, ползает под солнцем. Все это приручают ценой невероятных усилий, кормят, поят и холят. Но предпочтение оказывают кошкам и собакам. В стране имеется 12 миллионов кошек; родословные породистых кошек хранят как зеницу ока, но простого безродного кота делят ничуть не меньше, чем его аристократического собрата.

Нередко английская семья идет на всевозможные жертвы ради кошки или собаки: во время войны им порой перепала львиная доля семейного мясного пайка. В газетах печатают объявления о смерти собаки или кошки, составленные точно в таких же выражениях, как если бы умер человек. Пресса вообще уделяет животным много внимания: какие бы события ни происходили в мире, сообщение о том, что мистер Уайт подобрал в лесу ворону с подбитым крылом или что миссис Блэк удалось приручить паука, обойдет всю печать и появится под крупными заголовками.

В Англии действует множество обществ по защите животных. Есть Лига защиты кошек. Есть Ассоциация защиты лошадей и пони, созданная еще в прошлом столетии, ее президентом является герцог Бофор; она ставит себе задачей бороться против жестокого обращения с лошадьми, заботиться в зимнее время о диких лошадях, наконец, добиваться улучшения условий на живодернях...

Нигде в мире не встретишь столько снобов, как в Англии. К высшему свету, особенно к королевскому дому, они испытывают влечение, род недуга. Интерес к частной жизни великих мира сего носит прямо-таки патологический характер; особенно силен он у женской части населения. Информационное бюро Букингемского дворца рассылает редакциям газет подробнейшую хронику времяпрепровождения королевской семьи, газеты ее печатают. «Болезнь помешала принцессе Маргарет присутствовать на открытии выставки цветов; ее недомогание не носит серьезного характера», — с интересом прочитает жена бакалейщика; дойдя до слов «не носит серьезного характера», она, может быть, даже вздохнет с облегчением. У театров кинохроники, где демонстрируют кадры из придворной жизни, выстраиваются очереди. Когда объявляется заранее маршрут королевского кортежа, тысячи людей способны проставать часами под проливным дождем в надежде хоть издали увидеть королеву.

Обыватель гордится знакомством с герцогиней Пкс или лордом Игрек. Он не преминет ввернуть в разговор к месту и не к месту: «Когда я обедал у герцогини Икс...», «Как мне сказал лорд Игрек...» У специалистов

по генеалогии, проверяющих (и сочиняющих) родословные, неплохие заработки. Иной секретарь профсоюза радуется как ребенок, получив дворянский титул. «Англичане слишком ненавидят свободу и равенство, чтобы их понимать,— писал Бернард Шоу.— Зато каждый англичанин поклоняется патенту на дворянское звание и жаждет его получить». В этой шутке есть доля правды.

Английская аристократия, как и палата лордов,— прямой пережиток средневековья. В Англии имеются герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны, баронеты и просто «рыцари» (личное дворянство с титулом «сэр»). Еще не очень давно родовое дворянство считало ниже своего достоинства заниматься делами меркантильными: младший сын обедневшего аристократического семейства мог пойти в армию или во флот, стать судьей или священником, но дорога в коммерцию, в бизнес была для него закрыта. Теперь отношение к бизнесу изменилось коренным образом. Древний фамильный герб несколько не мешает его обладателю заниматься изготовлением пылесосов или подтяжек, больше того — торговать билетами на осмотр родового замка. В банковских, торговых, промышленных фирмах считается хорошим тоном заполнить в совет директоров какого-нибудь сити-лорда: это придает фирме некий блеск. Лорд Чандос или лорд Монктон, бывшие министры, стали могущественнейшими людьми среди дельцов лондонского Сити.

С другой стороны, богатые дельцы не прочь обзавестись дворянским титулом (сделать это не так трудно: достаточно внести солидный куш в избирательный фонд

консервативной, а может быть, и лейбористской партии). В результате сословные противоречия бледнеют перед классовыми. Возникла уния между родовым дворянством с его земельными угодьями и крупной буржуазией с ее капиталами. Вместе они составляют около одного процента самостоятельного населения страны, а владеют больше чем половиной ее национального богатства.

Ниже по социальной лестнице стоит прослойка, которую в просторечии называют «высшие классы». Это — землевладельцы без титула, офицерство, священнослужители, адвокатура, врачи, наиболее преуспевающая часть других лиц свободных профессий.

Еще ниже следует многочисленная мелкая буржуазия, которая в английской литературе и в разговорной речи обозначается понятием «средние классы». Тут имеется ряд тонких градаций. К так называемым «высшим средним классам» причисляют лиц, имеющих солидный заработок и образование; сюда относится техническая интеллигенция — управляющие мелкими предприятиями, инженеры. Их положение в обществе прочнее, чем положение «низших средних классов», к которым принадлежат лавочники, владельцы каких-нибудь мастерских, наконец, «работники в белых воротничках» — конторщики, счетоводы, бухгалтеры, почтово-телеграфные и муниципальные служащие.

Социальные перегородки в Англии высоки и крепки — куда выше и крепче, чем в других европейских странах. Часто слышишь ходячее выражение — «Надо же знать границу», что означает: нельзя себе позволить общаться с людьми, которые стоят ниже тебя по со-

циальной лестнице. Так скажет дама, обладающая фамильным гербом, своей дочери, которой вздумалось позвать в гости дочь управляющего местной фабрикой. Так скажет и управляющий фабрикой своему сыну, решившему приударить за хорошенькой хозяйкой бакалейной лавки.

Особо следует остановиться на очень английском понятии «джентльмен».

Джентльмен — сложный продукт английского классового общества. Он отличается от простых смертных прежде всего тем, что окончил одно из привилегированных закрытых учебных заведений — скорее всего Итон, Харроу или Винчестер, где ему преподали сложную науку: как разговаривать, одеваться, вести себя в обществе. Такие закрытые учебные заведения называются «общественными школами» («паблик скулз»), хотя меньше всего их можно считать общественными в подлинном смысле этого слова. Настоящие общественные школы в Англии — бесплатные государственные школы, где, кстати сказать, преподавание сплошь и рядом поставлено лучше, чем в закрытых учебных заведениях, программы которых перегружены изучением древних языков — латинского и греческого. Привилегированные закрытые учебные заведения основаны в стародавние времена: Итон — в 1400 году, Харроу — в 1571-м, Винчестер — в 1382 году. Древние серые каменные здания этих школ, в которых размещены учебные классы и dortуары, напоминают по внешнему виду монастырь; сходство увеличивается еще и тем, что в центре школьных зданий высится непременно часовня, которую школьникам приходится посещать ежедневно.

Плата за учение в закрытых школах высока, она по карману только очень состоятельным семьям: таким образом проводится черта, ограничивающая круг учащихся; это классовая черта. Несмотря на высокую плату, наплыв в закрытые школы так велик, что детей заносят в школьные списки чуть ли не со дня рождения. Так поступает не только аристократия и крупная буржуазия; достаточно любой чете из «средних классов» пробиться на более высокую ступеньку, как она уже мечтает о закрытой школе для своего отпрыска. Какому любящему отцу, какой матери не хочется, чтобы сын с самого начала жизненного пути попал в узкий круг привилегированных?

Окончив закрытую школу, а потом Оксфорд или Кембридж, молодой человек усваивает определенное произношение («стандартное английское»), которым пользуется и диктор на радио, и священник в церкви. У него безукоризненные манеры, он не станет, например, за едой помогать себе ложкой в борьбе с зеленым горошком. Он досконально знает, как надо одеваться, и ни за что не покажется на людях в новом костюме или в новой шляпе, — чего доброго, назовут выскочкой (бывший премьер-министр Макмиллан позировал фотокорреспондентам в заплатанных брюках). Кругозор молодого джентльмена узок, он представления не имеет о том, что творится в мире, но он доволен собой и будущее его обеспечено. Он приобрел определенный круг нужных знакомств, сидел на одной парте с наследником владельца пушечного концерна, играл в футбольной команде вместе с юным лордом. Перед счастливицом открыты все дороги.

«Настоящий джентльмен» чувствует «настоящего джентльмена» издали, неким шестым чувством. На всякий случай питомец «закрытой школы» уносит с собой в жизнь отличительный признак: школьный галстук особой расцветки — черный с синими полосками для выпускников Итона, синий с белыми полосками для выпускников Харроу, сине-лилово-коричневый для воспитанников Винчестера. Если в каком-нибудь правительственном учреждении открылась вакансия, питомцу закрытой школы она обеспечена в первую очередь, а в правлении банка или солидного концерна ему могут найти вакансию, даже если ее нет. Бывший воспитанник Итона, а ныне убежденный сединой директор крупного департамента будет подолгу расспрашивать желторотого новичка, как обстоят дела в старой школе и все ли еще свирепствует на уроках латыни хромоу Бенгли по кличке «Тигр». Марка Итона делает свое дело.

Но подавляющее большинство 52-миллионного населения Англии не относится ни к аристократии, ни к «высшим» или «средним классам», не подпадает и под категорию «джентльменов». Не так еще давно этот слой населения называли «низшим сословием»; теперь такого термина избегают: дань веку. Я говорю о людях труда, которые куют благополучие страны и создали своими руками все, что в ней есть лучшего. Свыше девяти десятых ее самостоятельного населения работают по найму, из них больше двух третей — рабочие.

В последние десятилетия рабочие Англии добились многого. Бесплатным стало медицинское обслуживание. Введено обязательное страхование на случай безрабо-

тицы, болезни, инвалидности, однако страховой фонд создается в значительной части из взносов самих рабочих и служащих. Старики получают пенсию, — правда, цены беспрестанно растут, и для безбедного существования ее недостаточно.

Среди работающих по найму сильно возросло число женщин: по сравнению с довоенным временем оно увеличилось больше чем в четыре раза. Прежде в большинстве профессий работать замужним женщинам считалось зазорным. В конторском мире, например, выход замуж секретарши или машинистки сопровождался, как правило, своеобразным ритуалом: фирма преподносила счастливой новобрачной столовый прибор — ложки, вилки, ножи, после чего тут же автоматически вычеркивала ее из штатных ведомостей. Война, вызвавшая острый недостаток рабочей силы, заставила по-новому взглянуть на женский труд. Впрочем, и сегодня во многих отраслях промышленности женщина зарабатывает почти наполовину меньше, чем мужчина одинаковой квалификации.

У английского рабочего золотые руки. Часто он перенимает профессию от отца, деда и прадеда. Принадлежностью к своей профессии он гордится. В былые времена в рабочей среде был распространен обычай: носить на предплечье татуировку — эмблему профессии. Молоду рабочий проникается чувством солидарности с теми, кто трудится рядом с ним. Он всегда готов поспешить на помощь товарищу по заводу или соседу, попавшему в беду.

Но он куда сильнее чувствует свою связь с товарищами по профессии, по цеху, чем с рабочим классом

в целом. Он готов вступить в борьбу, забастовать, если ущемлены его цеховые интересы,— этому способствует цеховая структура профсоюзов. Труднее ему подняться на борьбу за общеклассовые задачи.

Обирая многочисленные колонии и зависимые страны, английская буржуазия могла подкармливать у себя дома довольно широкую прослойку квалифицированных рабочих,— Маркс и Энгельс называли ее рабочей аристократией. Перепадало кое-что и другим прослойкам. Большинство трудящихся бессознательно участвовало, таким образом, и еще продолжает участвовать в колониальной эксплуатации. Это не могло, конечно, не отразиться на их психологии и образе мыслей. Достаточно сказать, что значительная часть рабочих еще голосует на выборах за консерваторов.

И конечно же английский рабочий не свободен от груза старых традиций. Я это понял тридцать лет назад во время крупной забастовки ткачей в Ланкашире.

Забастовка, охватившая 160 тысяч человек, была объявлена вопреки воле профсоюзного руководства; она затянулась на много месяцев и носила ожесточенный характер. В борьбе с штрейкбрехерами — ланкаширские пролетарии зовут штрейкбрехера «нобстик» («палка с набалдашником») — дело доходило до рукопашной. Кое-кому из «нобстиков» пришлось познакомиться с такой неприятной процедурой, как холодная ванна в речке или канале. Но меня удивляло странное, на мой взгляд, обстоятельство: в фабричных городах Ланкашира, где бастующие ткачи были могучей силой, они ожидали исхода стачки дома, сложа руки, или отправлялись за город... играть в футбол. Я не видел ни массовых

собраний бастующих, ни уличных демонстраций, — разве что группа пикетчиков с позором проводит домой штрейкбрехера под звуки импровизированного оркестра (для пущей издевки).

Беседуя в Берли — цитадели бастующих — с одним из их руководителей, я спросил его, не было ли в городе демонстраций.

— Что вы! — ответил он. — Ходить толпой по улице не принято. Что скажут соседи!

Бастующий пролетарий дрожал перед миссис Грэнд-ди! Сперва такая мысль показалась мне дикой; потом я понял, что это — венец всего английского образа жизни, плод сложной и тонкой психологической обработки, которой народ Англии подвергается на протяжении многих веков.



Лондон



ы колесим по улицам Лондона. За рулем машины — директор Архитектурной ассоциации Эдвард Картер, автор интересной книги «Будущее Лондона». Эдвард Картер влюблен в свой неповторимый и — при всех его противоречиях — прекрасный город. Он предложил показать мне новый участок жилых до-



мов Рогемптон, построенный муниципальными властями на юго-западе английской столицы.

По пути мы пересекаем центральную часть города. Едем по невероятно узким улицам, подолгу стоим на одном перекрестке, на другом, попадаем в «пробку»... Эдвард Картер мрачнеет.

— Эти улицы были проложены несколько веков назад, когда автомобиля не было и в помине, — говорит он, посасывая трубку. — Представьте себе: они сохранились почти такими же, какими были вначале... Надо, не теряя времени, браться за омоложение нашего старого города. Нельзя больше откладывать. Нашим архитекторам такая задача по силам. Либо мы перестроим Лондон, либо станем свидетелями его загнивания. Таков выбор.

...И вот мы в Рогемптоне. Да, директор Архитектурной ассоциации прав: лондонские архитекторы показали здесь, что они способны на многое. Десятиэтажные многоквартирные дома производят впечатление легкости и изящества. Рядом в зеленой рамке маленьких садиков одноэтажные домики для престарелых. В центре жилого массива — универмаг, лавки, библиотека. Много воздуха, света.

— Сколько тут жителей? — спрашиваю я.

— Девять тысяч.

Я вспоминаю московский Юго-Запад с его массовым жилищным строительством и невольно качаю головой... Да, английским архитекторам по силам сложная задача реконструкции своей столицы. Но по силам ли это социальному строю, который господствует сегодня в Англии?..



Бернард Шоу, мастер острого слова, говорил: «Трудно представить себе худшего злодея, чем тот, кто построил бы новый Лондон, похожий на нынешний, как и большего благодетеля рода человеческого, чем тот, кто стер бы Лондон с лица земли». И еще: «Все, что требуется Лондону для его оздоровления,— это землетрясение...»

Лондон рос хаотически. Он возник еще тогда, когда к берегам Темзы вплотную подступали болота. На языке древних кельтов «лон-дон» или «лин-дун» означало: крепость на болоте. Историки спорят о том, кто основал здесь первое поселение: коренные жители Британских островов или легионеры Цезаря, покорившие этот край в 55 году нашей эры. Так или иначе римляне оставили свои гарнизоны на Темзе, замостили дороги, построили дома и храмы, окружили их городскими стенами. Римские завоеватели строились прочно, и следы их владычества сохранились по сей день: при закладке фундамента нового здания то и дело находят реликвии той эпохи, и порой во дворе унылого многоэтажного дома вы вдруг набредете на поросший мохом и плющом древнеримский бастион.

Старина обступает вас в Лондоне повсюду. Древний Тауэр — резиденция королей, тюрьма и застенки, — окруженный массивными крепостными стенами и глубоким рвом, кажется, еще таит в своих закоулках тени замученных. Пожелтевшая от времени летопись описывает, как, присутствуя при пытке «еретички» Анны

Аскью, лорд-канцлер Райозли расплился: скинув камзол, он встал к дыбе и так рьяно орудовал рычагами, что разорвал ее тело на части. В длинном перечне мучеников Тауэра упоминается и Томас Мор, автор «Золотой книги, столь же полезной, как забавной, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», оставившей глубокий след в сознании человечества. Вам и сейчас покажут место у «Ворот изменников», где дочь великого гуманиста прорвала кордон стражи, чтобы в последний раз броситься на шею отцу, когда его доставили сюда после вынесения смертного приговора.

Романтика старины как магнит влечет к Тауэру туристов и детвору. В одной из башен выставлены на всеобщее обозрение «драгоценности короны»: бирманские рубины, южноафриканские алмазы, индийский жемчуг, австралийские сапфиры. Одна из королевских тиар украшена огромным бриллиантом Кохинор, — знаменитые драгоценные камни, стоимостью в целое состояние, носят имена собственные, подобно людям. Тауэр приобрел в наши дни вполне идиллический вид: ясным днем, когда его башни залиты солнцем, трудно поверить, что здесь творилась та самая история Англии, которую, по выражению Вольтера, «должен был бы писать палач, ибо он заканчивал все великие дела».

Вас поражает Вестминстерское аббатство, одетое в орнаменты, изящные, как брюссельские кружева. украшенное башенками, острыми шпилями, ложными арками, — величественная каменная симфония, созданная гением и трудолюбием человека. Под высокими сводами покоятся здесь короли и флотоводцы, ученые и дипломаты, купцы и стрельчие, воины и поэты. Недвижимую

лежат на саркофагах изваяния Плантагенетов. Мраморный Питт все еще грозит Наполеону. Замерли, зажав в руках свитки с текстом речей, Пальмерстон и Каннинг. Рядом — тяжелая плита: могила Неизвестного солдата, одного из тех, кому пришлось жизнью своей расплатиться за чрезмерно тонкие расчеты и грубые просчеты сильных мира сего.

В «Уголке поэтов» — могилы Чосера и Бена Джонсона, Шеридана и Теннисона, Браунинга и Вордсворта. Шекспир в раздумье облокотился на стопку своих книг; впрочем, его могила не здесь, а в тихом Стратфорде-на-Эйвоне. Джон Гэй, автор прелестной «Оперы нищих», избавившей его от нищеты и принесшей ему богатство, с неукротимым юмором усмехается в лицо самой смерти. «Жизнь — только шутка, все это подтверждает; прежде я об этом догадывался, сейчас я знаю это наверняка», — гласит надпись на камне. В этом своеобразном клубе литераторов отсутствует Байрон: церковники запретили ему доступ, обвинив в атеизме и прочих смертных грехах. Зато сюда затесалась ныне позабытая всеми Афра Бин, литературная дама с весьма пикантной биографией.

Приметы седой старины вы видите в Лондоне повсюду. На стенах старых домов еще красуются опознавательные знаки, заменявшие номера в те дни, когда посыльные и кучера не знали грамоты: изъеденный временем барельеф, голова мавра в тюрбане, грифон с отбитым крылом. В тавернах, приютившихся в подвалах и проходных дворах, кажется, еще пирует дух развеселого гуляки сэра Джона Фальстафа. Нужды нет, что от некоторых таверн остались одни имена — они не выдер-

жали патиска столетий, но все равно гордятся знатными посетителями веков минувших: как утверждают, в «Черте» засиживался Свифт, в «Красном льве» — знаменитый актер Гаррик, в «Старом чеширском сыре» — Теккерей и Диккенс.

Но что за путаница кривых улочек и тупиков, какие лабиринты темных, похожих на тесные ущелья переулков, а главное, что за контрасты!

Лондонский Уэст-энд («Западная сторона») с его дворцами и особняками, парками и памятниками привык поглощать богатства Британии и ее колоний. Миллионы рабов всех цветов кожи гнули спины на чайных плантациях Цейлона, на алмазных россыпях и золотых приисках Африки, в каучуковых рощах Малайи, чтобы плоды их труда воплощались в мрамор и бронзу на берегах Темзы. Этот Лондон, описанный во всех путеводителях, не имеет ничего общего с пролетарским Ист-эндом («Восточная сторона»).

Если вы спуститесь в подземку где-нибудь на Пиккадилли и отправитесь в глубь Ист-энда, вам покажется, что вы попали в другой город. На грязных, замусоренных улицах выделяются лишь ярко освещенные по вечерам дешевые кинотеатры. Рядом с неуклюжими коробками фабрик и заводов выстроились мрачные кирпичные здания — «слэмз», городские трущобы, о которых писали Энгельс и Шоу. Многие из этих домов — если их можно назвать домами — стоят с тех самых пор. Домовладелец по собственной воле не обречет на слом даже самое обветшалое и пришедшее в полную негодность здание; зачем ему беспокоиться? Он получает хороший доход и с трущобы: какая-нибудь сырая и тем-

пая берлога отнимает у лондонского рабочего пятую, а то и четвертую часть заработка.

Понятия «Западная сторона» и «Восточная сторона» легко могут ввести в заблуждение. Демаркационная черта между богатством и бедностью проходит в британской столице не только по линии Запад — Восток. Ист-энд не географическое, а скорее социальное понятие. Один из трущобных районов, пользующихся наихудшей репутацией, — Пимлико — берет начало в двух шагах от здания парламента, другой — Паддингтон — расположен между Гайд-парком и Риджентс-парком, убогие улицы Сент-Панкраса протянулись в северной части города, унылые кварталы Баттерси лежат к югу от Темзы. Лондонец никогда не причислит Пимлико или Паддингтон к Уэст-энду.

Случается и так: вы идете по одной из красивейших магистралей Уэст-энда и вдруг, повернув голову, видите в переулке угрюмые, обветшавшие здания, — они словно бросают вызов окружающему благополучию.

Коренной житель Ист-энда своим образом жизни, привычками, даже внешним видом резко отличается от рослого, упитанного богача из Уэст-энда. Да и говорят в Ист-энде на особом диалекте — «кокни», и не каждый питомец Кембриджа сразу поймет лондонского докера.

Особое положение занимают окраины столицы, где обосновалась мелкая буржуазия — рантье, лавочники, служилый люд, а кое-где и рабочая аристократия. Целые улицы застроены совершенно однотипными домами — теми самыми, которые вытянулись вверх.

Но вернемся в центр города. Пройдемся туристским маршрутом мимо дворцов и церквей, возведенных в раз-

ные века Иниго Джонсом, братьями Адам, Джоном Нэшем, Джоном Сооном и самым великим из всей плеяды английских архитекторов прошлого — Кристофером Реном. Возьмем с собой карту Лондона: я не знаю занятия увлекательнее, чем ходить по чужому городу, ориентируясь по карте.

Начнем наш путь дорогой парков. Лондон заслуженно гордится великолепными парками, — почти все они расположены в западной части города. Среди них наибольшей известностью пользуется огромный Гайд-парк с его продолжением — тенистым, излюбленным детьми Кенсингтонским парком. Когда-то короли Англии охотились тут на оленей, потом Гайд-парк стал пристанищем разбойников и дуэлянтов, теперь по вечерам сюда стекаются парочки со всего города, и летом густая трава усеяна телами: дань миссис Грэнди, которая запрещает молодым людям встречаться у себя дома до вступления в законный брак; то, чего нельзя делать дома, в четырех стенах, оказывается, допустимо на людях.

Не могу удержаться, чтобы не привести здесь выдержки из парламентского отчета «Таймс», опубликованного 19 июня 1959 года. В палате общин зашла речь о заявлениях приезжего американского проповедника Билли Грэхема, возмущавшегося вольным поведением парочек в Гайд-парке; вопрос этот был поднят консерватором Липтоном, ему отвечал министр внутренних дел Батлер. Произошел следующий диалог:

«М-р Батлер. Надеюсь, что, когда законопроект о правонарушениях на улице станет законом, полиция сможет более эффективно бороться с такими неприятно-

стями. Жалобы на поведение публики в королевских парках подлежат рассмотрению министерства общественных работ.

М-р Л и п т о н. По свидетельству м-ра Билли Грэхема и других, обратившихся ко мне с письмами в подтверждение его заявлений... (Возгласы: «Кто такой Билли Грэхем?» «Что он сказал?») — в королевских парках среди белого дня на глазах у прохожих люди вступают в половые сношения. Если происходят такие вещи, — разве не долг министра внутренних дел принять меры, чтобы стереть это пятно с честного имени Лондона?

М-р Б а т л е р. Я уже сказал, что, как мы надеемся, с принятием нового закона дело подвинется вперед. Впрочем, за последние три месяца по одному лишь Гайд-парку были привлечены к ответственности за приставание, непристойное или оскорбительное поведение 538 лиц.

М-р Ш и н у э л. Все это, может быть, и так, но разве нам немножко не надоели люди, которые, приезжая в нашу страну, рвутся разоблачать дела такого рода?

М-р Э л л и с С м и т. А также другие, которые поднимают такие вопросы в парламенте? (Смех)...

В северо-восточном углу Гайд-парка, против триумфальной Мраморной арки, где когда-то возвышалась виселица Тайберн три («Тайбернское дерево»), по вечерам и по воскресным дням происходят состязания в красноречии. Взобравшись на складную трибуну, на стул, а то и на ящик из-под мыла, добровольцы с сильными голосовыми связками ораторствуют кто во что горазд. Преобладают сектанты: один предсказывает светопреставление, другой клеймит безнравственность

молодежи, третий, не мудрствуя лукаво, читает выдержки из библии. Говорят здесь и о политике. Лондонцы не придают особенного значения ораторским упражнениям в Гайд-парке. Зато умиляются иностранные туристы: ах, свобода слова! Но пусть любой из ораторов Гайд-парка попробует выступить по радио или опубликовать статью в «большой прессе», — его быстро поставят на место.

Покинув Гайд-парк через северо-восточные ворота и пройдя две-три людные улицы, мы окажемся в Риджентс-парке с его зоологическим и ботаническим садами. Если же мы выйдем из Гайд-парка через юго-восточные ворота, мы сразу попадем в другой зеленый массив — Грин-парк, а оттуда — в Сент-Джеймс-парк. Посреди идиллического Сент-Джеймс-парка растянулся длинный и узкий пруд, где с пронзительными криками плещутся водоплавающие всех континентов. Сюда смотрят окна Букингемского дворца, а также дворца Сент-Джеймс. Из его ворот вышел в утро казни король Карл I; через этот мирный парк провели его на Уайтхолл, где ждала плаха.

Пройдем и мы на широкую улицу Уайтхолл, оставив справа здание парламента, оцетинившееся бесчисленными остроконечными шпилями, — во всем величии поздней готики. Сверим мимоходом наши часы с «Большим Беном» на Башне часов. «Большой Бен» не отстает от бега времени, чего никак не скажешь о некоторых парламентариях в этих стенах. Перед нами — Ксенотаф, простой белый обелиск в память павших солдат, воздвигнутый после первой мировой войны. Помню, как Альфред Розенберг, прибыв в Лондон

в качестве эmissара Гитлера, инсценировал здесь «дружеский жест», возложив у подножия обелиска венок от нацистского правительства. Даже сдержанные англичане решили, что это — слишком: проезжавший мимо автомобилист сорвал с венка ленту, другой сунул в свою машину самый венок — и был таков. «Дружеский жест» Альфреда Розенберга успеха не имел.

Уайтхолл — улица правительственных учреждений. Здесь находятся министерства колоний, внутренних дел, финансов, обороны, военно-морское («Адмиралтейство»). В крошечном тупичке Даунинг-стрит стоит с виду ничем не примечательный дом № 10 (я тщетно искал в тупичке домов с нумерацией от одного до девяти: их нет). Со времени Роберта Уолпула, точнее — с 1735 года, дом № 10 на Даунинг-стрит известен как резиденция премьер-министра Англии. Напротив — фореин оффис, министерство иностранных дел.

С Уайтхолла мы проследуем на Трафальгар-сквер, просторную площадь в центре Лондона. Посреди площади — высоченная колонна Нельсона; на ее капители — бронзовая фигура победителя Трафальгарского сражения; у подножия колонны дремлют четыре льва. Площадью завладели голуби; они садятся на головы львов, на шляпу адмирала, спуют под ногами у прохожих, клюют зерно из рук детворы. С северной стороны площади возвышается колоннада Национальной галереи, одной из самых крупных картинных галерей мира. Там собрана превосходная коллекция английских художников: пейзажи Тёрнера с его неповторимыми солнечными закатами, портреты Гейнсборо, полотна Констебла и Крома. В дальнем углу Трафальгарской пло-

щади — старинная церковь св. Мартина-на-Лугах; в суровую пору экономического кризиса начала тридцатых годов здесь разрешалось почевать бездомным; каменные своды укрывали их от дождя и ветра, хоть и не спасали от ледящего холода.

Как и Гайд-парк, Трафальгар-сквер — традиционное место рабочих митингов. Людская толпа волнуется тогда вокруг колонны Нельсона, ораторы взбираются на ее пьедестал и произносят речи, стоя рядом со львами.

На Трафальгар-сквер выходит улица великосветских клубов: Пэл-Мэл. Так называлась игра, предшественница крокета, получившая большое распространение в XVII веке: деревянный шар гоняли молотком через кольцообразные железные ворота; улица возникла на месте аллеи, где когда-то играли в эту игру. На Пэл-Мэл и в соседних переулках расположены все знаменитые лондонские клубы: Уайта, Брука, Карлтон, Тёрф, Малбро, Военный и Флотский, Королевский автомобильный и другие. Клубы Пэл-Мэла кичатся своей историей, своими обычаями, знаменитостями, которые их посещали. В клубе Путешественников вам покажут специальные перильца, надставленные в свое время над широкими лестничными перилами для удобства члена клуба князя Талейрана в бытность его французским послом в Лондоне: Талейран хромал, и ему было трудно подниматься по лестнице. В ресторане Атенеума вас посадят в дальний угол, не преминув сообщить, что на этом месте постоянно обедал Теккерей, наблюдая кипевшую кругом ярмарку тщеславия. В клубе Холостяков вам расскажут об удивительном пари, вы-

игранном завсегдааем клуба маркизом Куинсбери. Побившись об заклад, что придет сюда пешком в чем мать родила из другого клуба, он велел выставить дно своей кареты, забрался внутрь и прошел весь путь, передвигаясь одновременно с каретой.

Новые клубы возникают в Лондоне не так часто. Но вот недавно я неожиданно получил из Лондона письмо такого содержания:

«Дорогой член нашего клуба!.. Мы имеем честь сообщить вам, что вы избраны почетным членом Пикквикского клуба, членство в котором ограничено кругом работников театра, кино, телевидения и смежных творческих профессий...»

Письмо подписал председатель новоиспеченного Пикквикского клуба, известный комический артист Гарри Сикомб, талантливо исполняющий на сцене роль мистера Пикквика. К письму был приложен билет члена Пикквикского клуба № 390. Теперь и у меня есть в Лондоне свой клуб!..

Заглянув в клубы Пэл-Мэла, пройдемся по Сент-Джеймс-стрит, портняжные фирмы которой одевали многие поколения лондонских щеголей. Кругом раскинулись аристократические кварталы Уэст-энда с их очень вместительными и очень холодными особняками и тихими, поэтичными скверами. Эти скверы невелики, но их газоны походят на ровный зеленый ковер, а немногие могучие деревья выглядят здесь так, словно растут не в центре огромного города, а где-нибудь в лесной глуши. В глубине сквера вы увидите фонтан, мра-

морный памятник или заброшенную беседку. Да вот беда: такие скверы считаются частной собственностью, они огорожены железными решетками, а ключи от калиток хранятся у владельцев окружающих особняков; ребятишкам с соседних улиц доступ за решетку закрыт.

Наш путь лежит через феешенебельный проспект Пиккадилли, где разместились ателье мод, ювелирные и антикварные лавки, магазины автомобилей. Купить что-нибудь здесь или на соседних улицах Бонд-стрит и Риджент-стрит — значит заплатить двойную цену за торговую марку. Спобов это не останавливает.

В конце проспекта Пиккадилли — площадь того же наименования: Пиккадилли-сэркус, от которой, словно лучи от солнца, исходят во все стороны шесть уличных магистралей. В центре тесной площади, где потоки машин беспрестанно создают пробки, красуется крылатый юноша с натянутым луком в руках. Лондонцы называют эту статую «Эросом»; мало кто знает, что она поставлена в память графа Шафтсбери, филантропа прошлого века, и что газеты в то время утверждали, будто она изображает «ангела христианского милосердия».

Пет, купидон здесь куда уместнее, чем ангел милосердия. Вокруг площади, а также на соседнем Лестер-сквере и на прилегающих улицах теснятся рестораны, театры, кино, кабаре — словом, увеселительные заведения и значные места всякого рода. По вечерам световые рекламы заливают все кругом разноцветными неоновыми огнями и огненные буквы выводят надпись на стене: «Кока-кола»!

Не так давно в Англии законодательным актом за-

претили проституцию, по Пиккадилли и по Лестер-скверу больше не ходят вереницы размалеванных девиц, заговаривающих с прохожими. Проститутки занимаются своим ремеслом по-прежнему; закон лишь согнал их с улиц в притоны, которые скрываются под вывесками ночных кабаре, танцклассов, кабинетов лечебного массажа, подозрительных заведений, где демонстрируют стриптиз. Но приличия соблюдены, и миссис Грэнди может спать спокойно.

«Прощай, Пиккадилли, прощай, Лестер-сквер!» — пели английские солдаты первой мировой войны, отправляясь в окопы на Марне. Распрощаемся и мы с Пиккадилли и Лестер-сквером. Несколько шагов по Гаррик-стрит, и вот мы у дверей оперного театра Ковент-гарден, в состав которого входит знакомая советским зрителям балетная труппа Садлерс Уэллс. А рядом раскинулся один из самых больших оптовых рынков Лондона — он называется так же, как и театр, а торгуют здесь овощами, фруктами и цветами. С раннего утра тут — толчея грузовых машин, тележек зеленщиков и цветочниц. Вечером, когда в театре опускается занавес и стихают аплодисменты, зрители в вечерних туалетах дожидаются своих лимузинов рядом с грузовиками, груженными картошкой, морковкой, сельдереем; аромат дорогих духов смешивается с запахом капусты. Так повелось истари: театр был построен здесь в 1732 году (нынешнее его здание — третье по счету), рынок возник еще раньше.

Продолжив наш путь кривыми переулочками на север, мы очутимся под колоннадой Британского музея. Среди лондонских музеев он занимает первое место,

а этим сказано многое: ведь столица Англии — город музеев. В залах и галереях Британского музея — бесценные сокровища древних культур Ассирии и Вавилона, Египта, Греции и Рима, коллекции мексиканских масок, австралийских бумерангов, деревянных божков с Борнео и Гавайских островов, траурных таитянских одежд и золотых украшений из Южной Африки. Собирая эти сокровища, генералы и дипломаты, мореплаватели и миссионеры беспощадно обирали руины дворцов, пирамиды и храмы, римский Колизей и афинский Парфенон.

Байрон бичевал гневными словами это неумное стяжательство. Влюбленный в древнюю Элладу, он не хотел мириться с низкими махинациями своего современника лорда Элгина, британского посла в Константинополе. Лорд Элгин воспользовался беспомощным положением Греции, стоявшей под турецким игом, чтобы откупить у османских властей разрешение ограбить Акрополь. В Британском музее находится половина огромного фриза, барельефы и статуи работы Фидия и его учеников. Я побывал на Акрополе: кажется, самые камни его вопиют об этом бессовестном грабеже.

Гордость Британского музея — его библиотека. Здесь грозятся целые Монбланы замечательных творений человеческого ума и таланта — от рукописей на папирусе до самых последних изданий Нью-Йорка, Токио, Москвы. В читальне музея работали Маркс, Энгельс, Ленин; не мудрено, что сюда влечет всякого советского человека. Впервые попав в Лондон, я не задумываясь велел шоферу такси доставить меня «в гостиницу напротив Британского музея». Так я очутился в Монте-

гю-отеле и в течение нескольких месяцев постоянно видел из своего окна серую громаду музея... Сейчас в Монтегю-отеле останавливаются советские туристы.

Как уже сказано, Лондон — город музеев. Но на месте их главного зрителя я бы не колеблясь закрыл один из них, который посещается, пожалуй, больше всех других, но носит название музея по чистому недоразумению. Я говорю о так называемой «Выставке мадам Тюссо». Более полутора столетий назад некая мадам Тюссо привезла в Лондон коллекцию восковых фигур, которая непрерывно изменялась и дополнялась и приобрела мировую известность. Заслуженную ли? Пламя пожара растопило старые экспонаты, а восковые изображения всевозможных знаменитостей, выставленные в музее мадам Тюссо сегодня, выполнены на редкость бесталанно и, за немногими исключениями, имеют весьма отдаленное сходство с оригиналом. В мертвой неподвижности застыли жалкие копии президентов и королей, фельдмаршалов и архиепископов, поэтов и космонавтов (бедный Гагарин, как они его изуродовали!). Это зрелище щекочет любопытство обывателей, но ничего не даст ни уму, ни сердцу. Главная же приманка для посетителей — расположенный в подвальном помещении «Зал ужасов» — производит и вовсе отталкивающее, тошнотворное впечатление: наряду с макетами средневековых пыток, здесь выставлено до ста изображений «прославившихся» убийц и грабителей, — некоторых из них мы видим на месте преступления, других — в тюремной камере или у подножия виселицы... Какая-то вакханалия злодеяний и крови. Скорее прочь, на свежий воздух!

Мы снова на людных улицах лондонского центра. После восковых фигур с неестественно подрумяненными щеками зрелище живых людей из плоти и крови производит прямо-таки освежающее впечатление.

Вернемся на Трафальгарскую площадь и пойдем от нее на восток по Стрэнду, шумной улице, идущей параллельно Темзе. Отсюда крутой спуск вел когда-то к берегу реки. Теперь он застроен, и река скрылась за высокими домами. Темзу оседлали могучие мосты; один из них — мост Ватерлоо, откуда поток машин и пешеходов выливается на Стрэнд, — пользуется дурной славой. Это мост самоубийц. Почему отчаявшиеся люди избрали мост Ватерлоо, чтобы сводить счеты с жизнью? Не потому ли, что блеск и роскошь Стрэнда с его великосветской гостиницей «Савой», театрами и ресторанами заставляет их острее ощутить горе и нищету? И вот — приглушенный крик в ночи, всплеск воды вниз, под мостом, а наутро — кричащий газетный заголовок: «Новая тайна моста Ватерлоо».

Стрэнд — улица театров. Англичане — большие театралы, и в Лондоне десятки театров — от старинного «Глоб», на фронтоне которого выгравирована по-латыни надпись: «Весь мир играет комедию», до молодой «Театральной мастерской» с ее смелыми исканиями. В Англии первоклассные актеры, но, за редкими исключениями, драматические театры не имеют постоянной труппы. Антрепренер подбирает труппу, как правило, для определенной постановки; репетиции длятся две-три недели, после чего спектакль идет каждый вечер, пока делает сборы; с последним представлением труппа распускается.

Перед театром, где спектакль идет с успехом, — равно как и у кино, где демонстрируется боевик, — выстраиваются очереди за дешевыми билетами. Большие плакаты у касс возвещают: «Становитесь здесь в хвост за билетами в амфитеатр», «Становитесь здесь в хвост за билетами на галерею»; тут же указана цена. В театральном «хвосте» вы увидите и студента с учебником физики, и старушку, которая вяжет джемпер, устроившись на складном стуле, и молодую пару, поглощенную обсуждением каких-то сугубо личных дел. Англичане утверждают, что очереди — изобретение английское. Современный юморист пишет: «Очереди — национальная страсть нашей в других отношениях бесстрастной расы. Даже когда англичанин находится в одиночестве, он образует аккуратную очередь из одного человека...»

Продолжением Стрэнда является узкая и темная Флит-стрит. Ее заполонили газеты, журналы, телеграфные агентства. Рядом, на Фаррингдон-роуд, находится скромное здание рабочей газеты «Дейли уоркер».

Флит-стрит лежит уже в пределах «делового» района — Сити, где сосредоточены банки, правления крупных промышленных концернов, страховых фирм, пароходных и авиалиний. «Сити» означает по-английски — город. И в самом деле, Сити — город в городе, одна квадратная миля, обособившая себя от остального Лондона и ревностно защищающая свои привилегии, дарованные королевскими грамотами и парламентскими актами. В самом сердце Сити высится собор св. Павла, творение Кристофера Рена. А здания Английского банка и Королевской биржи, украшенные высоченными колоннами, похожи на античные языческие храмы.

Каждое утро соседние вокзалы и станции метро изрыгают полумиллионную армию бухгалтеров и счетоводов, кассиров и конторщиков, стенографисток и посыльных. Целый день трудятся они здесь, склонившись над толстыми grossбухами, щелкая на арифмометрах, стуча на пишущих машинках. Вечером поезда железных дорог и метро, автобусы и автомобили развозят их по домам, и тогда весь район пустеет. В воскресный день вы встретите на улицах Сити только кучки американских туристов; странное, жутковатое чувство испытываете вы тогда на этих опустевших улицах — будто вы перенеслись в один из вымерших городов, порожденных фантазией Герберта Уэллса.

В Сити сходятся нити управления империей. И хотя былое могущество хозяев этой империи сильно поколеблено, еще и сейчас порой достаточно мановения чьей-нибудь старческой руки в Сити, чтобы поднимались в цене или обесценивались курсы акций в Лиссабоне или Буэнос-Айресе, продавались с торгов фабрики и заводы где-нибудь в Австралии, а какой-нибудь феодальный князек в далекой жаркой стране двинулся в поход на соседей.

Каждый год после выборов очередного лорд-мэра Лондона он покидает Гайлдхолл («Дом гильдий») и, облачившись в бархатный, расшитый серебром камзол, совершает объезд квадратной мили Сити. По пятам за ним следует карнавальное шествие: одетые в средневековые наряды представители древних гильдий везут на современных автомашинах потешных истуканов Гога и Магога — исполинские деревянные куклы, изображающие двух гигантов, легендарных основателей Лон-

дона. Даже самой королеве Англии доступ в Сити разрешен лишь после выполнения сложного церемониала. Хозяева Сити строго блюдают обычаи старины. Ах, как им хотелось бы остановить неумолимую поступь истории!

Сразу за стенами «делового» района, вниз по Темзе, начинается полоса доков — лондонского порта, растянувшегося на много километров. Когда-то к этим берегам приставали римские галеры, потом — стройные ладьи норманнов, еще позже — неуклюжие парусные брига. Почти у самого берега стоял над водой помост, на котором казнили пиратов: их вешали в часы отлива и не вынимали повешенного из петли, пока его трижды не накрывал прилив; наряду с прочими, здесь расстался с жизнью легендарный капитан Кидд, кумир английских мальчишек.

Он неказист, этот лондонский порт: с его причалов не видно морских просторов, манящих вдаль. Во время отливов Темза мелеет, и современные океанские суда не могли бы подходить к Лондону, если бы не искусственные водоемы — доки; некоторые из них невелики, другие могут вместить целые эскадры. Поднявшись вверх по Темзе, корабли заходят в эти бассейны, словно усталые кони в стойла. На поверхности водоемов плавают отбросы, желтеют нефтяные пятна. Со всех сторон громоздятся бесформенные строения складов и пакгаузов, соединенные железными мостками. Подъемные краны словно с мольбой простирают длинные руки к низкому серому небу. С портовых улиц совсем не видно воды, но справа и слева над приземистыми строениями торчат пароходные трубы и капитанская рубка

вплотную нависает над черепичной крышей,— будто неведомое океанское чудовище вылезло из воды и прогуливается по соседнему переулку. Сверху, с самолета, система водоемов Лондонского порта похожа на китайскую головоломку.

Этот неказистый порт слывет крупнейшим портом мира. Около половины всего импорта страны и около четверти ее экспорта проходит через лондонские доки. Их причалы, у которых выстраиваются суда под флагами всех цветов,— подлинная утроба Англии. Каждый из доков имеет свое назначение, свое лицо, даже свои запахи.

Док Королевы Виктории обступили элеваторы: мощные пневматические устройства прожорливо поглощают заморское зерно. Холодильники дока Альберта лопчются от замороженных и засоленных туш — бычьих, бараньих, свиных. Над причалами Сэррейского дока, где громоздятся штабеля досок, повис смолистый запах северных лесов. Док Вест-Индии оборудован для приемки сахара и рома; бочки рома и брэндн громоздятся на пристани и исчезают в огромном подземелье, конец которого теряется во мгле. Другие доки принимают индийский чай и испанские апельсины, невыделанные кожи из Австралии и мешки кофе из арабских стран, тюки суданского хлопка и табак с Антильских островов. А там возле причала выстроились слоновьи кляки всех размеров и оттенков: настоящее кладбище слонов.

Ниже по Темзе расположен речной вокзал Тплбюри, куда обычно прибывают пассажирские суда. Еще дальше стоят, словно сторожевые башни, нефтяные ци-

стерны, заполненные до краев густой, темной жидкостью — черным золотом Ближнего Востока.

Лондон — не только крупнейший порт, но и важнейший железнодорожный узел страны. Взгляните на карту: вы увидите густую паутину железнодорожных линий, в центре которой расположен Лондон. В «Большом Лондоне» живет одна пятая часть населения Англии, выпускается четверть всей продукции ее обрабатывающей промышленности.

Англия немыслима без Лондона — города-левиафана, удивительного и многообразного. Об этом городе Сэмюэль Джонсон сказал: «Сэр, если человеку надоел Лондон, ему надоела жизнь: ведь в Лондоне есть все, что может предоставить вам жизнь».



Сегодня этому городу грозит, по выражению Эдварда Картера, загнивание.

Дельцы из Сити крепко держат в руках городское хозяйство. Они финансируют строительство, ведают освещением, отоплением, очисткой гигантского города с восьмимиллионным населением. В руках у множества различных фирм, которые руководствуются лишь погоней за прибылью, городское хозяйство ведется через пень-колоду.

В Лондоне до сих пор рассказывают о выходе шутника Ораса де Вере Коля; из этой истории можно было бы извлечь мораль, чего, однако, не сделали... Надев спецовки дорожных рабочих, Коль и его приятели по-

весили однажды утром красный фонарь в самой середине Пиккадилли-сэркуса и с помощью пневматического бура вырыли посреди площади огромную яму. Затем шутники удалились. Прошло несколько дней, прежде чем удалось установить, кто вырыл яму. Множество фирм ведет дорожные работы в черте города, и выяснить истину было не так просто. Говорят, что, боясь попасть в нелепое положение, власти так и не привлекли Коля к ответственности...

Возьмите знаменитые лондонские туманы, столь часто описанные в литературе; порой читатели связывают с ними некие романтические представления. Что и говорить, легкая дымка тумана, окрашивающая все кругом в блеклые лиловатые тона, придает городу своеобразное очарование. Но беда, когда осенью или зимой туман сгущается. С ним смешивается тогда ядовитый дым и копоть из бесчисленных фабричных и домовых труб. На город оседает густая пелена — «смог».

В такие дни «смогом» пропитан весь город: он проникает в дома, ваше пальто отдает его едким запахом, котлета, которую вы едите, приобретает привкус «смога». На улице ничего не разглядишь и в двух шагах, а с пробками на перекрестках не может совладать даже целая армия полисменов. Пассажир автобуса чувствует себя тогда счастливее владельца модного «ягуара»: он может пробраться вдоль стен к ближайшей станции метро, а владельцу машины, если у него нет шофера, не остается ничего другого, как, прикорнув за рулем, ожидать, пока туман рассеется.

В союзе с ветром и дождем «смог» причудливо разукрасил фасады лондонских зданий. Издавна на их

строительстве широко применялся белый портландский камень; сажа и копоть въедаются в него глубоко, дождь и ветер отмывают добела. Не защищенные от ветра и дождя фасады сохраняют девственно белую окраску, все сколько-нибудь укрытые части стен — под нависающими карнизами и балконами, за выступами или колоннами — окрашиваются в густой черный цвет. Чем старее здание, тем резче расцветка. Как модница в бальном туалете, британская столица одета в белый наряд с черной отделкой.

«Смог» отравляет человеческие легкие, он убивает людей. В декабре 1952 года, когда «смог» держался пять дней и пять ночей, он погубил около четырех тысяч человек; еще четыре тысячи вскоре умерли от легочного отравления. В Лондоне должна была состояться тогда ежегодная выставка породистого скота; большинство животных, присланных на выставку, погибло; лишь немногих удалось спасти с помощью кислородных приборов.

«Смог» — туман-злодей, туман-убийца. Можно ли с ним бороться? Тут, очевидно, требуются целеустремленные усилия, единый план действий, которому препятствует анархия капиталистического городского хозяйства.

Или возьмите проблему уличного движения, необычайно обострившуюся в Лондоне в послевоенные годы. Число частных автомашин сильно возросло и продолжает расти непрерывно. Между тем для расширения уличных магистралей и площадей, для устройства туннелей на перекрестках почти ничего не делается. Подсчитано, что уличный транспорт простаивает на пере-

крестках в среднем 36 процентов всего путевого времени; потери исчисляются сотнями миллионов фунтов стерлингов ежегодно. Только в центральной части города, без пригородов, за год происходит свыше 60 тысяч уличных катастроф, которые уносят 700 человеческих жизней.

В часы «пик» простому глазу видно, как задыхается старый город.

История Лондона знала моменты, когда его развитие могло принять целеустремленный и планомерный характер, стоило этого только захотеть «отцам города». В 1665 году значительная часть городского населения вымерла от ужасающей эпидемии чумы, а через год пожар уничтожил пять шестых Лондона: в огне погибло 13 200 домов и 89 церквей; пламя начисто смело 460 улиц. Великий Кристофер Рен выработал тогда смелый план реконструкции английской столицы. Его план предусматривал прокладку прямых, широких магистралей, пересекающихся под прямым углом, перенос предприятий и мастерских из жилых кварталов за черту города, строительство каменной набережной вдоль Темзы. План Кристофера Рена пришелся не по душе толстосумам Сити. Ростовщики и лавочники убили замысел гения, опередившего свое время: они настояли на том, чтобы город был восстановлен в том виде, в каком они к нему привыкли.

Другая возможность коренной перестройки города представилась после гитлеровского «блица» — так называли англичане налеты нацистской авиации в первые годы войны. Я видел Лондон сразу после войны. — это было печальное зрелище. Снесены были целые квар-

талы; в фабричных районах Ист-Энда и в Сити образовались обширные пустыри. Развалины были аккуратно расчищены, обгоревшие балки и битые кирпичи убраны; в провалах по обе стороны улиц буйно росли сорняки.

Все это не могло сравниться с теми опустошениями, которые причинил большой пожар в XVII веке, но и на этот раз можно было извлечь из бедствия некоторую пользу, решив восстановить Лондон на плановых началах. Планы были составлены — самые интересные из них связаны с именем архитектора Аберкромби, — но дальше этого дело, в сущности, не пошло. Ведь коренная реконструкция города ударила бы по карману владельцев земельных участков и акционеров кое-каких влиятельных фирм.

Снова, как в XVII веке, интересы денежного мешка взяли верх над требованиями прогресса.

Частная собственность на землю и строения сводит на нет попытку реконструкции Лондона. Владельцы земли и домов помышляют лишь о барышах. Они заинтересованы прежде всего не в возведении жилых домов, а в постройке зданий для контор, гостиниц, магазинов. Что касается жилых домов, капиталисты предпочитают строить их не в пролетарских кварталах, где велик жилищный кризис, а в районах с состоятельным населением. И уж конечно капиталиста нисколько не заботит архитектурный ансамбль, красота города. Пусть тот, кто в этом усомнится, поглядит на высотное здание нефтяной компании «Шелл», выросшее на южной набережной Темзы наискосок от здания парламента и подавляющее всю округу своими размерами и своим

уродством. Частные предприниматели даже сносят старые дома варварски, не считаясь с их исторической и художественной ценностью; примером может служить снос очаровательных старых построек в районе Адельфи.

Если Совет лондонского графства (муниципалитет, где преобладают лейбористы) решает выкупить чей-нибудь участок, чтобы возвести новые здания или расширить улицу, владелец претендует на солидную компенсацию. Он требует заплатить ему за участок столько, сколько он будет стоить после реконструкции района. Это накладывает на городскую казну непосильное бремя.

Всякое строительство, улучшающее какой-нибудь район города, повышает стоимость соседних участков и зданий. Выгоды из этого извлекают в первую очередь собственники; деньги, затрачиваемые муниципальными властями, по существу, пополняют их карманы. В палате общин приводились такие цифры: участок, приобретенный в 1953 году за 800 фунтов, продавался в 1961 году за 11 тысяч фунтов; за тот же срок стоимость 100 акров в районе Бромли повысилась с 15 тысяч до 440 тысяч фунтов.

Отсюда спекулятивная горячка. Спекулянты недвижимостью сколачивают в короткие сроки баснословные состояния. Спекулянт Питер Рахмен, чье имя всплыло в связи со скандальным делом бывшего военного министра Профьюмо, начал после войны свои аферы с 65 фунтами стерлингов в кармане; он приобрел на махинациях с недвижимостью миллионный капитал, в его личном гараже стояло семь автомашин новейших марок.

Рахмен скупал многоквартирные дома, а потом за-

конными и незаконными путями выдворял оттуда старых квартирантов. Освободившиеся квартиры он разгораживал на крохотные клетушки, которые сдавал втридорога бездомным — преимущественно иммигрантам из Вест-Индии. У них уходило на квартирную плату до половины (!) заработка; дюжие молодчики, собиравшие квартирную плату, не останавливались ни перед чем: непокладистых плательщиков избивали, их мебель разносили в щепы, среди зимы выставляли в квартирах окна. Чтобы не платить налогов, Рахмен плодил анонимные «акционерные общества» и ловко запутывал финансовую отчетность. Лондонская печать совершенно точно назвала махинации Питера Рахмена бандитизмом. В парламенте один из лейбористских ораторов образно сравнил эти разоблачения со зрелищем, которое открывается перед вами в поле, когда вы переворачиваете лежащий камень и неожиданно обнаруживаете под ним скользкую, омерзительную нечисть.

Нечисть, подобная Питеру Рахмену и его малопочтенным коллегам, хозяйничает в сердце британской столицы.

На что уж консерваторы привержены к старым порядкам, но даже они заговорили о том, что надо сосредоточить в одних руках собственность на землю и городское хозяйство столицы; правда, они хотели бы сосредоточить ее в руках объединения частных владельцев. Жалкая полумера!

Лишь социализм может омолодить британскую столицу, реконструировать ее, улучшить ее городское хозяйство. Впрочем, это относится не только к Лондону.



Зеленое
и ЧЕРНОЕ



еселая зеленая Англия"... Так
исстари воспевали свою страну
английские поэты. П в самом
деле, нигде, вероятно, не встре-
тишь такой нежной, ласкаю-
щей глаз зелени, как в англий-
ской деревне. Но английский
ландшафт — это не только зе-
леные луга с редкими кучами
ясеней и вязов.



Красные скалы Девоншира и суровые фьорды Шотландии, фруктовые сады Кента в пышном весеннем убранстве, величественный и строгий горный массив Северного Уэльса, пальмы и клубничные плантации острова Уайт, старые парки, где бродят олени с ветвистыми рогами, Шервудский лес, свидетель лихих подвигов Робина Гуда и его отчаянной ватаги, тоскливые, поросшие вереском болота Дартмура, стремительные и прозрачные северные речки, где бьет хвостом форель,— все это Британия. Многоликий британский ландшафт к тому же удивительно переменчив: его расцветка меняется в зависимости от солнечных лучей, от набегающих туч; этот ландшафт словно дышит.

Живые изгороди окаймляют дороги и земельные участки; с самолета кажется, что внизу разостлан лоскутный ковер, прошитый на скорую руку зеленым швом. У дороги то и дело попадаются одинокие старые деревья и большие валуны,— с ними связано множество старинных легенд. Посреди поля растет могучий дуб, это самое английское из всех деревьев; «сердце из дуба»,— говорят англичане о мужественном, надежном человеке.

Везде и повсюду — следы ушедших поколений. Заброшенная шахта. Скелет ветряной мельницы. Поросшая плющом часовня. Развалины средневекового монастыря с полуразрушенной готической аркадой. Руины замка, окруженного высохшим рвом. Римская стена — стена Адриана, некогда построенная завоевателями для защиты от вольнолюбивых и воинственных племен шотландского нагорья,— она тянется через всю

Англию с востока на запад. Римские дороги пересекают страну во всех направлениях, — когда-то они имели стратегическое значение; ими пользуются еще и сегодня: римляне были отличными дорожными мастерами. Из глубины веков пришел в наши дни хоровод гигантских каменных глыб, сомкнувшийся в правильный круг, — остатки загадочной религии, которую исповедовали люди, обитавшие на этой земле тысячелетия назад.

Насыщенные влагой ветры с океана обрушиваются на Британские острова обильными дождями, — они не дают мелеть рекам. В Лондоне половина дней — дождливые, на западе и на севере страны дождей еще больше. В ясный летний день того и гляди нагрянут тучи. Тридцать лет назад англичанин редко выходил из дома без зонтика; теперь зонтики все больше заменяются плащами, но в бюро находок Управления лондонским транспортом все еще поступает ежегодно около 70 тысяч зонтиков, забытых владельцами в автобусах, вагонах метрополитена и городской железной дороги. Я подозреваю, что дождь имеет некоторое отношение к тому, что англичане выработали в себе стоическую выдержку: даже самый сильный ливень не может заставить их изменить свои планы — все равно, касается ли это дружеской встречи в местном «пабе» или многодневного похода сторонников ядерного разоружения.

Впрочем, погода в Англии часто обманывает все ожидания и становится самой злостной нарушительницей традиций. Белую зиму с занесенными снегом коттеджами видишь преимущественно на рождествен-

ских открытках; на практике она превращается в нескончаемую вереницу дождей. Порой в ноябре, когда по законам природы ждешь мокряди или плотного тумана, именуемого в просторечии «гороховым супом», выпадут вдруг золотые, по-летнему теплые деньки. Как-то раз мне случилось купаться на острове Уайт, в Ламанше, под Новый год, 31 декабря.

Влажным климатом объясняют обычно и нежную изумрудную окраску английского пейзажа — лугов и деревьев, кустов и газонов. Кстати о газонах: таких, как в Англии, вы не увидите нигде.

Житель Британских островов необычайно привязан к родным местам, к своему округу и селению. Я уже не говорю о таких народностях, как шотландцы, которые все еще не забыли своих кланов, или уэльсцы, которые так крепко держатся за свой язык и свою культуру. «Вы, англичане...» — обронил я как-то раз в разговоре с одним молодым человеком в Лондоне. «Простите, — перебил он меня с видом оскорбленного достоинства, — я уэльсец...»

В английском доме вы нередко увидите на стене картины и фотографии родных мест хозяина и хозяйки. Иногда это — захолустная деревня, иногда — небольшой провинциальный городок.

В этой густо населенной стране деревни разбросаны, как правило, через каждые два-три километра. В центре селения непременно высится церквушка, рядом с ней стоит дом священника. В одном из деревенских домиков ютится почта; кроме почтовых марок вы, вероятно, сможете купить там плитку шоколада и шнурки для ботинок, дешевые конфеты и карандаш. Если селение не из

маленьких, вы увидите кирпичное школьное здание, домик врача, лавку бакалейщика и «паб» — пивную.

Прежде жизнь в таких деревнях текла тихо и спокойно. Газеты выписывали только священник и врач, да может быть, еще какой-нибудь местный вольнодумец. Ближайшее кино находилось в соседнем городе. Деревня была как бы отрезана от внешнего мира.

Текущий век бурно ворвался в сельскую жизнь. Деревенская улица теперь не такая уж тихая: на ней появились мотоциклы и автомашины. Над крышами выросли антенны телевизоров. Сельский люд слушает те же передачи по радио, смотрит те же телевизионные спектакли, что и лондонцы. И думает те же думы.

Под натиском века, перед лицом наступления города «веселая зеленая Англия» теряет свои позиции. Для некоторых районов страны все более характерным становится черный цвет — цвет копоты. Фабрики и большие дома, сеть автомобильных дорог с непременными бензозаправками, лагеря для автотуристов, а кое-где — полигоны и военные базы постепенно поглощают сельскую Англию. В окрестностях Лондона, Манчестера, Бирмингема этот процесс виден невооруженным глазом.

Пожалуй, нигде в мире не встретишь сегодня такого сосредоточения фабрик и заводов, как в промышленных районах Англии. Фабричный город растет, расширяется, сливается с соседним поселком. Проезжая по Ланкаширу, по бассейнам рек Тайн или Клайд, спрашиваешь себя, не происходит ли путешествие в пределах одного огромного города. Слева и справа — фабричные строения, дома. Природа отступает на второй план.

Машиностроение — становой хребет английской промышленности. Отрасли, производящие средства производства, — они работают в значительной мере на экспорт — преобладают над отраслями, выпускающими предметы потребления. Тут — сила Англии, ее будущее. Вместе с тем такая структура промышленности показывает, как сильно страна зависит от международной торговли.

В Англии живет в городах четыре пятых всего населения — куда больше, чем, например, в Соединенных Штатах Америки. Приглядимся к провинциальному английскому городу.

В центре его — старинная церковь, а может быть, средневековый собор; на окраинах — прокопченные фабричные трубы. Претенциозное здание ратуши из красного кирпича в готическом стиле выглядит довольно таки уродливо; по уродству оно соперничает разве что с железнодорожным вокзалом. Зато вы залюбуетесь на древний, переживший не одно столетие, но все еще крепкий каменный мост, переброшенный через тихую, полноводную реку. Неподалеку от моста — ярмарочная площадь, рядом с ней — загон, где происходят выставки скота, на которые съезжаются фермеры всей округи. Школьные здания, как правило, построены еще в прошлом столетии или в начале нынешнего; они мрачны и тесны. Ближе к городской окраине — общественный парк с цветочными клумбами, аттракционами и трибунами для оркестра: в тридцатых годах, когда закладывали парк, это вызвало жаркие прения в местном муниципалитете. На площади перед ратушей — пышный памятник королеве Виктории, против вокзала — скромный

обелиск в память уроженцев города, погибших в двух мировых войнах.

На главной улице, пересекающей город из конца в конец, — многочисленные магазины. Еще издали вы заметите отделения вездесущего универмага Вулвортса и фирмы аптекарских товаров Бутса, — их характерные вывески и витрины можно встретить в любом уголке страны. В небольшом доме с многократно реставрированным деревянным фасадом Елизаветинской эпохи, раскрашенным в коричневый и белые цвета, — антикварная лавка; в витрине — кресло в стиле Людовика XIV, старинный чайный сервиз и пара медных подсвечников, позеленевших от времени; в лавке торгуют и цветными открытками с местными видами, на которых английское небо сияет такой яркой голубизной, что с ним не может тягаться даже лазурь средиземноморского небосвода. Дальше — кинотеатры с кричащими фасадами и кричащими названиями: их неоновые огни зажигаются еще засветло, словно торопя наступление темноты и часы обильных кассовых сборов. Гостиница, ресторан или, как гласит вывеска, «чоп-хауз» — «дом отбивных котлет»... Вот мы и прошлись с вами по всей главной улице.

На людном перекрестке — полицейский. Он стоит здесь и в жаркий летний день, и в зимнюю стужу, и в ненастье, когда с его черного клеенчатого плаща стекают потоки дождя. Его внушительный рост — он на добрую голову выше прохожих — выглядит еще выше благодаря небольшому помосту под ногами и высокой каске. Сразу видно: это столп общества, и шуток шутить с ним не рекомендуется.

Пивные — «пабы» — разбросаны по всему городу; наиболее посещаемые — на фабричной окраине. В Англии подсчитали, что один «паб» приходится на 200 жителей. Вывески «пабов» пестрят старомодными романтическими названиями: «Зеленый человек», «Король Гарри», «Орел и единорог», «Голова испанца», «Красный лев», «Синий кабан», «Три лебедя»... Пивная — клуб трудового люда. Посетители пивной — соседи; они хорошо знают друг друга. Стоя, с жестяными кружками в руках, они обсуждают местные новости: несчастный случай на фабрике или итоги футбольного матча с командой соседнего города. Изредка вставляет слово хозяин пивной: он многоопытный спорщик, его слово пользуется немалым весом, а его влияние можно сравнить только с влиянием священника, да и то не в городском, а в сельском приходе; недаром организаторы политических партий так обхаживают трактирщиков и священников. Но вот скрипнула дверь, и в пивную вошел посторонний; голоса спорщиков понижаются, и на вновь прибывшего обращаются недоверчивые взоры: здесь не любят чужаков.

Фабрики скопились на городской окраине, вдоль железной дороги и по течению реки. Постепенно расширяясь, обстая жилами домами, они поглотили и присоединили к городу несколько ближних селений. Город живет жизнью своих предприятий, и фабричные новости служат главной темой всех разговоров и пересудов.

Жилые кварталы до удивления однообразны. Дома на каждой улице точь-в-точь похожи один на другой; почтальоны и сами обитатели, кажется, различают их

по каким-то особым, им одним заметным приметам. К тому же на многих домах отсутствуют номера: иные домохозяева предпочитают названия. Но попробуй разберись, где живет мистер Браун, если он дал вам адрес: Гилфорд-стрит, «Под яблоней», а на Гилфорд-стрит два дома под этим названием и перед обоими растут не яблони, а вишни!

В большинстве английских городов есть свой Уэст-энд, где обитают те, кто побогаче, и Ист-энд, где ютятся те, что победнее. Сперва я думал, — это простое подражание Лондону, но мне объяснили, что дело тут сложнее. На Британских островах ветры дуют чаще всего с юго-запада, со стороны океана; они уносят дым и копоть в обратном направлении. Те, кто может позволить себе выбирать местожительство, предпочитают селиться в Уэст-энде, западной части города, а те, кому выбирать не приходится, оседают в Ист-энде, его восточной окраине.

Попробуем заглянуть в один из домов Уэст-энда. Предположим, что нас пригласил в гости местный врач, который живет на Гилфорд-стрит в доме под названием «Новый коттедж». Пусть вас не смущает, что на Гилфорд-стрит все дома — старой постройки: многое из того, что в Англии называется «новым», имеет давнишнюю историю. Обойдя всю улицу из конца в конец, мы наконец нашли «Новый коттедж»: его название приветливо сверкает на медной дощечке. К слову сказать, англичане любят медь, в домах у них много меди. И английская домохозяйка начищает медный чайник или молоток на входной двери до такого умопомрачительного блеска, что ей может позавидовать самый рев-

постный боцман военно-морского флота любой страны мира.

В крошечном садике «Нового коттеджа» нас встретит, виляя хвостом, добродушный пес; на пороге мы увидим двух кошек, в окне — клетку с канарейкой. Через французское окно мы проследуем из сада прямо в гостиную. Сегодня выдался холодный осенний денек, и в камине тлеют угли. Впрочем, если подсядете к камину, вы быстро убедитесь, что он согревает лишь ту сторону вашего тела, которая обращена к нему непосредственно; другая сторона будет зябнуть: в комнате свободно гуляют сквозняки, хотя дом не так давно был модернизирован и в нем есть все современные удобства.

Не ждите, чтобы хозяин «Нового коттеджа» продемонстрировал вам все свое жилище, — англичане не любят фамильярностей, а в провинциальном городе с посторонними особенно сдержанны. Скажите спасибо, если вам покажут кабинет, уставленный сувенирами, с томами Шекспира на книжной полке и цветной литографией на стене: олень, загнанный охотниками, умирает в заснеженном перелеске. Но, даже не заглядывая в спальню, вы можете быть уверены, что они почти целиком заняты огромными, почти квадратными кроватями, куда перед сном кладут плоские глиняные грелки с горячей водой для согревания отсыревших простыней. «У народов европейского континента есть половая жизнь, — писал один юморист, — у англичан — грелки». Повторяя сей афоризм, англичане лукаво улыбаются.

Рабочая семья на Восточной стороне живет в многоквартирном доме. Нередко это длинный одноэтажный

дом, растянувшийся вдоль улицы; каждая квартира имеет отдельный ход прямо на тротуар. Гостиную занимает кухня, где собирается и проводит свободные часы вся семья. На кухне стоят приобретенные в рассрочку телевизор и холодильник, нередко еще и стиральная машина. Но ванной здесь нет; по субботам члены семьи по очереди моются в большом тазу. Уборная расположена во дворе.

Такая квартира считается хорошей; она отнюдь не относится к категории «трущоб». «Трущобы» — в провинции, как и в Лондоне, — многоэтажные дома второй половины прошлого или начала нынешнего столетия с крошечными сырыми квартирками, лишенные самых элементарных удобств, кишачные крысами. Иногда это — обветшавшие особняки, по существу уже непригодные для жилья, но купленные спекулянтами и сдающиеся внаем покомнатно. Каким бы убогим ни было жилье, оно всегда найдет нанимателей при нынешнем квартирном голоде. Платить же за него приходится не меньше, чем за квартиру в новом муниципальном доме: с тех пор как правительство консерваторов отменило (в 1957 году) закон о контроле за квартирной платой, она повысилась в двух миллионах домах в два, три, а кое-где даже в четыре раза.

Но мы еще не совсем окончили осмотр нашего города. Над ним господствует холм, на котором стоит старый замок, привлекающий тысячи туристов. Вот и сейчас у ворот замка скопились легковые машины и зеленый туристский автобус, хотя к этим видавшим виды стенам больше подошла бы пестрая кавалькада рыцарей и их дам со страниц романа Вальтера Скотта.

Фасад замка носит на себе следы самого причудливого смешения разных стилей: построенный в раннем средневековье, он перестраивался в Елизаветинскую эпоху и расширялся в XVIII веке. В одном только фасаде, обращенном к югу, можно насчитать больше ста окон. Высокие залы, многочисленные коридоры и переходы увешаны портретами предков, а библиотека может похвастать собранием древних рукописей. Замок окружен старым парком, сквозь густую зелень поблескивает у подножия холма гладь пруда, полузаросшего тростником и водяными лилиями.

Увы, отец нынешнего владельца замка промотался, а содержать огромное здание и парк становится все накладнее. В «Таймс» появилось объявление: «Продается великолепный замок вместе со старинным парком. Годится под институт или учебное заведение»; рядом была напечатана фотография замка. Но желающих раскошелиться не нашлось, и тогда владелец прибегнул к мере, которая получила сейчас довольно широкое распространение: он открыл доступ в родовое гнездо туристам, разумеется за плату.

Британская аристократия сделала из этого выгодный «бизнес». Замок лорда Монтегю-Болье посетило, например, за один год 400 тысяч туристов, внесших соответствующую мзду в кассу хозяина. Незаурядные коммерческие способности проявил герцог Бедфордский: он открыл при родовом замке три ресторана, тир и всевозможные аттракционы; за год полмиллиона посетителей Бедфордского замка уплатило только за входные билеты 100 тысяч фунтов стерлингов. «О времена, о нравы!» — скажут, перевернувшись в гробу, предки этих

аристократов; они считали позором коммерцию любого рода и, конечно, помыслить не могли о том, чтобы превратить родовое поместье в доходное зрелищное предприятие.

Впрочем, по части зрелищных предприятий обедневшим отпрыскам знати, конечно, не угнаться за профессиональными дельцами, — те облюбовали для этой цели прежде всего приморские города. Эти города — очень английское явление. Особенно много их на юго-востоке страны.

Юго-восток Англии — легкие Лондона. Лондонцы усвоили это уже давно.

Возьмите сбор хмеля, так поэтично описанный Соммерсетом Моэмом в последних главах романа «Бремя страстей человеческих». Проводя свой отпуск из года в год за сбором хмеля, обитатели лондонских трущоб дышат свежим воздухом полей Кента. Тысячи лондонских семей выбирают туда каждый сентябрь, захватив с собой постели, кухонную утварь, посуду, кое-что из мебели. Устраиваются они в сарайчиках из гофрированного железа, предоставляемых землевладельцами. С утра до вечера взрослые и дети работают не разгибая спины и все-таки возвращаются домой поздоровевшими. Когда-то сбор хмеля на полях Кента давал столичной бедноте существенный приработок. В наши дни рабочим приходится конкурировать с машинами, заработка едва хватает на содержание семьи во время полевых работ. И все-таки сборщики хмеля по-прежнему съезжаются из Лондона на поля Кента.

Но, разумеется, после туманов и «смога» сильнее всего манит морской воздух. Сотни поездов, тысячи ав-

тобусов, нескончаемые потоки автомашин доставляют лондонцев в субботний летний день в приморские города юго-востока: Маргет, Рамсгет, Диль, Дувр, Фолкстон, Рей, Гастингс и, наконец, Брайтон. Все они — на одно лицо. Целые улицы состоят из гостиниц и пансионатов, окрашенных в белый цвет, под стать меловым скалам побережья, сверкающим на солнце ослепительной белизной. На пляже выстроились в несколько рядов купальные будки. В воскресный летний день весь пляж — в человеческих телах.

Излюбленное место отдыха лондонских рабочих — Брайтон. Он расположен ближе всего к столице по прямой линии, и проезд туда стоит дешевле. Из-за постоянного наплыва рабочего и служилого люда в Брайтон от него воротит нос столичный сноб: он предпочитает ездить куда-нибудь подальше. Но тем веселее на брайтонском пляже в погожий денек, во время летних и осенних «банковских праздников», когда закрываются предприятия, конторы и правительственные учреждения. Особенно же весело на пирсах — гигантских мостах, уходящих далеко в море.

Вот где развернулись дельцы увеселительного бизнеса! Глаза разгораются, когда глядишь на аттракционы, которыми застроены пирсы. Новейшие американские машины, доставленные сюда прямехонько с Бродвея, встречаются не так часто: англичанин предпочитает старые, проверенные британские развлечения, которые вызывали смех еще у дедов и прадедов или вгоняли их в дрожь.

Не перестает пользоваться успехом старинный автомат «Что увидел дворецкий»: опустите в него свои пен-

сы и прильните глазом к отверстию в форме замочной скважины, — перед вами промелькнет серия скабрёзных картинок с участием леди и джентльменов, одетых (точнее — полуодетых) по моде прошлого века. Вот автомат «Дом с привидениями»: в миниатюрных покоях заброшенного замка, затянутых по углам клочьями паутины, движутся зеленоватые, полуистлевшие мертвецы. Автомат «Печальная история Анны Болейн», — в маленьком окошке вы увидите три сценки: 1) красавица Анна флиртует с коренастым джентльменом, у него одутловатое лицо и раскосые глаза, а на голове — шляпа с пером, это Генрих VIII; 2) Анна восседает на королевском троне рядом с Генрихом, перед ними склоняются в глубоком поклоне придворные; 3) Анна кладет голову на плаху, палач взмахивает топориком — раз, два, три! — голова красавицы летит с плеч долой!.. Как и сто лет назад, рабочие, конторщики, дети всех возрастов толпятся возле этих автоматов, выстраиваются в хвост, пересчитывая пенсы, и ждут с нетерпением своей очереди, хоть каждый из них все это уже видел не один раз.

Наибольший успех выпадает на долю автоматов, предсказывающих будущее. Их тут — на всякий вкус: хотите, вам погадает деревянная старуха в цветастой шали с черным котом на плече, а хотите — можете выбрать для этой цели машину, достойную нашего космического века. Вы суete руку в роскошный, сверкающий агрегат (предварительно бросив в него деньги), — и под блеск электрических молний, под адский треск, напоминающий стук пулемета, машина выплевывает аккуратно запечатанный конверт, а в нем — ваша судьба. Не

бойтесь ничего, — это любезные, доброжелательные машины; вы узнаете, что вас ждет успех в сердечных делах, блестящая карьера, богатство. Людям хочется счастья, они теснятся кругом, смущенно пересмеиваясь, всем своим видом давая понять окружающим, что ни-сколечко всей этой чертовщине не верят, как вдруг пожилой лондонец с красным лицом встревоженно говорит дородной супруге: «Да сними же перчатки, Эльзи, в перчатках ничего не получится!»

Рядом — будка фотографа: просунув головы в соответствующие отверстия, вы можете сняться со своей дамой в костюме космонавтов или в виде Адама и Евы со злокозненным змием посредине. В соседнем киоске продаются сувениры.

Тут же на пирсе — довольно вместительный театр, в котором идет «Тетка Чарльза», давно уже ставшая в Англии классической комедией, народной клоунадой (у нас ее репутация была испорчена плохим переводом). На самом конце пирса сидят с удочками в руках рыбаки всех возрастов — от десяти до восьмидесяти лет; они не просто удят рыбу, — нет, они участвуют в соревновании рыболовов, и победитель получит приз. Тут же продают ярко раскрашенные леденцы, мороженое, горький чай и сладкий кофе. Волны бьют об устои пирса: соленые брызги то и дело летят вам в лицо, падают в картонный стаканчик с чаем.

С Брайтоном может поспорить на западном побережье Англии Блэкпул — его облюбовали для отдыха ланкаширцы. Это — город гостиниц; там можно найти гостиницу на всякий вкус и любой карман. Киоски с аттракционами выстроились бесконечной шеренгой

вдоль всего пляжа. Встречаются тут и «живые аттракционы». В палатке под вывеской «Полуженщина-полурусалка» показывают в огромном аквариуме тучную даму в купальном трико; ноги у нее засунуты в мешок, раскрашенный под чешую и весьма отдаленно напоминающий рыбий хвост,— зрелище довольно противное. В соседней палатке, под вывеской «Чемпион мира по голоданию», демонстрируют неимоверно тощего человека в трусах. «Чемпион голодает 14-й день и собирается побить собственный рекорд, растянув голодовку до 29 дней»,— гласит сделанная от руки надпись. Час от часу не легче! Есть что-то очень неприятное, унижающее человеческое достоинство в демонстрации этих «живых аттракционов»...

Блэкпул славится своей иллюминацией. По вечерам набережная залита светом. Ослепительная феерия! Мощные прожекторы льют снопы разноцветных огней на морской прибой; пурпурные, зеленые, фиолетовые, оранжевые волны набегают на берег и рассыпаются мириадами сверкающих брызг. Гремит оркестр. Люди стараются перекричать грохот волн и бравурный марш оркестра. Какофония звуков, но все они вместе не могут заглушить смеха. Кто сказал, что в Англии не любят веселиться?!

Море чувствуется в Англии повсюду. Самые отдаленные от него точки в северных и центральных районах страны расположены в какой-нибудь полусотне километров от побережья, в южных районах — в 100—120 километрах. Морские и океанские волны прорыли в береговой линии великое множество заливов и бухт.

Англичане издавна стали нацией мореплавателей. Старый моряк, который, уходя на пенсию, многословно объяснял всем и каждому, как ему надоело море, селится в каком-нибудь приморском городке, где на главной улице слышен шум прибоя. В Кенсингтонском парке, в центре Лондона, вы увидите в воскресный день, как джентльмены всех возрастов, оттеснив детвору, самозабвенно пускают на Круглом пруду модели парусников. Водный спорт больше распространен у англичан, чем у всех других европейских народов.

Не островное ли положение Англии объясняет, почему на страницах английской литературы так часто возникают всякие острова: остров, где властвовал шекспировский Просперо, и островок, куда выбросило после кораблекрушения Робинзона Крузо, «Остров сокровищ» и «Остров фарисеев»? В числе этих литературных островов — и счастливая Утопия.

Станет ли Англия когда-нибудь островом всеобщего счастья, о котором мечтал великий гуманист, казненный в Тауэре? И когда?



КРУГ

Загадочным



огда в ясную погоду стоишь на
набережной французского го-
рода Кале, можно различить не-
вооруженным глазом меловые
скалы Дувра на противополож-
ной, английской стороне проли-
ва. Вид этих сверкающих на
солнце меловых скал побудил
римских завоевателей окрес-
тить Британию «Альбионом»



(от слова «альбус» — белый). Название «Альбион» вошло в мировую литературу.

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утонул,—

писал поэт Батюшков.

В годы революционных бурь XVIII века злоязычные французы стали добавлять к названию «Альбион» прилагательное «коварный». Выражение «коварный Альбион» приобрело право гражданства, стало все чаще и чаще мелькать в политических речах и газетных статьях. Англичане ухмылялись: им такое наименование даже льстило. Ведь издавна считалось, что внешняя политика любого государства обязательно должна быть коварной, иначе — грош ей цена.

Английские правящие круги были всегда очень высокого мнения о своей внешней политике. В доказательство они ссылались на то, что с ее помощью приобрели огромную империю.

В разное время Англия захватила владения во всех частях света: еще не так давно они превосходили ее по территории приблизительно в 150 раз. Население Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — так называется Англия в официальных документах — составляло лишь одиннадцатую часть населения всей Британской империи, численность которого превышала полмиллиарда человек.

Англия — морская держава. После гибели испанской «Великой армады» ни один военно-морской флот веками не мог соперничать с английским. Флот обеспечивал

колониальную экспансию на всех континентах. Моря и океаны окаймлялись английскими военно-морскими базами.

Сильный флот служил в то же время гарантией неуязвимости Британских островов. В этом довелось убедиться еще Наполеону. Семь армейских корпусов, предназначенных для десанта на Британских островах, сосредоточил французский император на побережье Ла-Манша и Северного моря, — они растянулись от Бретани до Нидерландов. Лихорадочно готовил он флотилию мелких судов, рассчитывая, что при попутном ветре и под покровом тумана она сможет проскользнуть мимо вражеских кораблей. Британское морское превосходство заставило Наполеона отказаться от своего замысла.

Грубый язык корабельной артиллерии сочетался с искусным языком дипломатов. Внешняя политика правящей верхушки Англии отличалась целеустремленностью, умением плести сложные и запутанные интриги. Борьба между партиями внутри страны мало отражалась на ее внешнеполитическом курсе: его обеспечивала группа несменяемых чиновников форейн оффиса, облеченных доверием правящей верхушки.

Для беспрепятственного захвата огромных заокеанских территорий надо было нейтрализовать соперников — другие европейские державы. Форейн оффис принял на вооружение доктрину «равновесия сил». Суть ее сводилась к тому, чтобы не допускать опасного для Англии усиления любого другого государства: стоило появиться претенденту на европейскую гегемонию, как английская дипломатия принималась сколачивать про-

тив него враждебную коалицию. Так Англия блокировалась с Францией и Турцией перед Крымской войной, поддерживала Германию против Франции и России во второй половине прошлого века, Францию и Россию — против Германии в начале века нынешнего.

Но доктрина «равновесия сил» — прямая противоположность всякой организации безопасности. Под знаком этой доктрины английская дипломатия противопоставляла друг другу державы, ссорила и сталкивала их между собой. В конечном счете такая дипломатия вела к войне, в которую оказывалась вовлеченной сама Англия, хотя ее руководители видели свою задачу прежде всего в том, чтобы воевать чужими руками.

Не мудрено, что противники Англии обвиняли ее в коварстве.

После Октябрьской революции свое умение плести интриги, создавать коалиции фореин оффис обратил против молодой Страны Советов. Лишь когда правящие круги Англии убедились в провале интервенции, они перешли на более реалистические позиции. 16 марта 1921 года английское правительство заключило с Советской Россией политический и экономический договор, а 2 февраля 1924 года официально признало Союз Советских Социалистических Республик. Такой курс проводился, однако, далеко не последовательно.

Моим сверстникам памятен пресловутый ультиматум лорда Керзона, английского министра иностранных дел, вызвавший взрыв негодования в Советской стране. Мы шагали тогда в колоннах демонстрантов по Красной площади с задорной песней:

Пиши, Керзон, пиши, Керзон,
Но знай ответ, но знай ответ:
Бумага терпит, а мы нет!

Позже была пущена в ход неуклюжая фальшивка — так называемое «письмо Коминтерна». По личному распоряжению министра внутренних дел, полиция совершила налет на помещение англо-советского акционерного общества «Аркос»; хотя налет не дал никаких результатов, английское правительство порвало в мае 1927 года дипломатические отношения с Советским Союзом. Жизнь, однако, брала свое, и два с половиной года спустя Англия, ничего не добившись, вынуждена была их восстановить.

Во время моего пребывания в Лондоне в 1932—1933 годах, англо-советские отношения не переставало лихорадить. По мере сил мутила воду и российская белая эмиграция.

В Лондоне еще прозябало тогда на неофициальном положении царское консульство, вокруг которого группировались фабриканты, помещики и их прихвостни, вышвырнутые из России революцией. Для них — как для французской эмиграции конца XVIII века или для кубинских контрреволюционеров в наши дни — заговоры против собственного народа стали единственным смыслом существования. Правда, в Лондоне русских белоэмигрантов было не так уж много: большинство из них осело поближе от наших границ — в Стамбуле и на Балканах, в Варшаве и Праге, в Берлине и Париже, а на Дальнем Востоке — в Харбине и Шанхае. Через Ла-Манш или через Атлантику перебирались лишь те, кто

был побогаче. Но именно эти люди обладали связями в высшем свете, к ним прислушивались в правительственных и парламентских кругах, тем более что они твердили то, чего там страстно хотели услышать: советская власть дышит на ладан, подунь — и не станет ее!

Консервативная партия имела тогда собственный англо-русский парламентский комитет; он действовал в контакте с белоэмигрантами. Заигрывали консерваторы и с украинскими националистами — их главарем в Лондоне считался полковник Коновалец, который выпускал бездарный ежемесячный журнал на английском языке «Инвестигейтор». Все эти «эксперты» по «русскому вопросу» кормились вокруг секретных фондов разведки и личной кассы нефтяного короля сэра Генри Детердинга.

Моя первая корреспонденция из Лондона, напечатанная в «Правде» в июле 1932 года, как раз и была посвящена очередному сборищу главарей русской белой эмиграции в Англии. Вскоре после моего приезда репортер одной из консервативных газет сообщил мне, что предстоит такое сборище; я уговорил его отправиться туда вместе со мной. Заседание происходило в особняке бывшего посла Саблина; хозяин дома собственной персоной встречал гостей у входа. Мой спутник — детина огромного роста с военной выправкой — бросил загадочную фразу: «Вы прислали нам приглашение...» Не знаю, за кого Саблин нас принял; он молча поклонился и жестом пригласил нас проследовать в зал. Как мы и рассчитывали, приглашений было разослано больше, чем явилось желающих участвовать в заседании; приглашались, вероятно, и «рыцари плаща и кинжала», ко-

торые «фигуры не имеют» и предпочитают, чтобы не устанавливали их личности...

Дико было сидеть под портретами царей и трехцветным знаменем бывшего посольства Российской империи. Но еще более дико прозвучало для моего уха злобное антисоветское выступление секретаря англо-русского парламентского комитета консерваторов капитана Тодда и доклад одного из главарей белогвардейщины Байкалова.

Вскоре после этого последовал разрыв англо-советских торговых отношений. Он показал, что силы реакции не ограничивались одними разговорами.

Многие в Лондоне поглядывали тогда с тайной надеждой на Берлин и Токио. Германия и Япония домогались «жизненного пространства» и готовились отхватить его вооруженной силой. Казалось, возникала возможность разделаться с Советским Союзом руками немцев и японцев.

Правительство Макдональда открыто поддерживало Германию, которая требовала равенства в вооружениях и отмены ограничений, предписанных Версальским договором. Лорд Ротермир, один из королей лондонской прессы, на страницах принадлежавшей ему газеты «Дейли мейл» публично одобрял «стремление Германии искать выход к слабо заселенным (!) районам западной России». Вторя голосу хозяина, «Дейли мейл» провозгласила в ноябре 1933 года: «Храбрые молодые нацисты Германии являются защитниками Европы от коммунистической угрозы... Использование энергии и организаторских способностей Германии против боль-

шевистской России помогло бы вернуть русский народ к цивилизованной жизни и, возможно, еще раз повернуло бы развитие мировой экономики в сторону процветания... У Германии должны быть развязаны руки».

И они развязывали руки нацистов.

Многие сейчас позабыли, что задолго до Рудольфа Гесса Англию посещал другой гитлеровский эмиссар — прибалтийский немец Альфред Розенберг; он воспитывался в царской России и с Октября питал зоологическую ненависть к большевикам; в фашистской Германии его считали главным специалистом по «восточному вопросу». Весной 1933 года Розенберг снова появился в Лондоне. Он встретился с министром иностранных дел, с военным министром, а также с Детердингом, постоянным вдохновителем антисоветских заговоров той поры. Гитлеровский эмиссар привез в своем портфеле план «умиротворения Европы»: отдать Германии «Польский коридор» (выход к Балтике), вознаградив Польшу землями Советской Украины. Не более и не менее!

В Лондоне Розенберга внимательно выслушали, не сказав ничего определенного: не в нравах английской дипломатии открыто ангажироваться, когда речь идет о рискованном предприятии. Но сразу же после визита Розенберга английские авиационные фирмы взялись выполнять крупные германские заказы на самолеты необычного для гражданской авиации типа, а группа влиятельных представителей английских авиационных кругов отправилась в Берлин, где была принята Гитлером и Герингом.

На Дальнем Востоке японские милитаристы провозгласили программу своего господства над Азией. За-

хватив Маньчжурию, начав военные действия в районе Шанхая, они выступили в поход за завоевание Китая, хвастая, что дойдут до Урала. Английский министр иностранных дел Саймон разъяснял в палате общин, что не следует ограничивать аппетиты Японии, а военные заводы Англии снабжали ее оружием. В Женеве дипломаты из фореин оффиса оказывали своим японским коллегам всемерную поддержку — в пику Соединенным Штатам, которые с опаской взирали на усиление Японии в тихоокеанском бассейне. Влиятельная лондонская газета «Обсервер» писала: «Не подлежит сомнению, что Япония является жертвой большой несправедливости. В течение многих лет она проявляла похвальное терпение, которое теперь иссякло». Короче говоря: следует развязать руки и Японии.

И развязывали.

Иным лондонским стратегам, потомкам Пальмерстона, который, по выражению поэта «поражал Русь на карте указательным перстом», все казалось проще простого: германская, а может быть, японская армия, а может быть, обе эти армии вместе свалят молодую советскую власть и откроют просторы России для английских капиталов и товаров: ну, а там найдется управа и на истощенных войной немцев и японцев. Другим рисовался в мечтах всеобщий поход капиталистических государств против крамольной Страны Советов: «крестовый поход против большевиков» — это выражение было тогда в большом ходу.

Некоторые твердолобые джентльмены просто рвались в бой. Вот, например, как изъяснялся редактор журнала «Эйропейн», органа авиационных кругов

(в июньском номере за 1933 год): «Британский флот в прошлом много раз атаковал русские порты с отличными результатами и был бы счастлив вновь поступить так в будущем. Но... дело может быть сделано теперь много лучше, дешевле и основательнее бомбардировщиками королевского воздушного флота».

В воздухе тянуло зловещим запахом надвигавшейся войны.

Мне нередко приходилось тогда посещать фореин оффис. Я помню английских дипломатов того времени — лощеных, самоуверенных, непоколебимо убежденных в том, что, по русскому выражению, «держат бога за бороду» и обладают секретом, как управлять с Уайтхолла судьбами мира.

Фореин оффис всегда считался заповедником аристократии. Верховодило в нем по традиции несколько семейств: маркизы Солсбери, герцоги Девонширские, графы Дерби и их не менее именитые родичи. В XX веке к сынкам родовой знати присоединились сынки аристократии денежного мешка — магнатов Сити. Ни одно другое ведомство в Лондоне не связано так крепко личными узами с монополиями, как министерство иностранных дел. Крупные банки, колониальные, нефтяные, военные концерны имеют в фореин оффисе своих людей: это либо акционеры этих фирм, либо родственники акционеров. Уходя в отставку, видный чиновник министерства иностранных дел автоматически пересаживается в директорское кресло банка или конперна, с которым до того был связан неофициально. Карьера чиновника фореин оффиса определяется не личными способностями и не знаниями, а покровительством придворных кру-

гов, протекцией хозяев крупного банка или промышленной монополии.

Неудивительно, что аппарат форейн оффиса — весь во власти кастовых предрассудков. Высокомерные, спесивые английские дипломаты были уверены, что сумеют поладить с гитлеровцами, перехитрить их и превратить в ландскнехтов антикоммунистического похода.

Стремясь обеспечить себе поддержку Запада, гитлеровцы изъявляли полную готовность взять на себя такую роль. Показательным был эпизод, разыгравшийся на Мировой экономической конференции, созванной в Лондоне по инициативе английского правительства летом 1933 года.

Мне довелось быть свидетелем многих скучных международных совещаний, однако другого такого никчемного и бесплодного сборища я больше не видел. Капиталистические державы задались целью: найти на конференции выход из экономических затруднений. Но тщетно ораторствовали с трибуны конференции буржуазные асы той эпохи: английский премьер Макдональд, французский премьер Даладье, государственный секретарь США Хэлл, австрийский канцлер Дольфус... Единственную содержательную речь на конференции произнес глава советской делегации, народный комиссар иностранных дел Максим Максимович Литвинов; он предложил подписать протокол об экономическом ненападении. Остальные ораторы ограничивались переливанием из пустого в порожнее.

Присутствовавшие на конференции журналисты томилась от безделья и проводили время не столько в зале заседаний, сколько в баре. Это был действительно из

ряда вон выдающийся бар: рестораторы собрали в нем национальные напитки всех представленных на конференции стран. Помнится, американские журналисты изобрели своего рода спорт: дегустировать напитки разных стран в алфавитном порядке от «А» до «Z» — от Абиссинии до Зеландии; дойдя до конца алфавита, они принимались двигаться в обратном направлении. Вместо приветствия корреспонденты встречали друг друга вопросом: «На какой вы застряли букве?..» Надеюсь, меня не обвинят в квасном патриотизме, если я скажу, что наибольшим успехом пользовалась русская водка.

Беда журналиста в том, что, какой бы пустой и ничемной ни оказалась конференция, которую ему поручено освещать, она требует безотрывного присутствия и внимания: зазеваешься или пойдешь прогуляться, а тут, может быть, как раз и произойдет то единственное событие, ради которого стоило тратить и время и силы... Наряду с другими качествами журналист должен обладать терпением. В данном случае мое терпение было вознаграждено.

Германская делегация решилась на открытый анти-советский шаг: она вручила руководству конференции меморандум, в котором требовала для Германии «новых территорий» на европейском Востоке за счет Советского Союза. «Война, революция и внутренние разруха нашли исходную точку в России, в великих областях Востока,— гласил наглый фашистский документ.— Этот разрушительный процесс все еще продолжается. Теперь настал момент его остановить...» Осторожности ради гитлеровский документ был передан председателю конференции не главой делегации министром ино-

странных дел фон Нейратом, а членом делегации Гугенбергом, министром народного хозяйства; крупный промышленник Гугенберг был лидером партии националистов, которая на первых порах участвовала в правительстве Гитлера.

Корреспондент французской газеты «Пти паризьен» Ж. Массип бог весть какими путями сумел получить гугенберговский меморандум задолго до того, как он стал известен делегатам конференции и журналистам. Утром, перед началом очередного заседания, он отозвал меня в сторонку и передал копию меморандума, поставив два условия: во-первых, не разглашать, от кого я ее получил¹; во-вторых, если советская делегация даст на меморандум ответ, предоставить ему текст ответа раньше, чем другим корреспондентам. Пообещав и то и другое, я помчался в советское посольство, где остановился М. М. Литвинов. Максим Максимович перестал посещать конференцию после первых заседаний, зато развернул энергичную деятельность, пользуясь присутствием в Лондоне виднейших дипломатов мира: готовилось заключение Советским Союзом и соседними странами конвенции об определении агрессии, завязывались контакты с американцами (несколько месяцев спустя были установлены дипломатические отношения между СССР и США).

Когда я приехал в то утро на Кенсингтон Палас гарденс 13, Максим Максимович был еще в постели. Ему передали гугенберговский меморандум и мою просьбу:

¹ Я делаю это сейчас, тридцать лет спустя, зная, что Ж. Массипа нет в живых.

дать на него ответ через «Правду». Минут через десять меня пригласили в его комнату. Максим Максимович сидел в ночной пижаме, заспанный и недовольный, но тут же продиктовал мне заявление, в котором едко высмеял фашистский меморандум и его авторов,— по его словам, они решили внести в чересчур серьезную атмосферу конференции «элемент забавности». Я передал интервью с наркомом по телефону в Москву (оно было напечатано под заглавием: «Заявление тов. Литвинова корреспонденту «Правды»»), а затем вручил копии его Ж. Массипу и другим знакомым корреспондентам. Получилось так, что журналисты получили советский ответ одновременно с гитлеровским меморандумом.

Своей наглой выходкой германская делегация лавров не стяжала. Западная пресса даже сочла нужным пожурить ее за чересчур грубую работу. Гитлеровцы сделали козлом отпущения Гугенберга и отозвали его из Лондона, а через какую-нибудь неделю и вовсе выставили из правительства. На этом кончилась коалиция гитлеровцев с националистами, а заодно и бесславная политическая карьера Гугенберга. Никем не оплакиваемая, угасла вскоре и Международная экономическая конференция («Конференция тратит необычайно много времени на то, чтобы умереть»,— писал незадолго до ее закрытия лондонский журнал «Экономист»).

Советский Союз тщетно пытался организовать коллективный отпор гитлеровским агрессорам. Державы Запада втянулись в сговор с ними. Позорная полоса мюнхенской политики закончилась совсем не так, как думали самоуверенные дипломаты фореин офиса и Кэ д'Орсэ (французское министерство иностранных

дел). Жизнь посмеялась над их хитроумными маневрами: прежде чем двинуть свои дивизии против Советского Союза, Гитлер принял парад в покоренном Париже, обрушил свои бомбы на Лондон.

Германский генеральный штаб планировал высадку на Британских островах. В ее подготовке он зашел куда дальше Наполеона. План гитлеровской десантной операции получил кодовое название «Морской лев». Директива главнокомандующего германскими сухопутными силами Браухича так определяла цели десантной операции: «Продолжая оккупацию Франции и удерживая другие фронты, высадиться крупными силами в Южной Англии, разгромить английские сухопутные силы, овладеть английской столицей и, в зависимости от обстановки, другими районами Англии». К тому времени военноморской флот Англии понес тяжелый ущерб от нацистской авиации, а ее сухопутные войска еще не оправались после разгрома в Дюнкерке. Гитлеровское же командование стянуло для осуществления операции «Морской лев» огромные силы в составе двух эшелонов; один лишь первый эшелон включал три армии: 16-ю, 6-ю и 9-ю.

Десантная операция готовилась с чисто немецкой тщательностью: заранее были сформированы полевые и местные комендатуры, проектировались концентрационные лагеря, были отпечатаны на английском и немецком языках обращения к англичанам. Для расправы с партизанами в состав десантных войск включили дивизию СС «Мертвая голова».

Гитлеровское вторжение, о котором сегодня напоминают лишь доты, сохранившиеся кое-где на южном

побережье Англии, так и не состоялось. Оно не состоялось потому, что дивизии Гитлера безнадежно завязли, а потом легли на Востоке, в смертельной схватке с Советской Армией.

Ход событий привел Англию к братству по оружию со Страной Советов. Англичане убедились, что советские люди — лояльные союзники. Достаточно напомнить известный эпизод: в разгар наступления гитлеровских войск на Западном фронте, в районе Арденн, советское командование ускорило, несмотря на неблагоприятные условия, широкое наступление на Востоке. Английский премьер-министр Уинстон Черчилль заявил тогда в парламенте: «Я не знаю ни одного правительства, которое более твердо держалось бы своих обязательств даже в ущерб себе, чем русское советское правительство».

Но еще в разгар битвы на Волге тот же Черчилль в секретном меморандуме высказался за создание после войны коалиции держав, направленной против Советского Союза. А выступая на митинге в ноябре 1954 года, Черчилль в припадке откровенности поведал миру: «Еще до того, как кончилась война, в то время, как немцы сдавались сотнями тысяч, а наши улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери телеграмму, предписывая ему тщательно собирать и складывать оружие, чтобы его легко можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

На Парижской Мирной конференции 1946 года, а затем на сессиях Совета министров иностранных дел

и Генеральной Ассамблеи ООН я наблюдал, как западные державы сколачивали блок против СССР и его союзников. Откровенно говоря, трудно было порой усидеть на этих заседаниях и быть немым свидетелем того, как топчут ногами дружбу народов антигитлеровской коалиции, скрепленную солдатской кровью. Однажды, внимая дискуссии дипломатов, я даже не выдержал, — подал своего рода реплику.

Это было в Люксембургском дворце, на заседании одного из комитетов Парижской Мирной конференции. Делегаты сидели вокруг продолговатого стола в середине зала, корреспонденты — вдоль стен. Ораторствовал американский делегат, — он отпустил пренебрежительную фразу о жертвах, понесенных в войне советским народом. Рядом с моим стулом, стояли, прислоненные к стене, костыли: ампутационный рубец на раненой ноге зажал у меня только через год. Каюсь, я легонько толкнул костыли локтем: они грохнули о пол и с шумом прокатились через весь зал по навощенному паркету. Не знаю, дошел ли этот намек до американского оратора, но коллеги-журналисты меня поняли...

В определении послевоенной политики Запада Англия сыграла печальную роль. Ее правящие круги панически боялись, что Советский Союз и Соединенные Штаты договорятся о сотрудничестве через голову Англии. И вот Уинстон Черчилль отправился за океан, в Фултон, чтобы произнести антисоветскую речь перед избранной аудиторией, среди которой находился и президент Трумэн. Историю «холодной войны» принято датировать именно с фултонской речи Черчилля.

На парламентских выборах 1945 года лейбористская

партия завоевала большинство голосов, выдвинув программу, в которой говорилось, что только социализм служит надежной гарантией против возрождения фашизма и обеспечит народам мир, свободу и процветание. Придя к власти, лейбористские лидеры перечеркнули эту программу, а министр иностранных дел Бевин не пожалел усилий для разжигания «холодной войны». Даже такой небеспристрастный наблюдатель, как американский журналист Уолтер Липман, с его атлантическими симпатиями и связями, писал, подводя итоги внешней политики лейбористского кабинета: «Курс г-на Бевина... не соответствовал обещаниям и доктринам английской лейбористской партии. Он сводился к продолжению политики, которую фореин оффис проводил до него, к верности установкам Черчилля и понаторевших в делах чиновников фореин оффиса».

Именно в бытность Бевина министром иностранных дел понаторевшие в делах чиновники фореин оффиса нанесли смертельный удар рожденному в военные годы англо-советскому договору о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Договор предусматривал взаимные обязательства. Советский Союз и Англия договорились сотрудничать в организации европейской безопасности; они обязались не заключать союзов, направленных против другой договаривающейся стороны. Англия свела на нет этот договор. Вопреки взятым обязательствам, она стала одним из основных участников НАТО — коалиции, направленной против Советского Союза.

Известный дипломат сэръ Уильям Хэйтер пишет в своей книге «Дипломатия великих держав», что бри-

танской дипломатии «присуща консервативность, поскольку все перемены в существующем положении и в нынешнем мировом равновесии сил направлены во вред британским интересам». Курьезное пояснение! По Хэйтеру получается, что британская дипломатия призвана бороться против всяких перемен в современном мире. Однако бороться против происходящих в мире перемен — безнадежное дело.

Английская внешняя политика барахтается в заколдованном кругу безнадежно устаревших концепций. Снова, как и прежде, доктрина «равновесия сил» объявляется венцом дипломатической премудрости. Дуглас-Хьюм в бытность министром иностранных дел так определил основную концепцию британской дипломатии: «Лучшим и, возможно, единственным средством обеспечения мира является сохранение равновесия сил. Простой факт заключается в том, что мир сохраняется равновесием сил».

Во имя «равновесия сил» Англия помогла снова встать на ноги германскому милитаризму. Западногерманские милитаристы не забыли девиза кайзеровской Германии: «Боже, накажи Англию!» В своем кругу вояки с Рейна, уцелевшие в двух мировых войнах, по-прежнему называют Англию «дер эрбфейнд» — кровный враг. И все-таки английские кредиты наряду с американскими обеспечили восстановление военной промышленности Рейна и Рура, и западногерманский бундесвер, поставленный под командование бывших гитлеровских генералов, уже сейчас стал сильнее английской сухопутной армии.

При последних судорогах гитлеровской империи гер-

манские милитаристы мечтали: в будущем они «переиграют» войну за мировое господство. Имеются сведения, что начиная с конца 1943 года германский генеральный штаб взялся за разработку планов третьей мировой войны. 26 января 1945 года Геббельс писал в своей газете «Дас рейх»: «В конце концов, мир не так уж просто устроен, что победа всегда есть победа, а поражение всегда является поражением». Но даже Геббельсу в его самых диких мечтах не мерещилось, что через каких-нибудь полтора десятка лет после окончания войны германские войска будут иметь базы на Британских островах, а германский генерал, заняв ответственный пост в новом военно-политическом блоке, станет разрабатывать стратегические планы для Соединенных Штатов, Англии и всего капиталистического Запада.

В самой Англии критика такого политического курса раздается не только в прогрессивном лагере. По случаю годовщины начала войны с гитлеровской Германией консервативная лондонская газета «Ивнинг стандарт» писала: «Нам говорят сейчас, что мы должны забыть о войне и объединиться с немцами в Европе. Быть может, в этих призывах к забвению и была бы какая-то доля обоснованности, пусть небольшая, если бы не тот факт, что лица, руководящие сейчас германскими делами,— это в основном те же самые люди, которые четверть века назад орали «Зиг хайль!» на улицах Германии. Дважды на протяжении жизни одного поколения Германия ввергала Европу в войну. Даже на этом этапе истории немцы все еще посматривают на районы за линией Одер — Нейсе, которые им угодно называть

«утраченные территории». Вряд ли приходится сомневаться, что для возвращения этих территорий многие были бы готовы снова пойти на риск мировой катастрофы. Таковы факты, которые следует помнить 3 сентября. Ибо если о них будет помнить достаточное число людей, немцам не удастся снова опустошить Европу».

Если так рассуждает консервативная газета, то легко себе представить, что па уме у рядового англичанина, не позабывшего ни Дюнкерка, ни «блица». В беседе по душам он не скрывает неприязни к боннской Германии. Один консервативно настроенный джентльмен говорил мне:

— Тут уж мы надеемся на вас в Советском Союзе. Вы не дадите разгуляться этим сумасшедшим в Бонне... Что касается нас,— добавил он немного смущенно,— мы ничего не можем поделать: Англию связывает партнерство с Соединенными Штатами, а в Вашингтоне на германский вопрос смотрят иначе, чем в Лондоне.

Партнерство с Соединенными Штатами! Исчерпав все аргументы в защиту своей политики, представители английских правящих кругов неизменно ссылаются на «американо-британское партнерство», на «единство народов, говорящих на английском языке», без которого Англии — крышка. Но у рядового англичанина в большинстве случаев свои взгляды на этот счет.

Известный английский литератор, человек наблюдательный и острый на язык, спросил меня:

— Хотите знать, почему мы, англичане, с таким восторгом встречали вашего Гагарина, что официальная программа встречи была опрокинута и от нее ничего не осталось?

— Что же тут удивительного? — пожал я плечами. — Событие исторического значения... Человек и вселенная... Покорение космоса...

— Все это, конечно, так, — лукаво улыбнулся собеседник. — Но к естественному восторгу перед лицом такой победы человеческого гения и мужества примешивалось и другое чувство.

— ?

— Между нами говоря, в глубине души каждый англичанин радовался, что первыми покорили космос не американцы. Не смотрите на меня с удивлением: это именно так. И американцы нас отлично поняли. В Вашингтоне нам до сих пор простить не могут той встречи: там считают, что с нашей стороны было чистейшим предательством аплодировать русскому, опередившему в космосе американца. Недаром Соединенные Штаты так и не прислали к нам после этого своих космонавтов...

Я, конечно, знал о скрытом англо-американском антагонизме. Чтобы почувствовать его, даже не обязательно побывать в Англии, — достаточно ознакомиться с книгами английских писателей современности от Джона Голсуорси до Грэма Грина — некоторые из них я переводил на русский язык. Возьмите, например, переживания очаровательной — и очень консервативной — Динни Черрел из «Конца главы» Голсуорси, когда в нее без памяти влюбляется красивый молодой американец, или возьмите размышления английского журналиста Фаулера из «Тихого американца» Грина. Однофамилец Г. Грина, английский писатель Мартин Грин, в своей книге «Зеркало для англосаксов» так суммирует отно-

шение англичан к американцам: «Каждому из нас претит бы быть американцем... Если их припрут к стенке — а в наши дни всех нас припирают к стенке международные события, — большинство англичан готово признаться, что чувствует свое превосходство над американцами, — потому что у американцев не хватает культуры, скажут они».

Так обстоит с «единством народов, говорящих на английском языке». Кстати о языке. Американская речь до того отдалилась сейчас от английской, что англичане и американцы раздражают друг друга и лексикой и произношением. Как-то раз я завтракал в ресторане своей гостиницы; за соседним столиком немолодая чета англичан была увлечена одним из тех нескончаемых разговоров о погоде, которые так любят в Англии. Мимо продефилировала группа туристов. Один из них, с фото- и киноаппаратами через плечо и путеводителем в руке, объяснял спутникам:

— Сегодня мы провернем Британский музей, Вестминстерское аббатство, выставку мадам Тюссо...

У дамы за соседним столиком вдруг вырвалось как-то совсем не по-английски:

— Меня просто судороги корчат, когда я слышу их кваканье.

Недаром одна солидная лондонская газета в шутку писала: чтобы англичане и американцы перестали действовать друг другу на нервы, им надо подождать, пока американская речь совсем перестанет походить на английскую. Тогда ее начнут преподавать в учебных заведениях как иностранный язык, американцы перестанут называть себя «братьями», превратятся в обыкно-

венных иностранцев и с ними даже можно будет по-дружиться...

Да, подспудный англо-американский антагонизм заметно вырос. Он рос параллельно стремительному американскому проникновению во все области английской жизни. Это как бы две стороны одной медали.

Вы включаете в Лондоне поутру радио — и слышите ковбойские песенки под аккомпанемент банджо. Вечером вы включаете телевизор — и видите либо перестрелку между ковбоями и индейцами в Техасе, либо перестрелку между полицейскими и бандитами в Чикаго. Приблизительно три четверти всех фильмов, идущих на английском экране, сделаны в Голливуде. В книжных лавках на Чэринг-кросс, в киосках газетчиков, на станциях лондонской «подземки» выставлены последние заатлантические боевики в пестрых обложках: детективные романы и популярные наставления, как без особого труда нажить миллион долларов. В витринах магазинов грамзаписи подавляющее большинство пластинок — американские.

Но больше всего американское проникновение скажется в экономике. Долларовые капиталовложения в Англию увеличились по сравнению с довоенным временем в десять раз и продолжают расти безостановочно. Заокеанские капиталисты облюбовали наиболее доходные и перспективные отрасли английской промышленности; старые отрасли, вроде текстильной или судостроительной, их не привлекают.

Вдоль дорог Англии — бензоколонки с всемирно известными щитами американских нефтяных монополий. В потоке машин катят автомобили Форда и других

американских марок. Если вы видите английскую машину, не спешите верить глазам своим: ведь, например, английская автомобильная фирма «Воксхолл» давно перешла в руки американского гиганта «Дженерал моторс». Из четырех крупнейших фирм, выпускающих автомобильные шины, три контролируются американцами.

В «оффисах» — конторах лондонского Сити — стучат американские счетные машины и пишущие машинки. Аптеки завалены американскими лекарствами, полки гастрономических магазинов уставлены американскими консервами. В старинном лондонском доме XVIII века вмонтирован в лестничную клетку лифт — на нем металлическая дощечка с названием американской фирмы.

Целая армия американских инструкторов, «экспертов», управляющих наводнила Англию. Они инструктируют, поучают, командуют. Англичанам не перестают назойливо твердить, что их страна отстала от века. что им надо поступить на выучку к американцам, что все самое современное, правильное, наилучшее — американского происхождения.

Мудрено ли, что англичане испытали невинное удовольствие, смешанное со злорадством, когда в космос первым взвился не американский, а советский спутник!

У правящей английской верхушки — свои счета с заатлантическим союзником. Она не хочет мириться с экономическим и политическим вторжением Соединенных Штатов в страны Британского содружества. Она не забыла, как США отхватили у Англии львиную долю ближневосточной нефти. Она не может простить

Вашингтону его двусмысленной позиции в дни суэцкого конфликта.

Словом, англичане не очень-то довольны заокеанскими партнерами. Ну а американцы? О них можно сказать то же самое.

Я говорю о хозяевах США, о тех, кто делает политическую погоду в Вашингтоне и Нью-Йорке. Они обладают удивительным свойством воспринимать как личное оскорбление недостаточную — по их мнению — готовность любого народа признать превосходство «американского образа жизни» и подчиниться американскому руководству. Такое поведение кажется им свидетельством некоей неполноценности, может быть даже безнравственности.

В свете всего этого можно понять и оценить перепалку бывшего государственного секретаря США Дина Ачесона с представителями английских правящих кругов. Ачесон объявил в публичной речи, по сути дела, что Англия как великая держава кончилась и больше не может претендовать на роль главного партнера США в Европе. Эту роль ей пора-де уступить Западной Германии. Макмиллан сравнил тогда Ачесона с такими заклятыми врагами Англии, как Филипп Испанский, Людовик XIV, Наполеон, кайзер Вильгельм и Гитлер.

Конечно, Ачесон, который торопится похоронить Англию как великую державу, глубоко заблуждается. Я упомянул о перепалке, вызванной его речью, лишь для того, чтобы показать, какой остроты достигают порой отношения между англосаксонскими странами.

Надо оговориться: невыгодное для Англии развитие международных событий все сильнее тревожит ее пра-

вителей. Отсюда — колебания и зигзаги в их внешней политике. Но до сих пор в решающие моменты всякий раз обнаруживалось, что влиятельные силы не дают Англии вырваться из круга устаревших представлений, порочных концепций и рокового курса, осужденного опытом истории.

Сумеет ли она вырваться из этого заколдованного круга? Или окажется прав Бернард Шоу, который острил по адресу английской верхушки: «Если бы опыт мог чему-нибудь научить, камни Лондона были бы мудрее всех мудрецов»?



ФЛИТ-СТРИТ



Мифы



а лондонской улице Флит-стрит вы отчетливо ощущаете, как под ногами у вас колеблется почва, словно при землетрясении. Она дрожит от бешеного танца ротационных машин там, под землей, в подвальных помещениях этих зданий. Ненасытные машины пожирают бумагу рулонами, изрыгая ее покрытой убо-



ристым шрифтом. Тут печатают газеты, тиражи которых исчисляются миллионами.

В разговорном английском языке название этой улицы стало нарицательным: оно обозначает лондонскую «большую» прессу. Если кто-нибудь говорит: «Я работаю на Флит-стрит», это означает, что он по профессии журналист или издательский работник.

Когда-то я ожидал найти здесь широкий, залитый светом проспект, уходящие в головокружительную высь небоскребы с мачтами антенн. Вместо этого я увидел узкую, темную улицу с обыкновенными пятиэтажными домами, ничем не отличающуюся от прочих улиц делового района Сити. Многие из этих домов построенные еще в середине прошлого столетия. Их стены почернели от времени и от «смога», и это придает улице еще более угрюмый вид. Выделяется лишь здание «Дейли экспресс», похожее на коробку из черного стекла, — оно построено по замыслу недавно умершего лорда Бивербрука, хозяина этой газеты, большого любителя оригинальных эффектов; на фоне соседних домов оно выглядит как-то неуместно.

Газетные редакции, телеграфные агентства, издательства всякого рода заполнили соседние переулки. В двух минутах ходьбы — массивное здание «Таймс». В семи-восьми минутах — новое здание «Дейли миррор», оборудованное по последнему слову редакционной и полиграфической техники.

На каждом шагу — пивные, кафе, дешевые рестораны, куда забегают журналисты, печатники, издательские работники. В проходных дворах приютились таверны: древние дубовые своды, отполированные лок-

тиями столы, жестяные пивные кружки с многочисленными вмятинами,— все говорит здесь о старине.

Таверны были когда-то колыбелью английской прессы. Еще в Елизаветинскую эпоху здесь стали ходить по рукам рукописные листки с последними заморскими вестями: дельцы Сити охотно знакомились с незамысловатыми сообщениями, откуда порой можно было почерпнуть сведения, полезные для коммерции. Потом эти листки стали размножать печатным способом. Получив от властей несколько предметных уроков, издатели поняли, что касаться политических вопросов — опасно, и не в пример своим французским коллегам стали остерегаться их как огня. Тем самым было обеспечено благосклонное отношение властей.

«Английский Меркурий», «Лондонские новости» печатались уже на двух страницах. В 1622 году начал издаваться первый еженедельник: «Уикли ньюс» — «Еженедельные новости»; в начале XVIII века в Лондоне было уже девять еженедельных газет. Тогда же начала выходить первая ежедневная газета. Потом появились печатные машины, и издание газет стало доходным делом. Сюда устремились капиталы. Так состоялось бракосочетание бизнеса с прессой.

Влияние печати в Англии огромно. Англичане — ревностные читатели газет. Они остались ими даже в век радио и телевидения. Книг они читают мало, — на это мне жаловались многие писатели; знакомство рядового англичанина с литературой часто ограничивается тем, что запомнилось со школьной скамьи.

Но по сравнению с числом населения общий тираж

газет в Англии в три раза выше, чем во Франции, почти в два раза выше, чем в Соединенных Штатах. Утром в вагоне метро или пригородного поезда почти каждый пассажир читает газету. Подавляющее большинство берет ее в соседнем киоске; продавец знает постоянных покупателей, и ни один из них не уйдет от него с пустыми руками. Лишь меньшинство выписывает газету на дом.

Газеты бывают двух типов: солидные, так называемые «классические» («Таймс», «Гардиан») и массовые, так называемые «популярные». Первые рассчитаны на узкий круг избранных, вторые — на широкую публику.

Лицо «классических» газет мало изменилось за целое столетие. Они отличаются полнотой и обстоятельностью информации. Политическая тенденция сказывается главным образом в редакционных статьях, впрочем написанных опытными журналистами со знанием дела.

— Я всегда повторяю: относитесь с вниманием к тому, что «Таймс» печатает мелким шрифтом, в отличие от того, что она печатает шрифтом крупным, — сказал мне Бертран Рассел. (Мелким шрифтом «Таймс» печатает информацию, крупным — редакционные статьи.) — «Таймс» не боится, — продолжал Рассел, — что факты поколеблют политические убеждения ее читателя: их поколебать невозможно. Читатель «Таймс» может вынести правду — и не дрогнет!

Действительно, читатели «Таймс» — это сливки буржуазного общества. Чтение «Таймс» для английского джентльмена — некий ритуал, а также свидетельство

его «респектабельности». Если джентльмену захочется соснуть часок-полтора в мягком кресле у клубного камина, он обязательно прикроется номером «Таймс». Бесстрастный, невозмутимый тон информационных сообщений, обезличенная подача корреспонденций, витиеватый слог статей могут создать на первый взгляд впечатление скуки, — но это только на первый взгляд. Внимательное чтение «Таймс» — от мелких объявлений нонпарелью, которыми занята вся первая страница, до передовых статей и писем в редакцию — больше даст человеку, желающему постичь Англию, чем целый цикл лекций.

Информация «Таймс», публикуемые ею письма в редакцию не сравнимы ни с чем. Возьмите, например, такую заметку: «Национальный мышиный клуб решил начать переговоры с Британским кроличьим советом и с Клубом морских свинок по вопросу о снижении платы за провоз этих животных по железным дорогам на выставки...» Или такое письмо в редакцию: «В Кентерберийском соборе я видел двух человек, куривших сигареты, и одного, курившего трубку. В прошлом году я видел в церкви св. Георга в Виндзоре мальчика и девочку, которые целовались. В газетах я читал о трех девочках, которые слушали музыку по карманному приемнику в Линкольнском соборе. Что-то случилось с Англией, и мне лично это не нравится. П. Симмондс».

Многое может случиться с Англией, но «Таймс» и ее читатели останутся верны себе.

Что касается газет, рассчитанных на массового потребителя, то они абсолютно беспринципны и низко-

пробы. Они довели до степени искусства умение извращать важные факты, делать сенсацию из пустяка, раздувать ничтожные подробности личной жизни аристократических особ и кинозвезд, смаковать убийства и другие преступления, забивать людям голову всяким мусором. Эти газеты не гнушаются ничем. Когда вскрылось скандальное дело военного министра Профьюмо, Кристины Килер и великосветского сводника Уорда, они сделали его главной темой дня, уделяя целые страницы непристойным подробностям и ухитрившись превратить проститутку Килер в «звезду» своего рода. Воскресная газета «Пьюс оф уорлд», публиковавшая из номера в номер «Исповедь Кристины», увеличила благодаря этому свой тираж на 300 тысяч экземпляров; курс ее акций подскочил с 37,5 шиллинга до 44 шиллингов.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на отзыв покойного лейбористского министра иностранных дел Моррисона: он говорил, что у так называемой «большей прессы» вошло в обычай «искажать и скрывать истину», и назвал ее деятельность «позором для журнализма». Еще энергичнее выразился лейбористский министр Бивен. Он заявил, что английская пресса — «самая протитуированная пресса в мире», и добавил: «Центральные и провинциальные газеты из недели в неделю накачивают смертельный яд в головы людей».

Впрочем, даже находясь у власти, лейбористское руководство в прошлом палец о палец не ударило, чтобы изменить такое положение вещей. Больше того, оно отдало на откуп капиталистическим дельцам единственную ежедневную лейбористскую газету «Дейли ге-

ральд», в результате чего та приобрела все худшие черты «популярной» прессы, а потом бесславно скончалась.

На Флит-стрит идет непрерывная ожесточенная борьба между гигантскими газетными монополиями. Сильный поедает того, кто послабее. Число газет сокращается. За последние десять лет в Англии перестало выходить около двадцати ежедневных и воскресных газет. Меньше всего принимают во внимание интересы и запросы читателей: когда пять лет назад консервативная «Дейли мейл» проглотила «Ньюс кроникл», в которой работал еще Чарльз Диккенс,— подписчикам старой либеральной газеты просто стали высылать газету консервативную — и дело с концом.

«Обсервер» писала по поводу такой практики: «Это бизнес, и только бизнес — покупать и продаваться вместе с редакторами, сотрудниками и читателями, как продавались и покупались в XIX веке русские поместья со всеми их «душами». Купленная газета может быть изменена, обновлена или просто закрыта. Единственный смысл ее существования — приносимый ею доход».

«Большая пресса» Англии в основном — собственность четырех монополий: это концерны Сесилия Кинга (группа «Дейли миррор»), Роя Томсона (группа «Санди таймс»), лорда Ротермира (группа «Дейли мейл») и семейства покойного лорда Бивербрука (группа «Дейли экспресс»). Всех крупнее концерн Сесилия Кинга: его капитал оценивают в 100 миллионов фунтов стерлингов. Не мудрено, что именно он проглотил издательство «Одэкс пресс лимитед», выпускавшее лейбористскую газету «Дейли геральд».

В свое время Генеральный совет профсоюзов уступил больше половины акций издательства «Дейли геральд» капиталистическому концерну «Одэме пресс лимитед». Впоследствии Сесиль Кинг захватил «Одэме пресс», закрепив за собой 51 процент акций «Дейли геральд». «Дейли геральд» делалась по всем канонам «популярной прессы», но тираж ее — хоть он и превышал миллион экземпляров — все же отставал от тиражей других массовых газет Флит-стрита. В результате крупные рекламодатели ее не жаловали, и новый хозяин вскоре решил ее прикрыть. Понадобилось личное обращение к Кингу лидера лейбористской партии Гарольда Вильсона, будущего премьер-министра Англии, чтобы магнат Флит-стрита согласился отсрочить исполнение смертного приговора лейбористской газете до парламентских выборов. Но он не сдержал обещания и закрыл ее за месяц до выборов. Политическая партия, собравшая на выборах большинство голосов, не в состоянии обеспечить выпуска собственной газеты! Характерный штрих «британского образа жизни»...

В Англии много говорят о «свободе печати». Для того чтобы ею воспользоваться, требуется обычно от пяти до десяти миллионов фунтов стерлингов. Но и это еще не все. Даже если иметь такие огромные деньги и миллионный круг читателей, нужна еще и благосклонность крупных рекламодателей.

Дело в том, что выручка от продажи газеты не покрывает издержек производства; газета продается ниже себестоимости. Разница, как правило, покрывается — и перекрывается — доходами от объявлений. Погоны за объявлениями крупных промышленных и торго-

вых фирм накладывает отпечаток на всю деятельность газеты. Здесь — дополнительные пружины для давления на печать со стороны капитала. Известны многочисленные случаи, когда перед выходом очередного номера какой-нибудь газеты снималась по требованию отдела объявлений важная информация, которая могла не понравиться тому или иному рекламодателю.

Хозяева газет — Кинги, Томсоны, Ротермиры, Бивербруки — именуются в просторечии «лордами прессы». Все они принадлежат к самой верхушке класса капиталистов. Наряду с газетами и журналами, они владеют лесозаготовками, бумажными фабриками, предприятиями, изготовляющими типографскую краску; их капиталы вложены в банки и страховые компании, в пушечные фирмы и химические концерны, в заокеанские рудники и плантации. Газета для них — такой же бизнес, как и всякий другой.

Так выглядит английская «свобода печати». Другой миф, широко распространяемый в Англии, — утверждение, будто бы правительство никак не воздействует на печать и не пользуется ею в своих целях.

Но Уайтхолл поддерживает постоянный контакт с Флит-стритом. Министерства и ведомства устраивают пресс-конференции, на которых высокопоставленные чиновники, а иногда и сами министры излагают журналистам точку зрения правительства. В министерстве иностранных дел пресс-конференции созывают систематически; они превращаются в инструктаж иностранных отделов газет.

По случаю смерти бывшего премьер-министра Макдональда «Санди таймс» поведала в свое время о сове-

щении, которое он создал в начале тридцатых годов, накануне отхода Англии от золотого стандарта. Собрав издателей лондонских газет, Макдональд обратился к ним со следующими словами: «Мы не имеем власти над прессой или, может быть, не хотим применять над нею власть (!). В зависимости от того, как вы преподнесете завтра публике отход от золотого стандарта, будут голодные бунты, финансовая паника и тому подобное или же, напротив,— спокойствие, уверенность и даже ощущение, что близки лучшие времена. Джентльмены! Завтра правительство страны в ваших руках!»

В критическую минуту премьер-министр спокойно мог доверить судьбу английских финансов, да и самой буржуазной Англии джентльменам с Флит-стрита: он знал, с кем имеет дело.

Флит-стриту известно много приемов воздействия правительства на печать: наряду с пресс-конференцией, тут и персональное приглашение к министру для «дружеской беседы», и телефонный звонок в редакцию, и несколько слов, брошенных на приеме, и осторожный совет, переданный через третьих лиц. Бывший военный министр Хор-Белиша рассказывает в своих мемуарах, как он обеспечил благосклонное отношение газет к произведенной им замене группы высших офицеров: «Я пригласил Уолтера Лейтона («Ньюс кроникл»), Саутвуда («Дейли геральд») и Кемсли («Санди таймс» и «Дейли скетч») в военное министерство, чтобы конфиденциально разъяснить им причины предстоящих перемен. С Кемрозом из «Дейли телеграф» я говорил по телефону, так как он был нездоров. По дороге домой я виделся с Хармсвортом («Дейли мейл»). «Пвишиг

ньюс», «Санди диспеч») в Уорвик-хаузе, а вечером говорил по телефону с Гарвином («Обсервер»)).

Когда при лондонских журналистах заходит разговор о том, что правительство и не думает оказывать воздействия на прессу, они только усмеваются...

Многочисленные законы подстерегают словно ловушки те газеты, которые вздумали бы чересчур вольничать. Тут и «акты о государственной тайне», и законы о «подстрекательских пасквилях», «преступных пасквилях» и «богохульных пасквилях», законы о клевете и даже закон о «слухах, порочащих товары». Некоторые из них пребывают в забвении столетиями, но это отнюдь не мешает властям при случае извлекать их из архивной пыли и пускать в ход. Всю тяжесть такого законодательства приходится испытывать на себе рабочей печати, — пресса монополий обладает целым штатом юристов, неограниченными фондами, и порой какой-нибудь громкий процесс о диффамации служит для нее лишь желанной рекламой...

На отшибе от Флит-стрита, на окраине Лондона, размещаются здания Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си) и ее студии телевидения. Би-Би-Си считается «независимой», но созданный при ней совет управляющих сформирован из представителей правящей элиты. Коммерческое же телевидение прибрало к рукам все те же «лорды прессы».

Любопытно, что в Англии широко распространено скептическое — чтобы не сказать большего — отношение к Флит-стриту и особенно к так называемой «популярной», то есть многотиражной, прессе. Вы часто слышите ходячую фразу: «Кто же поверит газетам!» Бросив та-

кую фразу да еще пожав при этом плечам, англичанин... тут же берется за газету.

Есть только одна ежедневная газета, которая не находится в руках у капиталистов, — она целиком существует на средства читателей: это прогрессивная «Дейли уоркер».

Я помню «Дейли уоркер» тех времен, когда она, недавно превратясь из еженедельной газеты в ежедневную, еще только становилась на ноги. Ее редактор — веселый и смелый Билл Раст — и человек пять сотрудников самоотверженно трудились в двух комнатухах. Печаталась газета в частной типографии. Редакционные работники еще не научились лавировать между подводными рифами враждебного законодательства, и смелое слово то и дело приводило их на скамью подсудимых. Так, за то, что «Дейли уоркер» назвала судью Свифта «марионеткой в парике», один из редакционных работников был оштрафован на крупную по тому времени сумму в 250 фунтов стерлингов, другие — приговорены к тюремному заключению на сроки до девяти месяцев. В январе 1941 года газета была запрещена; запрет был снят только в августе 1942 года. Тогда же читатели внесли в фонд газеты 50 тысяч фунтов стерлингов, необходимых для приобретения типографского оборудования.

После войны было создано акционерное общество «Дейли уоркер»; его капитал — 250 тысяч фунтов стерлингов. Акционерами состоят рядовые читатели. Рекламодатели бойкотируют рабочую газету, она почти совсем не имеет объявлений и выходит только благодаря постоянной поддержке рабочего люда.

Я посетил редакцию «Дейли уоркер» на Фаррингдон-роуд. Газета имеет теперь собственное здание, оно называется: «Дом Билла Раста»; долго не мог я оторвать глаз от барельефа Раста на фасаде. Нынешний редактор Джордж Мэтьюз рассказал мне о редакционных буднях; газету делает небольшой, но крепкий и преданный своему делу редакционный коллектив, ему помогают рабочие корреспонденты. Директор типографии Леннарт Кук с гордостью показывал линотипы, ротационную машину.

«Дейли уоркер» бросает вызов Флит-стриту.



Переметы



есшумно закрылась за нами тяжелая дверь красного дерева, покрытая искусной резьбой. Мы в одном из клубов на улице Пэл-Мэл.

Английский клуб — учреждение уникальное. Он напоминает гостиницу закрытого типа: член клуба может провести в нем по своему усмотрению не-



сколько часов, дней, недель или месяцев. При клубе есть ресторан (кухня и винный погреб — гордость членов клуба), читальный зал, библиотека, рабочие кабинеты, наконец, жилые номера со всеми удобствами. Член клуба испокон веков был вправе приглашать сюда гостей мужского пола. Женщинам доступ всегда был строго воспрещен; даже обслуживающий персонал состоял из одних мужчин.

Но что это? Не успел седовласый швейцар передать моему спутнику накопившуюся корреспонденцию и почтительно доложить, что в читальном зале его ждут друзья, как наши мокрые плащи приняла милостивая гардеробщица; а когда мы зашли в ресторан, обнаружилось, что он обслуживается одними официантами. По пути в холле я успел прочесть объявление: «По пятницам членам клуба разрешается приглашать дам».

Поймав мой удивленный взгляд, спутник — англичанин не старых лет, но старых правил — сокрушенно говорят:

— Да, Англия идет ко всем чертям!

После ужина мы направляемся в бар — за стойкой тоже стоит женщина! — и тут у камина, где тлеют толстые поленья, завязывается неторопливый разговор. В числе собеседников — пожилой литературный критик (его перу принадлежат и два-три романа), актер с громким именем, молодой журналист лейбористских убеждений, работающий в консервативной газете и потому излагающий в своих статьях точку зрения консерваторов, и еще человека два-три. Изредка кто-нибудь поднимается и молча уходит, но на его место, заслышав

спор, тут же подсаживается кто-нибудь другой: английский интеллигент в наши дни стал таким же завязтым спорщиком, как интеллигент русский.

Не без умысла завожу я разговор о переменах в клубной жизни Пэл-Мэла. Женский обслуживающий персонал! Дамы в стенах клуба по пятницам! Вот уж никогда не подумал бы!

— И не говорите! — вздыхает мой хозяин. — Если бы все это видел тот старый джентльмен, — он кивает на портрет одного из основателей клуба, строго взирающий на нас со стены, — он бы пришел в ужас. Но разве это единственное новшество в Англии? Все кругом переменялось. И продолжает меняться.

— Возьмите наш престиж, — желчно замечает критик. — Никогда еще он не котирировался так низко. Из державы номер один, какой мы были в начале столетия, мы превратились в державу номер три. Впрочем, и это место оспаривается у нас сейчас Францией...

— ...И Западной Германией, — вставляет актер. — О, эта Лорелея на Рейне! Так сладко пела после войны, так плакалась, мы давали ей подачку за подачкой. А теперь она стала богаче нас, да и армия у нее сильнее нашей.

— Что касается сухопутных сил, — замечает молодой журналист, — Англия никогда не делала на них ставку. Но вот военно-морской флот... Знаете, меня очень удивило заявление американского адмирала Джорджа Андерсона. Он сказал на заседании комитета начальников штабов США, что наш военно-морской флот безусловно на третьем месте — после американского и советского. «Безусловно» — так он выразился.

— Ну уж этого не может быть! — восклицает только что подсевший к нашему столу румяный здоровяк. — Чтобы мы уступили военно-морское превосходство русским!

— А почему, собственно, не может быть? Уступили же мы им превосходство в космосе, — кетати, не только мы, но и американцы тоже!

— Космос — совсем другое дело. Это новая область. Превосходство на море принадлежало нам по традиции.

— Традиции! — произносит актер с трагической ноткой в голосе. — Нет больше традиций!

— Некоторые традиции вряд ли стоит оплакивать, — осторожно вставляет журналист. — Может быть, даже к лучшему, если их не станет.

— Во всем виновата война, — со вздохом говорит мой хозяин.

— Вы какую войну имеете в виду? — спрашивает кто-то.

— Что значит — какую? Последнюю, разумеется.

— Но наши беды начались еще с первой мировой войны. Или даже еще раньше.

— При чем тут война? Возьмите Советский Союз — он, бесспорно, потерпел от войны больший ущерб, чем все другие страны вместе взятые, а поднялся после войны быстрее других и продолжает всех обгонять.

— Во всем виноваты международные факторы...

— Ну, это не объяснение!

— Давайте скажем правду: виновато правительство! Консервативное правительство, которое послушно выполняет все, чего хотят американцы.

— Если на то пошло, ответственность с ним дол-

жны разделить ваши бездарные лейбористские лидеры. Не забудьте: это они были у власти в первые послевоенные годы. Это они обременили наши финансы непомерными расходами на всякие там социальные мероприятия — бесплатное лечение, пенсии и так далее!..

Кашлянув, актер декламирует бархатным, хорошо поставленным голосом:

Те, кто трудились для Англии,—
Нашли в ней последний приют,
И певчие птицы Англии
Над могилами их поют.

Но те, кто сражались за Англию
И отдали жизнь за нас,—
О горе, горе Англии,—
Могила их далеко.

А те, кто правит Англией
По мере скорбных сил,—
О горе, горе Англии,—
Для них еще нет могил¹.

— Чьи это стихи? — спрашиваю я.

— Гилберта Кита Честертона — «Элегия на сельском кладбище». Он умер еще в тридцатых годах, но его стихи звучат вполне злободневно.

— Они как будто написаны специально по поводу дела Профьюмо...

— Что касается дела Профьюмо, оно для нашего общества все-таки не показательно.

¹ Перевод Ю. Таубина.

— Это как сказать...

И спор разгорается с новой силой.

Собственно говоря, споров о том, куда идет Англия, я слышал немало и прежде, но тогда в них все-таки проскальзывали оптимистические нотки, даже если оптимизм этот и был несколько напускным. Многие пытались убедить себя и других, что «британский век» — так именовали здесь век девятнадцатый — еще вернется, что кризис Британской империи — злостное измышление большевиков. Лорду Керзону (тому самому, который писал сердитые ноты молодому Советскому правительству) принадлежало классическое изречение: «Никогда еще британский флаг не развевался над более мощной и более единой империей. Никогда еще наш голос не звучал более веско в хоре народов при решении будущих судеб человечества».

Сравните это заявление с декларациями британских лидеров в наши дни, — какой контраст! «Мы сталкиваемся с устрашающим вопросом — не стали ли возникающие перед нами проблемы непосильными для нас?» — сказал, уходя в отставку с поста премьер-министра, старый Уинстон Черчилль. «Таймс» пишет в передовой статье: «Нет надежды, что вес Англии в международных делах когда-нибудь снова будет прежним».

Если руководящие политические деятели и журналисты рисуют себе будущее в более или менее мрачных красках, то что остается простым людям! Институт Галлапа, специальность которого — опросы общественного мнения, провел в Англии анкету на тему «Благоприятным или нет видите вы свое будущее?» Только половина опрошенных дала утвердительный ответ. Не-

уверенность в завтрашнем дне — отражение кризиса, переживаемого страной.

Кризис этот нельзя рассматривать изолированно, вне времени и пространства, без связи с событиями, происходящими в мире. Трещины испещрили все здание современного капитализма, и было бы странно, если бы они пощадили ту или иную его часть. Но общий кризис капитализма сказался в Англии с особой силой, поскольку в течение ряда веков она была центром крупнейшей в мире колониальной империи.

«У нас нет больше империализма», — то и дело твердят сегодня в Лондоне, ссылаясь на превращение Британской империи в Британское содружество наций.

Содружество наций!.. «В Содружестве наций нет экономического единства, нет равенства жизненного уровня, нет общей политической позиции, нет согласия по внешней политике и стратегии обороны и даже нет равенства между гражданами Содружества в самой Англии», — писала цейлонская газета «Форвард».

Мне приходилось слышать в Лондоне мнение, что при неоколониалистских порядках монополиям пока удастся выкачивать из вчерашних колоний не меньше полновесных фунтов стерлингов, чем прежде. Судя по всему, это весьма близко к истине. В общем, английская буржуазия не имеет в данный момент оснований для особых жалоб. Но ее тревожит будущее. Она отлично понимает, что народы, освободившиеся от колониальной зависимости, захотят избавиться и от зависимости неоколониалистской. Что станет тогда с британской политикой эксплуатации заморских стран?

Между тем к этой политике веками приспосабливалось в Англии все, и в первую очередь ее экономика. Богатая дань, взимавшаяся без особых хлопот за морем, действовала разлагающе. Туда в первую очередь устремлялись капиталовложения. Там всегда можно было рассчитывать на головокружительные сверхприбыли: ведь за труд коренного населения там платили сущие гроши. Приток свежих средств в промышленность и сельское хозяйство самой метрополии был недостаточным.

Я видел своими глазами ткацкие фабрики в Ланкашире, угольные шахты в Южном Уэльсе, металлообрабатывающие заводы в «Черном крае» вокруг Бирмингема, оборудование которых не обновлялось с прошлого столетия. Могу засвидетельствовать: в Советском Союзе таких устаревших предприятий не найдешь. Даже высокое профессиональное мастерство английских рабочих не может компенсировать изношенности станков и машин.

Так называемые «традиционные», старые отрасли промышленности отстали от времени. Это, конечно, не относится к предприятиям новых отраслей — химическим, автомобильным, авиационным и другим, которые отвечают всем требованиям современной науки и техники.

Англию стали теснить зарубежные конкуренты.

В давно минувшую эпоху, когда она слыла «мастерской мира», не требовалось особых усилий, чтобы продвигать ее товары на зарубежные рынки. Фабричная марка «Мейд ин Инглэнд» — «Сделано в Англии» — говорила сама за себя. Словно магическое заклинание,

открывала она ланкаширским тканям и шеффилдским стальным изделиям ворота на любые рынки мира. Но уже после первой мировой войны английским промышленникам пришлось выдвинуть лозунг: «Бай британ!» — «Покупай британское!» В тридцатых годах весь Лондон был заклеен плакатами с этим лозунгом. Даже на Ближнем Востоке и в Латинской Америке и видел на рекламках британского льва с какой-нибудь перчаткой или шарфом в оскаленной пасти и неслучайной надписью: «Покупай британское!» В этом призыве, обращенном и к отечественному и, главным образом, к зарубежному потребителю, уже звучала нотка тревоги. После второй мировой войны парламентские отчеты и пресса Флит-стрита запестрели новым паролем: «Экспорт драйв» — «Экспортное наступление».

Три девиза — три эпохи.

Промышленники и коммерсанты строят в боевые порядки ящики и тюки. Об «экспортном наступлении» говорят на деловых заседаниях в Сити, с трибуны партийных конференций, на парадных банкетах. Но разговоры не помогают. Доля Англии в мировом промышленном экспорте сокращается из года в год. Английским экспортерам наступают на пятки американские, западногерманские, японские.

По темпам роста промышленного производства Англия стоит на последнем месте среди других промышленно развитых западноевропейских стран. Английская сталелитейная промышленность загружена меньше чем на три четверти своей мощности. Слова, как в тридцатых годах, над Англией маячит призрак хронической, долгосрочной безработицы. В некоторых промышлен-

ных центрах страны она превратилась уже сейчас в серьезную проблему.

Английская промышленность работает преимущественно на импортном сырье. Импорт Англии всегда превышал ее экспорт. Поэтому платежный баланс — предмет постоянных забот английского правительства. Пассивное сальдо торгового баланса покрывалось доходами от зарубежных капиталовложений, морских перевозок, финансовых посреднических операций. Теперь для покрытия дефицита сплошь и рядом недостает этих поступлений.

Положение с платежным балансом серьезно ухудшается большими военными расходами, в частности расходами за границей на содержание «Рейнской армии» и другие обязательства, налагаемые военным блоком НАТО. Огромные суммы поглотило создание собственного ядерного оружия. Недешево обходятся военные базы и опорные пункты в бывших и еще сохранившихся колониях, колониальные военные операции в Юго-Восточной Азии, на Арабском Востоке.

В поисках выхода английское правительство создает советы, комиссии, подкомиссии. Они заседают, пишутклады, сочиняют проекты. И, как правило, стараются разрешить трудности за счет рабочего класса. В той или иной форме неизменно делается вывод: «Производить побольше, потреблять поменьше».

Правительственные эксперты изучают одну отрасль хозяйства за другой, составляя планы, которые, по существу, сводятся все к тому же. Типичным можно считать «план Бичинга», названный так по имени бывшего председателя Британской транспортной комиссии; он

выработал план «экономии и модернизации», предложив закрыть почти половину железнодорожных станций, большинство паровозных депо, 5 тысяч миль полотна и уволить 70 тысяч рабочих. Английские железные дороги, национализированные лейбористским правительством в сороковых годах, действительно терпят крупные убытки; они обветшали и отстали от уровня современной техники. В то же время они ежегодно выплачивают бывшим владельцам огромные «компенсации», — в этом корень зла.

Вообще говоря, проведенная лейбористскими правительствами национализация вполне устраивает капиталистов. Лейбористские министры рекламировали ее как величайшее социальное преобразование, будто бы знаменующее мирный переход Англии от капитализма к социализму. На самом деле национализация коснулась тех отраслей экономики — прежде всего железных дорог, угольной промышленности, электроэнергетики, газовой промышленности, — которые, находясь в особенно запущенном состоянии, очутились на грани банкротства. Для их спасения требовались колоссальные капиталовложения. Государство пришло на помощь владельцам — взяло на себя заботу о судьбе их предприятий и обязалось выплатить им компенсации, которые значительно превышали действительную стоимость национализированного имущества.

Вдобавок во главе государственных управлений, ведающих национализированными предприятиями, поставлены все те же капиталисты и связанные с ними виднейшие чиновники старой министерской бюрократии. Национализация обеспечила пожизненной рентой

большую группу обанкротившихся богачей, но не изменила сущности капиталистической экономики Англии и не приблизила ее к решению назревших проблем.

Всеми делами в стране заправляют промышленные гиганты, «большая пятерка» банков, крупные страховые общества. Монополии имеют многочисленных представителей в парламенте и в правительственном аппарате. Правда, принимая министерский портфель, хозяин какой-нибудь фирмы формально складывает с себя директорские полномочия, но остается ее хозяином и, по выходе из правительства, снова берет бразды правления. Так поступил, например, Гарольд Макмиллан, когда, оставив пост премьер-министра, сразу же принялся руководить своей издательской фирмой «Макмиллан энд компани».

«...Кто же, в сущности, правит Англией? — спрашивал еще Энгельс и отвечал: — Правит собственность». Так оно продолжается и по сей день.

В Лондоне вышла недавно книга социолога У. Гутсмена «Британская политическая элита». Автор перечисляет в ней имена крупнейших тузов британского финансового капитала, таких, как сэр Гарри Пилкингтон, директор Английского банка, президент Федерации британских промышленников и председатель нескольких правительственных комиссий, или сэр Эйван Стедфорд, известный промышленник, директор Британской радиовещательной корпорации и член Комиссии по атомной энергии. «Все это люди, обладающие исключительным влиянием, — пишет Гутсмен, — иногда их называют святыми патронами Существующего порядка».

Гутсмен приводит в своей книге любопытное заявление: «У нас нет сегодня демократического строя,— гласит оно.— У нас никогда его не было. Все, что мы сделали в порядке реформ и эволюции, свелось к расширению фундамента олигархии». Кому бы, вы думали, принадлежат эти слова? Джону Голлану, генеральному секретарю коммунистической партии? Нет. Антони Идену! Правда, он сказал их еще тогда, когда был молодым парламентарием и мог позволить себе говорить то, что на уме. «У нас нет сегодня демократического строя...» Прошли десятилетия, а положение не изменилось.

Глубокий кризис, который переживает Англия, мало отразился на положении ее привилегированной верхушки. Прибыли — особенно при выполнении военных заказов — огромны; компания «Ферранти» получила по такому заказу совсем уж умопомрачительную прибыль в 82 процента (!) — почти 6 миллионов фунтов; правда, тут возник скандал в парламенте. По-прежнему сверкают и манят глаз обывателя витрины лондонских магазинов, на аллее Роттен-роу в Гайд-парке галопируют на кровных конях молодые леди и джентльмены, толпа зевак собирается у театрального подъезда в день премьеры — поглазеть на вечерние туалеты и драгоценности, газеты сообщают о причудах богатых коллекционеров, собирающих старинные реликвии или украшения из слоновой кости.

Кричащая роскошь бьет в глаза. «Таймс», систематически печатающая отчеты о великосветских аукционах, на которых продаются предметы роскоши, считает нужным отметить: «Цены без преувеличения могут быть

названы беспрецедентными». Некий С. Дж. Филлипс платит за туалетный набор 12 тысяч фунтов стерлингов — больше 30 тысяч рублей. На ежегодной выставке драгоценностей присуждается первый приз брошке, изготовленной по рисунку Р. Кинга; она изображает взрывы атомных бомб: атомные «грибы» из бриллиантов поднимаются над красной рубиновой землей.

В лондонской прессе появились даже сравнения с последними днями императорского Рима, когда роскошь и разложение патрицианской верхушки достигли своего апогея. На этом фоне разразилось «дело Профьюмо», военного министра, барона и члена Королевского совета, принадлежащего к сливкам лондонского аристократического общества.

То, что это дело, достойное пера Теккерея или Бальзака, получило широкую огласку, объясняется чистой случайностью. Когда безвестный иммигрант из Вест-Индии разрядил свой пистолет в запертую дверь профессиональной проститутки Кристины Килер, ни он сам, ни кто-либо другой не думал, что тут начнет распутоваться клубок, который приведет к национальному скандалу. Стрелявшего посадили под замок на семь лет, Кристину Килер оштрафовали за неявку свидетельницей в суд на 40 фунтов стерлингов, и дело сочли исчерпанным.

Однако репортеры успели обнаружить, что Килер связана с костоправом и любителем-портретистом Стивеном Уордом, фигурой, весьма известной в высшем свете; одним из многочисленных посетителей Уорда был военный министр Джон Профьюмо. Выяснилось, что он встречался с Кристиной Килер. Службе безопасности,

наблюдающей за частной жизнью членов правительства, это давно уже было известно, она даже предупреждала Профьюмо, но тщетно. Когда начались разоблачения, он заявил своим коллегам в правительстве, что его встречи с Килер были чисто платоническими, а выступая в парламенте, угрожал привлечь к ответственности за клевету всякого, кто станет утверждать иное. Правительство поддержало своего военного министра.

Полицейские власти «прижали» Уорда, решив, по видимому, сделать его козлом отпущения. Полагаясь на свои связи и не рассчитав сил, тот предал гласности письмо Профьюмо к К. Килер, не оставившее ни малейшего сомнения в характере их отношений. Разразился скандал. Военному министру пришлось уйти в отставку, правительство Макмиллана зашаталось. Политические оппоненты не дремали. Выступая в палате общин по поводу правительственного доклада о деле Профьюмо, лидер лейбористов Гарольд Вильсон говорил: «Это тошнотворный документ. Он как бы приподнимает завесу над лондонским дном — миром порока, наркотиков, шантажа и контршантажа, насилия и преступности,— и связывает это все с мистером Профьюмо... Если бы этот документ был опубликован как дешёвая книжонка в Америке, distinguished члены палаты выбросили бы ее не только из-за самого содержания, но и потому, что сочли бы ее чересчур надуманной и неправдоподобной».

Власти отомстили Уорду за причиненные неприятности так, как они умеют мстить в Англии. Он был предан суду по обвинению в сутенерстве. На суде вскрылись подробности, заставившие публику ахнуть. Люби-

телю-портретисту Уорду позировали, в числе прочих, члены королевского дома. Среди высокопоставленных покровителей портретиста-костюпера оказались такие светские львы, как лорд Астор, владелец и директор респектабельнейшей газеты «Обсервер». Показания Кристины Килер, Мерилин Райс-Дэвис и других проституток, связанных с Уордом, печатались в газетах Флит-стрита целыми страницами; на головы англичан вылились ушаты помоев. Уорд грозил дальнейшими разоблачениями, но накануне вынесения судебного приговора был найден в своей камере отравившимся. Обстоятельства его смерти остаются загадочными.

Что касается Кристины Килер, Флит-стрит вознес ее на вершину славы и озолотил. За свою так называемую «Исповедь» она получила от газеты «Ньюс уорлд» 23 тысячи фунтов стерлингов (около 58 тысяч рублей). Кинофирма «Топаз-филмз» объявила о своем намерении снять «Историю Кристины Килер», пригласив ее на роль главной исполнительницы. Один из директоров «Топаз-филмз» сообщил прессе, что пробные снимки «прошли блестяще». Только когда вся эта шумиха стала приобретать совсем уж непристойный характер, Кристину упрятали на короткое время за решетку.

Блюстители нравов пытались свести эту историю к частному случаю. Но значение «дела Профьюмо» выходит за эти рамки. Разразившийся скандал бросил свет на устои, мораль и нормы поведения классового общества.

Вот уже несколько лет, как в английской разговорной речи получило новое значение словечко «эстаблишмент». Прежде под ним подразумевалось всякого рода

учреждение, заведение. Теперь его все больше употребляют в смысле — «существующий порядок», «устои общества».

Что подразумевают под этим?.. Прежде всего — правящую верхушку и ее привилегии, закулисное влияние богачей и аристократов вроде всемогущего маркиза Солсбери, чье слово порой бывает решающим при назначении премьер-министра страны, или лорда Чандоса, который заседает в правлениях крупнейших монополий Сити. «Эстаблишмент» — это сила традиций и всевозможных «правил игры», — например, неписанный закон о том, что аристократический колледж открывает дорогу к блестящей карьере. Это — запутанное законодательство: оно основано на накопившихся за тысячелетие прецедентах и обросло всевозможными архаизмами — париками, мантиями, мрачными залами лондонского Темпла. Это Флит-стрит и весь аппарат воздействия на умы англичан. Это, наконец, церковная иерархия.

Краеугольный камень «существующего порядка» — монархия. Беспутный прожигатель жизни и игрок Фарук, экс-король Египта, как-то раз сострлил, что скоро в мире останется только пять королей: короли червей, бубен, пик, трэф и король Англии.

Пресса Флит-стрита любит повторять, что в Англии королева не правит, а только выполняет «общественные функции», то есть представляет. Это верно в том смысле, что английские монархи давно уже не вмешиваются в текущие государственные дела. Но мишуурный блеск королевского двора, расшитых золотом камзолов королевской челяди слепит глаза обывателю

и поддерживает незыблемость «существующего порядка».

Именно неписанные законы, управляющие Англией, позволили в свое время лорду Бальфуру заявить, что, какая бы партия ни находилась у правительственного руля, власть всегда принадлежит консерваторам. А видный лейбористский деятель, бывший член правительства жаловался мне, что чувствовал себя в своем министерстве аутсайдером, посторонним, и что практически все важные вопросы решались за его спиной кликой консервативных чиновников. «Говоря между нами,— сказал он, расхрабрившись (разговор происходил за бутылкой французского вина),— вы, русские большевики, управились с этой консервативной камарильей куда лучше нашего».

Консервативная партия — прямое политическое оружие монополий, орудие финансистов, крупных промышленников, землевладельцев. Подавляющее большинство парламентариев-консерваторов имеют или имели до избрания связи с крупными фирмами, занимают директорские и другие важные посты в банках, промышленности, торговле.

Члены любого консервативного правительства — кучка «сильных мира сего», тесно связанных между собой деловыми интересами, личными знакомствами, родственными связями. Бывший премьер-министр Макмиллан, владелец крупной издательской фирмы, унаследовал огромное состояние отца, учился в Итонском колледже и в Оксфордском университете, служил в гвардии, наконец, женился на дочери герцога Девонширского, породнившись с влиятельнейшим аристократиче-

ским семейством. В 1958 году консервативный журнал «Джон Буль» — отнюдь не желая причинить ущерб репутации Макмиллана, а просто констатируя факт — подсчитал, что из восьмидесяти пяти членов правительства не менее тридцати пяти находилось в родственных отношениях с премьером, а из девятнадцати министров — членов кабинета — в родственных отношениях с ним состояло семь. После перетасовки Макмилланом кабинета число министров возросло до двадцати одного, из них родственниками премьера оказались девять.

Бывший премьер-министр Дуглас-Хьюм был — до того, как он сложил с себя аристократический титул, чтобы баллотироваться в палату общин, — четырнадцатым графом из рода Хьюмов и обладал к тому же тремя наследственными титулами баронов. Дуглас-Хьюм — один из богатейших землевладельцев Англии: его поместья, превращенные в акционерное общество, расположены в пяти графствах, его капитал превышает миллион фунтов стерлингов, в его родовом замке, увешанном портретами сановных предков, — свыше 70 комнат. Как и Макмиллан, он учился в Итонском колледже, а затем — в Оксфордском университете. В статье по поводу выдвижения его кандидатуры в премьер-министры консервативная «Дейли экспресс» воскликнула: «Аристократия умерла, да здравствует аристократия!»

Но в местные отделения консервативной партии, в ее ассоциации и клубы входят и трудящиеся. Многие из них состоят в рядах консерваторов и голосуют за них в силу семейных или местных традиций; отойти от этих традиций — нелегкое дело. Лидеры «тори» — так издавна именуют в Англии консерваторов — в совер-

шенстве владеют искусством демагогии; они умеют изображать из себя людей передовых взглядов, обещают вести Англию «вперед и вперед». («Мы идём вперед, и притом быстро», — заявил Дуглас-Хьюм в речи перед избирателями.)

В главном штабе консервативной партии начальник отдела печати Джеральд О'Брайен уверял меня: на будущих всеобщих парламентских выборах торп, несмотря ни на что, рассчитывают одержать победу. Однако в тот же самый день в Англии состоялись муниципальные выборы, на которых консерваторы потерпели поражение. Вопреки предсказаниям О'Брайена, они потерпели поражение и на парламентских выборах.

Те, кто правит Англией, по существу, ничего не имеют и против лейбористского руководства, которое, по выражению «Таймс», отличается «доктринерским консерватизмом».

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на книгу лейбористского публициста Фрэнсиса Уильямса «Тройной вызов. Будущее социалистической Британии». Опубликованный полтора десятилетия назад, этот труд не потерял интереса и сегодня. Ф. Уильямс разъясняет читателю, что лейбористская партия стоит на весьма правых позициях. «Британский социализм» вырос, по свидетельству Уильямса, «главным образом из этических, гуманитарных, религиозных, профсоюзных и радикально-либеральных корней». В партии с самого ее основания «влияние марксизма было слабым». Больше того, «если бы когда-либо пришлось сделать выбор между социализмом и демократией» (сама такая постановка вопроса показывает, что имеется в виду буржуазная де-

мократия), «большинство британских социалистов безусловно и без колебаний встало бы на сторону демократии». Что касается руководства партии, то «политические лидеры почти всецело происходят из средних классов». Характеризуя лейбористскую политику, Ф. Уильямс отмечает, что она отличается «отсутствием строгой логики» и «словкостью в достижении компромиссов».

Что же вообще заставляет лейбористских лидеров называть себя социалистами и говорить о «социалистических целях»? Уильямс признает, что их толкает на это тяга трудящихся к социализму.

Костяк лейбористской партии состоит из рабочих, и это накладывает отпечаток на всю ее деятельность. Около 6 миллионов членов входят в лейбористскую партию через профсоюзы, — они в Англии сильны и играют большую роль в экономической и политической жизни страны. 700—800 тысяч человек примыкают к партии индивидуальным порядком, через ее местные организации.

В лейбористской партии идет незатухающая борьба между ее правым и левым крылом. Профсоюзы были в прошлом опорой правого крыла; когда-то они находились всецело в руках таких завязых антикоммунистов и сторонников социального компромисса, как Ситрин, Бевин, Дикин. Но в последние годы профсоюзы заметно полевели, возросла и их политическая активность. На профсоюзных съездах и лейбористских партийных конференциях нередко берут верх предложения, отражающие тягу простых людей к миру и прогрессу. Время работает на левые силы.

Когда-то я недоумевал: каким образом в Англии, где преобладает рабочее население, на выборах может побеждать партия консерваторов, партия крупного капитала? Почему рабочий сплошь и рядом голосует за классового противника, капиталиста?

Посещение предвыборных собраний в Англии многое мне объяснило. Расскажу об одном из таких собраний, на котором я побывал перед парламентскими выборами 1955 года.

Дело было в Далвиче, одном из пригородов Лондона. В здании местной школы выступали трое кандидатов в члены парламента: консерватор Дженкинс, лейборист Вернон и либерал Филлипс. Интерес к собранию был, по английским понятиям, немалый: в небольшой зал набилось свыше четырехсот человек, опоздавшим не хватило стульев, и они терпеливо простояли два с половиной часа на ногах.

Собрание походило на вечер вопросов и ответов: кандидатам, сидевшим рядом с председательствующим на небольшой эстраде, задавали из публики вопросы; на каждый из них все трое отвечали по очереди. Благодаря такой процедуре особенно наглядно проявилось поразительное сходство между избирательными лозунгами соперничающих партий. Стоило закрыть глаза, и вы уже не могли сказать, кто сейчас отвечает на вопрос: консерватор, лейборист или либерал.

Одним из первых задали вопрос о путях обеспечения мира. Каждый из трех кандидатов ответил, что его партия ставит интересы мира превыше всего. Консерватор Дженкинс уверял: его партия больше других озабочена тем, чтобы на переговорах четырех держав была

достигнута полнейшая договоренность. Призывая собравшихся голосовать за торп, он в пылу краспоречия воскликнул: «От этого зависит мир во всем мире!» Отсюда можно было вывести заключение: стоит избирателям проголосовать за лейбориста или либерала, как всеобщий мир пошатнется. Но два других парламентских кандидата клялись в своей приверженности к миру почти в тех же самых выражениях. Речь Вернона отличалась лишь тем, что он утверждал, будто лейбористские лидеры скорее найдут на переговорах общий язык с советскими руководителями, так как им «русские доверяют больше, чем другим».

Такое же единодушие кандидаты обнаружили и в области внутренней политики. Из публики спросили о пенсиях бывшим военным и старикам. Оказалось, что каждый из кандидатов безусловно стоит за увеличение пенсий и будет это считать чуть ли не главной своей задачей. Задали вопрос о местном транспорте, который оставляет желать лучшего; все трое обещали добиваться улучшения автобусного сообщения в Далвиче. Спросили о подходящем налоге, — консерватор Дженкинс наряду с лейбористом и либералом объявил, что будет стоять за увеличение налогов на богатей. В ответ на вопрос об отношении к монополиям Дженкинс, глазом не моргнув, заявил: «Мы, консерваторы, решительно боремся против монополий... Где бы мы ни увидели монополию, мы ее уничтожим!»

После собрания я заглянул в справочник и удостоверился, что мистер Дженкинс, обещавший уничтожить монополии, является директором крупной компании... Остается добавить, что именно он и прошел в парла-

мент: за него было подано 25 333 голоса, тогда как лейборист Вернон собрал 23 482 голоса; либерал остался далеко позади.

Вот небольшая картинка британской демократии в действии... Как тут не вспомнить слова Энгельса: «Вся английская конституция и все конституционное общественное мнение есть не что иное, как одна большая ложь, которая непрерывно поддерживается и прикрывается многократной мелкой ложью, когда ее истинная сущность то здесь, то там чересчур уже открыто выступает наружу».

Может быть, вы вообразите, что эти слова содержат известное преувеличение? Но вот «Таймс» опубликовала сенсационную статью о путях консервативной партии за подписью «Консерватор»; на Флит-стрите быстро установили, что под этим псевдонимом скрывается бывший министр Энок Пауэлл. Статья начиналась следующей тирадой, в которой бывший консервативный министр по-своему перефразировал Энгельса: «Обман — неотъемлемая часть политики, традиция «английского образа жизни», нечто такое, чего общественность всегда ожидает от политиков и воспринимает как должное. Обман часто служит хорошей службой партии, и не только партии, но и классу и всей стране в целом, ибо он позволяет не видеть (или делать вид, что не видишь) неприятных изменений в реальном мире до тех пор, пока чувства и привычки не приспосабливаются должным образом к этим изменениям. Таким образом, обман действует, как жидкость, которую выделяет улитка, чтобы починить треснувшую раковину». Это сказано безо всякой тени иронии.

Вдумайтесь в эти слова, представьте себе собрание избирателей в Далвиче, представьте себе сотни и тысячи таких собраний — и вы поймете, как трудно простому человеку Англии ориентироваться в политической обстановке.

На парламентских выборах 1964 года лейбористы выдвинули лозунг: «За новую Британию». Лозунг консерваторов гласил: «Модернизация Британии». Разберись кто может.

Голосуя за лейбористов, многие избиратели лишь выразили протест против деятельности консервативного правительства. Теми же мотивами объясняются и некоторые успехи либеральной партии.

— Я буду голосовать за либералов исключительно в знак протеста против обеих главных политических партий,— сказал мне писатель Г., один из видных представителей английской интеллигенции.

Но и либеральная партия, которая играла в прошлом веке большую роль в жизни страны, а в последние десятилетия тихо угасала и почти исчезла с политической авансцены, не имеет ясной программы мира и народного благоденствия. Вряд ли ей суждено вернуть себе серьезное влияние.

Между тем что-то меняется в самом воздухе Англии. в ее людях. Быть может, эти перемены не так заметны на старшем поколении, но молодежь просто не узнавать. На моей памяти английская молодежь всегда отличалась добропорядочностью в обывательском смысле этого слова; она была удивительно безлика и покорно следовала по родительским стопам. Сегодня она вся в брож-

нии. Даже для самых компетентных наблюдателей английской жизни она представляет уравнение со многими неизвестными.

О существовании целой прослойки молодежи в возрасте от пятнадцати до двадцати лет англичане стали говорить с недавних пор как об открытии. Открытие это сделали раньше всего торговые фирмы: они прикинули, что здесь есть чем поживиться. Рабочая молодежь, как правило, отдает теперь в семью лишь меньшую часть заработка; остаток идет на личные расходы. Школьники и студенты получают от родителей карманные деньги. Коммерсанты подсчитали, что подростки образуют рынок, располагающий десятками и сотнями миллионов фунтов стерлингов.

Вот и пошло: для подростков заводят специальные моды, выпускают специальную одежду, обувь, белье, сигареты, напитки, сладости, косметику для девушек, велосипеды и мотоциклы (ослепительно яркой раскраски) для парней, патефоны и пластинки, музыкальные инструменты, не говоря уже о кинофильмах, журналах и книгах. Сперва все это было преимущественно американского происхождения (американские торговые дома первыми обратили внимание на молодежный рынок), но английские фирмы вскоре поспешили наверстать упущенное.

Даже внешний вид юношей и девушек производит такое впечатление, точно они хотят во что бы то ни стало отмежеваться от старшего поколения. Молодежные моды меняются каждый сезон, если не чаще (это выгодно торговым фирмам). Я опишу ту, что видел в последний раз. Респектабельное пальто заменила корот-

кая грубошерстная куртка без талии с множеством карманов, пиджак и блузку — бесформенные, очень широкие свитеры. Он — в непременных джинсах, в узконосых туфлях без шнуровки и обязательных пестрых носках. Длинные волосы лезут на глаза, их приходится беспрерывно откидывать назад. У нее волосы (нередко — крашенные) висят в художественном беспорядке до самых плеч (шляпки больше не признаются). На лице чересчур много косметики, глаза сильно подведены. На ней тоже джинсы или пышная короткая юбка с множеством нейлоновых нижних юбок. Черные нейлоновые чулки (без шва), узконосые цветные туфли на гвоздиках. Через плечо перекинута сумка на длинном ремешке. И у обоих — какой-то скучающий и очень самостоятельный вид. Такие парочки вы встретите сегодня в Англии на каждом шагу.

Страна испытывает поветрие ранних браков, особенно в среде рабочей молодежи. Писатель Алан Силлитоу, который вырос в фабричной среде и не порвал с ней связи, говорил мне, что браки между семнадцати-восемнадцатилетними стали обычным явлением. С разрешения родителей женятся и раньше. Если девушка выходит замуж в двадцать два года, это уже считается поздним браком. В любом лондонском парке всегда встретишь парочку подростков — по нашим понятиям, школьного возраста, — катящих детскую коляску. Какой контраст с прошлым, когда полагалось жениться, лишь оступившись и прочно став на ноги!

Я спросил у одного паренька, зачем его сверстники так торопятся жить? «А чего ждать, — услышал я готовый ответ. — Пока сбросят бомбу?»

Ранние браки ведут к многочисленным разводам. Молодые люди расходятся с такой же легкостью, с какой сходятся: разрыв происходит в результате пустяковой ссоры. Страдают прежде всего, конечно, дети.

Тут не обходится без американского влияния. Голливудские фильмы уродуют представление молодых людей о любви, браке и семье, о социальных отношениях и целях жизни.

Волна преступности, захлестнувшая Англию, затягивает и молодежь. Появились молодежные шайки, враждующие между собой по классическим американским образцам; когда доходит до драки, пускают в ход ножи, бритвы, велосипедные цепи. Порой шайки эти наезжают в тихие приморские городки, где сводят счеты в диких побойщах, а заодно бьют стекла в витринах магазинов, ломают мебель в кафе и ресторанах, вытаптывают клумбы — словом, переворачивают все вверх дном.

Когда их спрашивают о причинах такого поведения, молодые буяны жалуются на скуку. Министр внутренних дел консерватор признавал в парламенте: «Конечно, моральный облик общества оказывает влияние на молодежь». И в самом деле, какую мораль, какие идеалы может предложить молодежи современное английское общество?

Мне кажется, молодежь Англии мечется в поисках чего-то стоящего, интересного. Мечется большинство. Но немало юношей и девушек начинает интересоваться политикой, борьбой за мир, против ядерного оружия. Во время памятного кризиса в районе Карибского моря в учебных заведениях стихийно возникло движение в защиту Кубы. Молодежь Англии свободнее, чем отцы,

от груза традиций, и это, несомненно, скажется на ее скитаниях.

Впрочем, меняются и отцы. Они изверились во многом, что еще не так давно считали священным и неприкосновенным. На берегах Темзы появился дух недовольства, дух критики, бушует волна злой сатиры.

Представьте себе театральные подмостки, на них — огромную кучу мусора: железный лом, искалеченную мебель, какое-то тряпье. Над мусором развевается потрепанный британский флаг. Разбитый граммофон начала века издает хриплый скрежет. Бородатый мусорщик хватается за флаг, размахивает им с криком «ура!» — и снова водружает на мусорную кучу... Так начинается сатирическое ревю «Вечер британского хлама» в театре «Комеди» на углу Лестер-сквера и Пентон-стрит, в центре Лондона. Представление, в основу которого положены приемы английской народной клоунады, издевается над всем, на чем покоили веков зиждилось общество. Публика, которая еще недавно после такого спектакля разнесла бы театр в щепы, хохочет.

Представление в театре «Комеди» — не исключение. Сатирических спектаклей разных жанров в лондонских театрах хоть отбавляй. Я побывал на репетиции музыкальной комедии «Пиквикский клуб»; даже в эту веселую оперетту по Диккенсу автор либретто Уолф Манкович вставил острозлободневные сатирические куплеты.

Сегодня в Англии расшатываются традиции, растаптываются условности. На театральных подмостках, отчасти даже на радио и по телевидению высмеивают все то, что подразумевается под словом «эстаблишмент».

В Лондоне открыт сатирический клуб под этим наименованием; он пользуется успехом. Недавно начал выходить и быстро достиг внушительного тиража сатирический журнал «Прайват ай» («Частный глаз») типа французского еженедельника «Канар аншенэ». По телевидению Британской радиовещательной корпорации передавалась нашумевшая сатирическая программа, — я бы перевел ее название словами: «Ну и неделька была у нас!» В ней высмеивалось все и вся: законы и нравы, традиции и церковь, правительство и даже королевский дом.

Все это происходит стихийно. Правящие круги — и это характерно для английской буржуазии и ее умения маневрировать — смотрят сквозь пальцы. По-видимому, они полагают, что смех — своего рода отдушина и дает выход накопившемуся недовольству. Быть может, их даже устроили бы настроения, сказавшиеся с такой силой в открытом письме «Моим соотечественникам» драматурга Джона Осборна. «Это письмо ненависти, — писал Осборн. — Ненависти к вам, мои соотечественники... Пожалуйста, можете умирать за Берлин, за демократию, за что угодно... Все, что я могу предложить вам, — это свою ненависть». Осборн впоследствии объяснял, что в «письме ненависти» имел в виду правителей Англии, но, как бы то ни было, оно поражает безнадёжностью, безысходным отчаянием.

Откуда такие настроения? По-моему, они отражают моральный кризис общества.

О моральном кризисе заговорила «Таймс» в тот самый день, когда в парламенте начиналось обсуждение краха брюссельских переговоров об «Общем рынке».

«Если палата общин хочет добраться сегодня до сути дела,— писала «Таймс» в передовой статье,— она должна признать, что кризис политического и экономического положения Великобритании сводится к моральному кризису. Вопрос о побудительных мотивах никогда не ставился достаточно широко. В любой стране палка и морковка, а то и пуля или бриллиант могут на некоторое время возыметь эффект. Но история показывает, что человеческие общества поднимаются и падают, процветают или гниют в зависимости от того, во что они верят и за что ратует их образ жизни». Какая горечь звучит в этих словах!

Главный редактор консервативной газеты «Ивининг стандарт» М. Поуп пишет: «За последние десять лет произошло крушение старого морального кодекса... Прежний идеал честности и патриотизма выброшен на свалку... Старые идеалы рушатся, а заменить их ничем». Поупу почти дословно вторит психолог Дж. М. Карстерз: «Сейчас общественная мораль представляет собой пустырь, где в беспорядке валяются обломки нарушенных нравственных устоев. Такие понятия, как честь или даже честность, звучат старомодно. Но ничто не заняло их места».

Брожение не миновало церковных кругов. Церковники горячо обсуждают книгу Робинсона, епископа Вулвича,— «Как перед богом». Он поведал, что не верит в бога как индивидуальную субстанцию, не верит в непорочное зачатие и многие другие догматы и предложил их пересмотреть. Вокруг книги разгорелась полемика: противники Робинсона называют ее еретической, однако он нашел и многих единомышленников.

Не осталась неприкосновенной и монархия.

Не так давно разразился громкий скандал, получивший отзвук в парламенте. Кто не видел на фотографиях или в кино гвардейцев в высоченных медвежьих папах, несущих караульную службу у королевских дворцов? Этих дюжих молодцов показывают туристам как одну из самых главных достопримечательностей британской столицы, ее красу и гордость. Гвардейцы и гренадеры, удостоенные чести охранять особ королевской крови, пользовались известными привилегиями; они всегда кичились своим положением и крепко за него держались. Но вот целый взвод Шотландской гвардии «забастовал»: вместо того чтобы отправиться в караульное помещение Виндзорского дворца, солдаты разбрелись по Лондону, где их затем не без труда разыскали бросившиеся вдогонку офицеры.

Этот из ряда вон выходящий случай обсуждался в парламенте, где было даже произнесено неприятное для уха парламентария словечко: «мятеж». Военный министр доложил, что «коллективка» гвардейцев была направлена против жестких правил внутренней службы и против плохого питания. Он сообщил, что не хватает добровольцев и привилегированный полк Шотландской гвардии укомплектован лишь на треть: в 1-м (правофланговом) батальоне вместо 500—600 военнослужащих всего 200 человек. «Забастовщики», которых поддерживала вся рота, отделались легкими дисциплинарными взысканиями; зато были смещены командир батальона и командиры двух рот.

Еще не так давно такой инцидент был бы в английских условиях совершенно немыслимым. Один из ста-

рейших военнослужащих британской армии заявил корреспонденту «Дейли экспресс»: «За 38 лет моей службы я никогда не слышал ни о чем, что было бы даже отдаленно похоже на эту забастовку». В сегодняшней Англии сплошь и рядом происходят вещи, которые были прежде немыслимы.

Возьмите бурные сцены, разыгравшиеся во время посещения Лондона греческой королевской четой. По призыву прогрессивных организаций большая группа лондонцев потребовала освобождения греческих политзаключенных. Гости отправились в театр на шекспировский спектакль в сопровождении королевы Елизаветы и ее супруга принца Филиппа; власти надеялись, что в присутствии королевы лондонцы будут вести себя сдержанно. Не тут-то было. Демонстранты, собравшиеся у подъезда театра, освистали королевский кортеж.

Репортер «Дейли экспресс» сообщал с места происшествия: «Весь раскрасневшийся и дрожащий, министр внутренних дел мистер Брук сказал нам: «Сегодня вечером освистали королеву Англии, и я в бешенстве. Я никогда не думал, что нечто подобное может случиться в Британии, и я даже не знаю, когда в последний раз в нашей стране правящему монарху был оказан такой прием. Любое правительство может ожидать направленных против него демонстраций, но в Британии толпа всегда только приветствовала королеву и королевскую семью».

Хозяева Англии привыкли, что в стране все идет заведенным порядком. Но похоже на то, что бывшему министру Бруку при его темпераменте еще не раз придется дрожать от бешенства.

В английской литературе нередко высказывается утверждение, что британцы по своему национальному характеру — врожденные консерваторы. Так ли это? Как-никак Англия первой осуществила в XVII веке буржуазно-демократическую революцию. Английские рабочие впервые в истории выступили как организованная и боевая пролетарская сила. Нет никаких оснований считать англичан закоренелыми консерваторами.

Все, что происходит сейчас в Англии, говорит скорее о другом: о поисках британским народом новых путей. И недаром в политических салонах Лондона сейчас можно услышать даже из уст весьма консервативных деятелей сакраментальную фразу: «Мы все теперь социалисты».

Крепнут, хоть и медленно, ряды Коммунистической партии Великобритании. Я еще помню дискуссии на тему: не целесообразнее ли коммунистам распустить свою партию и включиться в индивидуальном порядке в лейбористское движение; вряд ли кому-нибудь из английских коммунистов придет сегодня в голову такая идея. Я знал ветеранов партии: Гарри Поллита, ее неутомимого генерального секретаря, Тома Манна, неукротимого организатора забастовок и пламенного трибуна, который зажигал своим словом рабочую аудиторию. («Ты отличный парень, Том!» — кричали ему из публики.) В ненастный осенний день я был на предвыборном собрании в Глазго, на котором выступал Уильям Галлахер, и слышал потом в стенах парламента его меткие реплики, заставлявшие поживаться политических противников. Старая гвардия партии поработала не зря.

Приведу свидетельство буржуазного журнала «Стей-

тист»: он констатирует, что коммунисты «пользуются большим влиянием в различных областях жизни страны».

В тридцатых годах коммунистическая партия имела в рабочем классе поддержку прежде всего среди безработных. Теперь она состоит в основном из промышленных рабочих; это объясняет, почему — несмотря на свою относительную немногочисленность — компартия пользуется растущим влиянием на заводах и в массовых пролетарских организациях.

Не могу отказать себе в удовольствии привести выдержку из отчета «Таймс» о выступлении в палате лордов коммуниста Вогана Филлипса, — он унаследовал после смерти отца титул лорда Милфорда. Репортер писал: «Сотня пэров — их удерживал на месте обычай, требующий добросовестного отношения к оратору, который выступает с речью в первый раз, — слушала со стоическим вниманием. Волнение аудитории выдавал только цвет лица какого-нибудь благородного лорда — из розового оно становилось багровым, да отрывистый смехок, да побелевшие суставы пальцев, сжимавших рукоятку слуховой трубки. Над головой лорда Милфорда хмурились на своих плинтусах и напрягали мускулы закованные в латы воинственные бароны прошлого. Норфолк и Оксфорд, Глостер и Кент играли своими мечами в бессильном бешенстве. В их дни этого бы ничего не случилось». Не правда ли, красочная картина?..

Большой и влиятельной силой стало в Англия движение за мир. Даже в глухих уголках, где вовсе не были в чести демонстрации, происходят массовые марши мира, — люди шествуют по дорогам со знаменами и пла-

катами, проводя в пути митинги, распространяя литературу, собирая средства в фонды мира. Борцы против ядерной войны устраивали «сидячие забастовки» на людных лондонских улицах, бросая вызов силам полиции, законам и самой миссис Грэнди. В «сидячих забастовках» принимали участие знаменитые писатели, артисты, художники, лучшие представители интеллигенции во главе со старым лордом Бертрамом Расселом.

В стране, где всякому движению, не освященному ореолом традиций, приходится утверждать себя с неимоверными трудностями, успехи сторонников мира поистине знаменательны.

Англия стоит сейчас на историческом перевале. Куда она движется?

Неправ, конечно, американец Ачесон, который хоронит ее как великую державу. Она обладает мощным промышленным потенциалом, многовековым опытом в мореплавании и в организации мировой торговли, многосторонними связями со всеми континентами, наконец, самым ценным своим достоянием — талантливым и трудолюбивым народом.

Но найти решение возникших перед нею проблем Англия сможет только на новых путях, идя в ногу с временем.

...Что увижу я в Англии, если мне доведется снова вернуться к «туманным берегам Альбиона», скажем, лет через десять? Не знаю. Но в одном я уверен твердо: в предстоящее десятилетие там произойдут новые перемены, и они будут значительнее и глубже, чем те, свидетелем которых я был в минувшие тридцать лет.





ИНТЕРВЬЮ



ругом раскинулись холмы и горы Северного Уэльса, сквозь яркую весеннюю зелень деревьев проглядывают беспокойные свинцовые воды Атлантики. Мы колесим по кривым, горбатым улочкам местечка Пенриндейрейт — на уэльском языке это означает: «город между двумя водоемами» — и тщетно спра-



шиваем каждого встречного, как проехать к коттеджу Плас-Пенрин, где живет лорд Бертран Рассел. Я думал, что в глухом местечке, расположенном в семи часах автомобильного пути от Лондона, каждый ребенок укажет дом, где уединился от шума и суеты столицы один из величайших англичан современности. Не тут-то было. «Не знаю», «Не знаем», — качают головами прохожие. Наконец какая-то женщина переспрашивает: «Лорд? Да, здесь живет один лорд. Поезжайте назад, вы увидите по левой стороне узкую дорожку. Она приведет вас к самому дому».

Она понятия не имеет о Бертроне Расселе, но знает, что по соседству живет лорд...

Мне вспомнился случай, похожий на анекдот, который произошел с Бертраном Расселом в годы первой мировой войны, когда он выступал на митингах с антивоенными речами. Такие митинги протекали бурно; случалось, что в оратора летели тухлые яйца, а то и камни. Рассела — тогда он еще не был лордом — ничто не останавливало. Однажды его обступила толпа разъяренных женщин, угрожавших ему расправой. Кто-то подошел к полицейскому, бесстрастно наблюдавшему эту сцену. Последовал такой разговор:

— Послушайте, уймите этих баб. Ведь это знаменитый писатель!

— А-а... — невозмутимо протянул полицейский.

— И к тому же это известный философ!

— У-у...

— Наконец, он родной брат лорда!

Тут полицейский ринулся в толпу и спас Бертрана Рассела от избиения.

...Англия, Англия! Сколько перемен произошло в тебе за последние десятилетия, но как много сохранилось и старого!



В начале жизненного пути лорд Бертран Артур Уильям Рассел — потомок старинного аристократического рода и внук премьер-министра Джона Рассела — прославился как выдающийся математик и один из столпов идеалистической философии. Его перу принадлежат такие труды, как «Принципы математики», «Анализ материи», «История западной философии», «Человеческое познание» и десятки других. Он мог бы провести безмятежную жизнь в кабинетной тишине Кембриджа, купаясь в лучах славы. Он мог бы пойти по стопам своего знаменитого деда и занять место в первом ряду политических лидеров буржуазной Англии. Глубокое чувство ответственности перед современниками, мятежный дух, темперамент борца помешали ему пойти проторенными тропами.

За выступления против первой мировой войны блестящего ученого изгнали из Кембриджского университета, подвергли штрафу, бросили на шесть месяцев в Брикстонскую тюрьму. (Когда в тюрьме сказали, что ему придется платить одну крону в неделю за камеру, он осведомился, не высылат ли его, если он не внесет квартирной платы.)

К советской власти лорд Рассел отнесся на первых порах отрицательно: он отвергал диктатуру пролетариата, что было, впрочем, понятно со стороны философа-

идеалиста. Но вот в Европе поднял голову фашизм, и Бертран Рассел посвятил свои силы борьбе с ним. В годы второй мировой войны он без устали выступал по радио и в печати с разящими, отточенными как шпага антифашистскими статьями и памфлетами. Именно тогда он стал властителем дум британской интеллигенции. И для ее блужданий, пожалуй, показательно, что после войны Рассел очутился в стане тех, кто призывал разговаривать с Советским Союзом с позиции силы.

На Бертрана Рассела вновь посыпались награды и почести. Его избрали членом Королевского общества (академии наук). В Стокгольме ему присудили Нобелевскую премию в области литературы. Он получил одну из высших британских правительственных наград — двухцветную, синюю и малиновую, ленту ордена «За заслуги». Почестями и отличиями английская буржуазия приручала и накрепко привязывала к своей колеснице не одного мятежника. Но Рассел остался верен себе.

Когда над миром угрожающе нависла опасность ядерной катастрофы, он нашел в себе и ясность ума и мужество, чтобы заново взглянуть на положение в мире и целиком отдать себя борьбе против атомного и водородного оружия, против войны. И в восьмидесяти-девятилетнем возрасте ученый снова был брошен в тюрьму за «подстрекательство к нарушению спокойствия и порядка» — так квалифицировал британский суд его роль в борьбе против ядерной смерти. Это — недавняя история; в памяти читателя, вероятно, свежи подробности митингов и «сидячих забастовок», проведенных «Комитетом ста» во главе с Бертраном Расселом.

«Таймс», посвятившая в мае 1962 года редакционную статью его 90-летию, писала с полным основанием: «На одного человека, способного усвоить хотя бы в общих чертах его вклад в математическую логику, найдутся десять тысяч, которые носят теперь тот же маленький значок, что и он. Где те общие веса, на которых можно взвесить и «Принципы математики» и «Комитет ста?»»

Сам же 90-летний юбиляр, выступая на устроенном в его честь обеде, говорил с присущим ему юмором: «Запомните, наилучший способ дожить до девяноста лет — это неустанно бороться против ядерной войны».

В напряженные дни карибского кризиса эта борьба привела Рассела к той уникальной роли, которая заслужила ему признание и благодарность мира. Голос из глуши Пенриндейдрейта звучал тогда на весь земной шар: его слышали и в домах простых людей и в кабинетах глав правительств. Зато мало известна листовка, с которой Рассел обратился в те дни к своим соотечественникам, и я приведу ее полностью:

«Вам предстоит умереть не так, как предназначено природой, а в течение ближайших недель. И умрете не только вы один, но и ваша семья, и ваши друзья, и все население Британии вместе с сотнями миллионов безвинных людей повсюду.

Почему?

Потому, что американским богачам не нравится правительство, которое предпочитают кубинцы, и американские богачи не пожалели денег, распространяя ложь на его счет.

Что вы можете сделать?

Вы можете выйти на улицы и площади и провозгласить: «Не уступайте жестоким и безумным убийцам, не воображайте, что ваш долг — умереть, если так велит премьер-министр и президент Соединенных Штатов. Лучше подумайте о долге по отношению к своей семье, своим друзьям, своей стране, к тому миру, в котором вы живете, и к тому будущему миру, который, стоит вам только захотеть, может стать прекрасным, счастливым и свободным».

И помните:

ПОКОРИТЬСЯ — ЗНАЧИТ УМЕРЕТЬ. ТОЛЬКО ПРОТЕСТ
ДАЕТ НАДЕЖДУ НА ЖИЗНЬ».

Это был страстный и бесстрашный призыв, целиком в духе Рассела — мыслителя и мятежника.

В опубликованной недавно брошюре о карибском кризисе Бертран Рассел так излагает свои взгляды на угрозу ядерной войны: «Если бы астрономы открыли, что огромная комета может столкнуться с Землей и уничтожить значительную часть человечества, возникли бы объединенные усилия, чтобы справиться с опасностью. С такой же точки зрения следует рассматривать и ядерную угрозу, — не как повод, чтобы возненавидеть тот или иной народ, а как основание для объединенных усилий против общей опасности».

Бертран Рассел отнюдь не стал коммунистом. Но сегодня он призывает англичан читать прогрессивную газету «Дейли уоркер».

В его образе мыслей и деятельности отразилась сложность и противоречивость нашей эпохи. В посла-

нии, с которым Бертран Рассел обратился недавно к одному журналу, он отмечает, что с годами в нем произошли перемены. Это, конечно, так. Да и какой человек с умом и совестью станет утверждать на склоне лет, что ничего не извлек из жизни и остался таким, каким был в начале пути?..



Сегодня я у Бертрана Рассела в третий раз.

Впервые я был у него тридцать лет назад. Тогда газетного интервью так и не получилось: нас разделяла пропасть. Беседа очень быстро перешла в спор, на том мы и расстались.

Общий язык мы нашли только при второй встрече — в мае 1955 года. Вот как я изложил тогда в своей корреспонденции диалог с Расселом:

«...Меньше всего он старается избегать в разговоре острых углов.

— Англия — небольшая страна, — говорит он, — и вы, конечно, сами можете себе представить, что здесь в состоянии натворить атомные и водородные бомбы. А мне еще всего 83 года, и я хочу жить.

И, глядя мне прямо в глаза, он спросил:

— Вы, конечно, помните, что мои выступления прошлых лет нельзя назвать дружественными по отношению к вашей стране. Что вы на это скажете?

— У нас, — ответил я, — есть пословица: кто старое помянет, тому глаз вон.

— Отлично, — сказал Бертран Рассел и пошел за бутылкой виски и двумя стаканами.

Затем последовал содержательный разговор. Выяснилось, что, хотя мы стоим на разных идейных позициях, нам сегодня нетрудно договориться по вопросам, касающимся войны, мира, борьбы за запрещение атомного и водородного оружия».

Я рад был тогда сообщить нашим читателям, что в борьбе против ядерной угрозы у нас есть такой союзник, как Бертран Рассел...

Интересно, как обернется сегодняшний разговор?



Бертран Рассел встречает меня на пороге своего дома — эту вежливость он неизменно проявлял и в предыдущие наши встречи.

Со дня последней прошло восемь лет, но и в девяносто один год Бертран Рассел не так уж изменился. Только его подвижная фигурка стала как будто еще суше и миниатюрнее да замедлились такие стремительные прежде движения. Держится он по-прежнему прямо, слегка откинув назад голову с орлиным профилем и высоким, очень высоким лбом, обрамленным копной совсем белых волос. Живые, молодые глаза, в которых по-прежнему блещут озорные искорки, пристально разглядывают собеседника. Он говорит:

— Многие изменилось в мире с тех пор, как я в него вступил. Ведь тогда даже телефона не было. Впервые я увидел, как тянули телефонный провод, когда устанавливали телефон, связавший наш дом... с конюшней.

И голос у него не изменился! И говорит он как прежде, словно диктует,— точными, закругленными фразами, с которыми когда-то были так хорошо знакомы радиослушатели. И юмор у него прежний.

— Как я представляю себе будущее? Это зависит от нас самих. Если мы сумеем обеспечить устойчивый мир, я предвижу прекрасное будущее с необычайными научными открытиями и красивыми отношениями между людьми. Надо искоренить самую возможность возникновения войны, чтобы она не могла вспыхнуть даже случайно — из-за недоразумения или технической ошибки. Всеобщее и полное разоружение — вот цель, к которой надо стремиться.

В рабочем кабинете ученого, где мы сидим, стены уставлены книжными полками. На фоне книг выделяются красочными пятнами вазы с цветами. Цветы заглядывают и прямо с клумб в широкое французское окно, они подступают к нему вплотную, точно просятся в эту комнату.

— Я целиком поддерживаю борьбу за мир, которую ведет ваше правительство,— говорит Бертран Рассел. — Не вижу, почему бы капитализму и социализму не существовать бок о бок. Все доводы, которые выдвигаются против идеи мирного сосуществования, противоречат элементарной логике. Разжигать ненависть между Западом и Востоком, как это делают многие в Соединенных Штатах,— самый большой идиотизм на свете.

Да, тридцать лет спустя после несостоявшегося первого интервью мы пришли с лордом Расселом, как выстраются дипломаты, «к широкому кругу единогласия».

— Западная Германия? Она представляет несомненную опасность для мира. Там действуют милитаристы и силен милитаристский дух. Удивительно, до чего властолюбивы немецкие милитаристы — притом не только генералы. Каждый немецкий милитарист — маленький диктатор в зародыше... Вы знаете, что войну против нацистской Германии я поддерживал всеми силами. В этом я был солидарен с Эйнштейном. Нельзя было оставаться нейтральным, пока нацизм с его отвратительными преступлениями не был стерт с лица земли. А сегодня, — Бертран Рассел делает небольшую паузу, — сегодня я боюсь возрождения нацизма.

Он подчеркивает эти слова легким взмахом трубки, которую не выпускает из рук.

— Вы спрашиваете, какие проблемы стоят, по моему мнению, перед Англией? Англия потеряла империю, то же самое случилось, например, и с Голландией. Колониальные империи вообще отжили свой век. Но Англия сохранила свою промышленность, тут ее сила, и эту силу надо развивать. «Общий рынок» — империалистическая затея, продиктованная прежде всего военными соображениями; экономические мотивы играли при рождении этого замысла подчиненную роль. Полагаю, что Англии следует отказаться от ядерного оружия, уйти из НАТО, объявить о своем нейтралитете. Я не стою ни на стороне Запада, ни на стороне Востока; мой девиз: нейтралитет и мир.

От политических проблем разговор переходит к делам житейским. Бертран Рассел рассказывает, что крепко полюбил Уэльс. Люди здесь хорошие, свободные в обращении и более передовые, чем где бы то ни было

на Британских островах. Этот дом — Плас-Ненрин — он снял восемь лет назад, с тех пор и живет здесь с женой и внуками.

— Виды у нас, как вы сами могли убедиться, великолепные. Океан и горы. Конфуций говорил, что люди мудрые любят море, люди добродетельные — горы. Ну, а я люблю и море и горы.

Бертран Рассел заразительно хохочет, закинув назад голову. Какой у него молодой смех!.. А Конфуций, пожалуй, был прав.

Нет, по Лондону мой собеседник не скучает. Телевизора не смотрит, да и радио слушает редко.

— Я человек старомодный, — усмехается он. — Предпочитаю газеты. Хотя наши газеты врут не меньше, чем радио. Хотите свежий пример? Я написал в «Нью-Йорк таймс» письмо против американского вмешательства в дела Южного Вьетнама. Газета напечатала письмо, сопроводив его комментариями, в которых заявила, что мои утверждения не основаны на фактах и я говорю глупости. Тогда я написал новое письмо, в котором привел кучу фактов. Газета напечатала это письмо с сокращениями, опустив факты, и снова объявила: у автора нет фактов!

В Плас-Ненрин приходят письма со всех концов света. Да, пишут и из Советского Союза. Поток писем особенно усилился после карибского кризиса. Разбором почты заняты три секретаря.

— Отвечать приходится на каждое письмо. Если не ответишь, автор может обидеться и, чего доброго, опустит руки, отойдет от борьбы за мир. Впрочем, остается и свободное время. Как я его провожу? Читаю детектив-

ные повести.— Собеседник опять весело хохочет, он в отличном настроении.— Чтение детективов — прекрасный отдых. К слову сказать, в плохом детективе подчас больше жизненной правды, чем в ином серьезном романе...

На прощанье я спрашиваю, что хочет передать советским читателям Бертрам Рассел. Он снова становится серьезным. Подумав, отвечает:

— Передайте: я горячо надеюсь, что советские люди, которые так сильно хотят мира, увидят воплощение своей мечты на всей планете. Передайте мое пожелание успехов вашему замечательному и мощному движению за мир. Я надеюсь, что Советскому Союзу удастся убедить Запад вступить на путь мира!

...Опускаются сумерки. Старый ученый стоит на пороге своего дома в темной рамке двери, вечерний ветер треплет его белые волосы, он вполголоса произносит слова традиционного английского напутствия: «Год блесс ю» — «Да благословит вас бог».



Сам

**О ЗЕЛЁНОМ
ВОРОНЕ**



исатели разных времен и народов нередко выбирали символом героизма какую-нибудь необыкновенную, гордую птицу — орла или ястреба, сокола или буревестника. Для мятежного, иронического и очень народного таланта Шона О'Кейси характерно, что символ храбрости и мужества он увидел в



образе ворона, обыкновенного ворона. Птицы из семейства вороновых не претендуют на то, чтобы подобно орлам блистать в высшем свете пернатого царства или украшать гербы могучих государств. Но они не боятся ни ветра, ни стужи. Истощавшие и иззябшие, они бросают вызов непогоде, зиме, превратностям судьбы. Озорник ворон полон яростной радости жизни и, опьянев от нее, словно в диковинном танце, кружит и кувывается с победным кличем над равнинами и болотами.

Оперение у ворона такое черное, что подчас отлиывает зеленой. В предисловии к сборнику своей великолепной прозы, изданному несколько лет назад в Нью-Йорке, Шон О'Кейси отождествлял себя с зеленым вороном зеленого острова — Ирландии, летящим где-то рядом с белой голубкой Пикассо.

У Шона О'Кейси горьковская биография. Сообщая данные о себе для справочника, он писал: «Образование: на улицах Дублина. Занятие: работал подсобным рабочим на строительстве, подсобным рабочим на постройке железной дороги, чернорабочим...» Потом он опубликовал свои великолепные пьесы: «Тень стрелка», «Юнона и павлин» и другие — и вошел в современную литературу, встав в один ряд с ее корифеями. Еще при жизни он был признан классиком драматургии, и даже давнишние его пьесы снова и снова возвращаются на театральные подмостки Нью-Йорка и Лондона, а проза его звучит в концертном исполнении при переполненных залах.

Его многогранный талант шел рука об руку со смелой мыслью. Целый цикл его пьес, трагических и горь-

ких, но вместе с тем проникнутых мягким юмором и глубоким жизнелюбием, посвящен тем, кто боролся и борется за свободу Ирландии. Его пьеса «Серебряный кубок», написанная и поставленная еще в середине двадцатых годов,— одно из самых сильных литературных выступлений против империалистической войны, какие я знаю. В героической трагедии «Планета становится красной» драматург воплотил свою мечту о победоносном народном восстании против капиталистического строя, строя угнетения и насилия.

Шон О'Кейси по праву называл себя другом Советского Союза. Это — испытанный друг: с первых дней Октябрьской социалистической революции в России он был ее стойким и неизменным поборником.

Естественно, что буржуазная критика встречала в штыки творчество О'Кейси. Сколько злобных, ядовитых статей написано по его адресу! Но храбрый «Зеленый ворон» не давал спуска черному воронью реакции: он любил бой, чувствовал радость боя, и стрелы его уничтожающего сарказма поражали противника наповал.



— От меня остался только голос... один лишь голос,— сказал Шон О'Кейси по телефону, когда я позвонил ему из Лондона в Девоншир за год до его кончины.

И вот я приехал в приморский городок Торки и поднялся в знакомую квартиру на Трамландс-роуд. Да, годы и болезни не щадили О'Кейси. Он похудел еще боль-

ше, еще белее и реже стали его волосы, прибавилось морщин на лице, но и в восемьдесят три года это все тот же неутомимый труженик, смелый борец, увлекательный собеседник и страстный спорщик. Во время спора он склоняет голову набок и весь подается вперед: тогда он действительно становится похож на большую сердитую птицу.

В квартире все осталось по-старому. По-прежнему льется много света в большие окна. По-прежнему глядит со стены гостиной портрет О'Кейси кисти Огастеса Джона, — знаменитый портретист запечатлел писателя в расцвете сил и подарил ему эту картину в день свадьбы. На полках прибавились книги О'Кейси на разных языках; рядом с другими — советские издания. Только как-то пусто стало в этих комнатах: разлетелись птенцы из гнезда «Зеленого ворона». Вдали от родного дома умер старший сын; второй — художник — преподает рисование в средней школе другого города, дочь — стройная девушка с темными волосами и большими синими глазами — мечтает о сценической карьере и учится в театральном институте в Лондоне.

Зато Эйлин О'Кейси, как всегда, рядом с мужем. У нее теперь трое внучат, но она все еще прелестна осенней красотой. В прошлом артистка (ее артистический псевдоним: Элин Кэри), она оставила любимую профессию, чтобы посвятить себя любимому человеку. С тех пор она ему и помощник и друг. Эйлин умеет быть верным другом: когда умирал Бернард Шоу, она сидела у его постели до последнего часа, напевая ему народные ирландские песни, которые он так любил.

— Я рад, что дожил до того времени, когда Совет-

ский Союз стал самой сильной державой в мире, — с места в карьер начинает Шон О'Кейси. — Сегодня это признают даже ваши враги. Хочешь, расскажу тебе забавную историю? Я получил письмо — от кого бы ты думал? — от ассоциации акционеров бывшей компании «Лена-голдфилдс», имевшей когда-то концессию на золотые прииски по реке Лене в Сибири. Они писали, что согласны сменить гнев против вас на милость, но просят меня, как друга Советского Союза, походатайствовать перед вашим правительством о сущем пустяке: не согласится ли оно выплатить им некую сумму — что-то около шестисот миллионов рублей?

О'Кейси смеется. Лицо его принимает задорное, совсем мальчишеское выражение.

— Знаешь, что я ответил? Я спросил, не согласится ли эти золотопромышленники прислать мне слиток золота, — он бы мне пригодился. Ведь это мое требование столь же мотивировано и столь же реально, как и их претензии к Советскому правительству.

Старый ирландец рассказывает о родной стране. Ирландия, управляемая людьми, которые участвовали в свое время в национально-освободительном движении, но с тех пор ушли далеко вправо, — его любовь и его боль. С восторгом произносит он имена Джима Ларкина, Чарльза Парнелла, Майкла Девита и других ирландских революционеров прошлого, хоть и не закрывает глаза на их промахи и ошибки.

— Мы, ирландцы, — говорит он, — очень близки русским по складу характера: душа у нас такая же широкая, мы добродушны, мы любим и понимаем юмор. и приличия и условности нам так же безразличны, как

и вам. Право, у нас куда больше общего с русскими, чем с англичанами, хоть и они хороший народ. Надеюсь, что между Советским Союзом и Ирландией скоро установятся нормальные дипломатические отношения.

Шон О'Кейси выпускает клуб дыма из своей неизменной трубки.

— Самое важное сейчас — избежать войны. Какие блистательные горизонты откроются тогда перед человечеством! Войны преследовали меня всю жизнь. В каждой из них я терял родных или друзей. В англо-бурскую войну погиб мой любимый брат. В первую мировую войну народ Ирландии испытал немало тягот. В годы второй мировой войны — мы тогда жили неподалеку отсюда, в городе Тотнесе, — на нас падали бомбы. Об этом тебе может порассказать Эйлин, — она тогда научилась бойко тушить «зажигалки».

Эйлин улыбается... Разговор переходит к литературным трудам О'Кейси.

— Ты спрашиваешь, какую из своих пьес я люблю больше всего? Ту, которую еще пишу. — Подумав, собеседник добавляет: — Пожалуй, я все-таки люблю больше других «Серебряный кубок» и «Дайте мне красные розы».

У Шона О'Кейси — трагедия, близкая трагедии Бетховена. Тот сочинял музыку, лишившись слуха. О'Кейси пишет, почти лишившись зрения. Одним глазом он не видит совсем, другим различает буквы, лишь почти вплотную поднеся к нему текст. Диктовать он не привык; приходится отстукивать текст на машинке по слепому методу, а правка рукописи стала долгим и тяжелым занятием.

Труд полуслепого О'Кейси — каждодневный подвиг. Пестигаемый дух писателя и борца торжествует над немощью и болезнями.

Последняя книга О'Кейси вызвала полемику и в Лондоне и в Нью-Йорке. Это книга литературных очерков, в которой автор дает отповедь современным смертяшкиным, проповедующим бесцельность человеческого существования и благость смерти.

— Я не понимаю писателей и поэтов, которые с упоением пишут о смерти и копаются в своих мрачных настроениях, — бросает О'Кейси. — Это — фальшивая нота в литературе наших дней. Жизнь удивительно прекрасна, и так хочется жить!

Книга, о которой идет речь, носит заглавие «Под пестрой тибетейкой». Вот и сейчас на голове моего собеседника красуется пестрая, красная с белым, тибетейка. Туркменская, — определяю я.

— У меня их целая коллекция, — улыбается О'Кейси. — Есть узбекская, афганская, индийские. Они мне хорошо послужили в эту холодную зиму. А когда я вдобавок надевал красный халат, который прислала в подарок из Лондона моя дочь Шивоон, у меня, право, бывал очень живописный вид.

Время течет быстро, пора на поезд. Я спрашиваю, что передать советским читателям.

— Передай им, — голос Шона О'Кейси крепнет, становится пропикновенным, даже торжественным, — передай им: друзья, с тех пор, как в тысяча девятьсот семнадцатом году я впервые услышал о вашей революции и о Ленине, мое сердце принадлежит вам. Я коммунист душой и горжусь этим. Покоряйте вершины науки!

Искореняйте болезни, уничтожайте все, что мешает людям жить. — Помедлив, он добавляет со своей мальчишеской улыбкой: — Ну, а в заключение я скажу то, что непременно думает, хоть и не всегда произносит вслух, каждый писатель: друзья, читайте мои книги!



Сейчас подготавливается к печати сборник писем О'Кейси. С таким же интересом к своим современникам и такой же душевной чуткостью, какими отличался Горький, О'Кейси отвечал и читателю, поделившемуся мыслями о прочитанной книге, и актеру, играющему на сцене одного из его героев, и молодому литератору, приславшему рукопись. Он любил их всех и щедро дарил искры своего таланта: его письма — своего рода литературные шедевры.

Не могу не поделиться некоторыми из его писем последних лет: они дают живое представление об авторе.

9 октября 1956 г.

Мой дорогой Борис!

Замечательно было получить от тебя письмо, — вот ты и снова очутился рядом с нами. Мы часто думали о тебе и гадали, как ты живешь-можешь. Мы всегда вспоминаем о тебе с любовью: ведь когда ты гостил здесь, ты проложил себе дорогу к нашим ирландским сердцам.

Очень приятно было узнать, что моя автобиография

скоро выйдет на вашем русском языке,— это для меня большая честь и радость, хоть я и сочувствую тому или той, кто делал перевод. Ирландские обороты речи в дополнение к оборотам речи О'Кейси не так-то легко переносить с одного языка в другой,— я думаю, еще труднее, чем переводить Дж. Б. Шоу, по ком мы так горюем.

Что касается пьесы «Планета становится красной», меня не удивляет, что ее нет у вас в библиотеках,— не думаю, чтобы ее можно было найти и в какой-либо из наших библиотек. Из-за нее многие стали смотреть на меня косо, а многие и вовсе отвернулись, обнаружив «прискорбные политические взгляды О'Кейси». Она была распродана много лет назад, но теперь включена в мое Собрание сочинений, и я посылаю тебе том, который ее содержит, а также экземпляр «Зеленого ворона», изданного недавно в Нью-Йорке. «Планета становится красной» была написана за несколько лет до последней мировой войны и не особенно нравилась издателям. В Лондоне ее поставил театр Юнити; постановка получилась хорошей, режиссером был очень способный парень. Но потом он разошелся во взглядах с руководителями театра — ему претил их догматизм — и совсем отошел от нашего движения; признаться, мне трудно его винить. Помню, как в свое время меня в Тотнесе посетила группа плимутских коммунистов; в ходе беседы выяснилось, что только один из них читал Диккенса, и его обвинили в том, что он — «буржуа». Я сказал им все, что думал о них и о Диккенсе; боюсь, что я немного испортил им настроение.

Я отметил некоторые эпизоды пьесы, которые, по-моему, могут показаться скучными. Третья сцена, пожалуй, лучше всех. Заодно я посылаю фотографию, которую те-

бе, может быть, приятно будет получить в знак нашей дружбы.

Было бы чудесно, дорогой Борис, если бы я мог посетить вашу великую страну, но я уже слишком стар для такого путешествия. Я был очень болен и все еще борюсь с послеоперационной инфекцией, но мне теперь лучше, и во мне горит более яркий огонь, чем то яростное пламя, которое жгло меня в дни молодости. Надеюсь, что когда-нибудь юное поколение нашей семьи побывает в Советском Союзе, — их отец выступал за него с самого 1917 года, когда он присоединил свой тогда еще молодой голос к призыву: «Руки прочь от России!»

Найал и Шивоон, которых ты видел, и наш старший мальчик Бреон, которого ты не знаешь, так же как Эйлин и я, шлем сердечный привет тебе, дорогой Борис, всем вашим писателям и всему великому народу нашей великой страны!

Всегда твой

Шон О'Кейси.

Последующие годы были для семьи О'Кейси трудными. Смерть старшего сына, недомогания самого Шона, материальные заботы — все эти испытания посетили небольшую квартиру на Трамландс-роуд в Торки. Но огонь в душе старого писателя горел все так же неугасимо и ярко.

2 мая 1960 г.

Дорогой Борис!

Большое спасибо за твое милое письмо. Ты чертовски мало пишешь о себе самом, — точнее, ничего. Жена и я

часто вспоминаем о тебе с привязанностью. И так и вижу, как Вы с Эйлин бежите через Портовую улицу в городской аквариум, чтобы полюбоваться на лягушек, тритонов и рыб, пойманных на нашем побережье, в то время как я жду в машине, довольствуясь блеском разноцветных огней, сверкающих вдоль улицы.

Паверно, в Москве весна уже плетет хоровод, и любимые березы Чехова начали одевать свой нежный наряд из лиственных кружев. Весна пришла и к нам, но она холодная, с ледяным дыханием, злыми ветрами и резкими заморозками после захода солнца, — так что вишни в цвету дрожат и опадают.

Ну, Борис, мир пришел в движение, молодежь Южной Кореи свалила кровавого владыку Ли Сын Мана, а молодые турки снова вышли на улицу. Никакой силе не сдержать народы. Да и у нас наконец рабочие начинают сводить счета с атомными бомбами. Мы идем вперед!

Эйлин шлет тебе сердечный привет, и я тоже.

Всегда твой

Шон.

Не так давно я получил в Москве обращение от составителей сборника писем Шона О'Кейси. Подготовка этого многотомного издания подвигается успешно. Уже собрано две с половиной тысячи писем. Составители сборника просили прислать копии тех, которые он адресовал мне.

Я, разумеется, так и поступил. Но прошло немного времени — и вот уже ко мне на стол легли новые его

послания. Приведу одно из них — оно написано на другой день после нашей последней встречи в Торки и застало меня еще в Лондоне:

Мой дорогой Борис!

6 мая 1963 г.

Вот было здорово повидать тебя и поговорить с тобой снова, но так печально, что ты не мог задержаться подольше; ведь когда тебе пришлось распрощаться, наша беседа, по существу, еще только начиналась и многое осталось недосказанным; а я-то знаю, что в 83-го года надо остерегаться откладывать что-либо на будущее: ведь этого будущего можно и не увидеть. Все равно, хорошо было поболтать даже немного, а для меня — возобновить дружбу с одним из сыновей Советского Союза...

В разговоре мы коснулись старых зданий Лондона, и мне бы хотелось поговорить побольше о старых зданиях, о новых стилях и о тех, которые принесет будущее. Меня не особенно привлекают старые здания сами по себе, хотя иногда может увлечь связанная с иным из них история. Я люблю здания современные, в частности те, которые создал великий Корбюзье, архитектор, мечтавший о том, что ему предложат представить проект и построить Дворец Советов. Такой возможности он не получил, а жаль; я уверен, это было бы великолепным сооружением. Я не поклонник древнегреческого и древнеримского стиля и, подобно Уитмену, возлагаю все надежды на новые стили, приспособленные к новой жизни — в век космоса, автомобиля, самолета и новых жилищ с их последними усовершенствованиями. Впрочем, я не понимаю и не люблю по-

вой манеры в живописи или в музыке, хоть мы и не можем вечно подражать Гайдну и Моцарту.

Всякого успеха твоей комедии! Нам всем не мешает иногда посмеяться, и я опасаясь, что советские писатели склонны относиться к себе самим и к своим писаниям чертовски серьезно. В жизни столько же комедии, сколько и трагедии. Комическое зерно есть почти во всем; порой комического больше всего в самых серьезных вещах,— я убеждался в этом очень часто. Вот почему в моих серьезных пьесах столько комедийного и почему даже почти каждая статья должна давать возможность посмеяться хоть разок.

Да, снова повидать тебя было большим удовольствием.

Благословляю тебя!

Как и всегда,

твоей Шон.

Тысячи таких писем Шона О'Кейси разошлись по всему миру. Тысячи! И каждое из них написал человек, для которого самый процесс изложения мыслей на бумаге был мучительно трудным...



Я уезжаю из Торки, поезд идет вдоль пляжа, то и дело ныряя в туннели. Купальный сезон еще не начался, на пляже — ни души. Только высятся красные скалы,— они сторожат пустующие купальные кабинки и

свежевыкрашенные яркими красками лодки. Но вот поезд вырывается на простор, перед нами раскинулась долина реки Тейн. С резким и мятежным криком проносится над нами ворон. Его иссиня-черное оперение мелькает в вечернем небе, и на миг мне чудится, что он зеленый... Сияет солнце, сверкает морская даль.

Прощай, зеленый ворон, храбрая жизнелюбивая птица!



Ветеринар

В СТАРОМ



Грэма Грина высокая, худощавая, чуть сутулая фигура и очень выразительное лицо. Говорит он с мягким юмором, любит шутку, у него тонкая, немного скептическая улыбка и заразительный смех. Он никогда не избегает прямого ответа на прямой вопрос; если вопрос не из легких, он морщит лоб.



и брови у него ползут вверх, придавая лицу немного удивленное выражение.

Живет он в самом центре Лондона, на улице Пиккадилли, в трех минутах ходьбы от площади Пиккадилли, в старинном и очень английском доме. Собственно говоря, это даже не дом, а целый переулок, и, как всякий переулок, он имеет свое название: Олбэни. Вы поднимаетесь по ступенькам в переднюю, пересекаете холл, проходите мимо мраморного бюста Байрона в длинную-предлинную открытую галерею, по обе стороны которой тянется четырехэтажное здание XVIII века, разделенное на секторы. Здесь жили многие знаменитости, в их числе — Байрон. В то время квартиры в этом доме сдавались только холостякам; женщинам доступ сюда был строго запрещен. Знатная дама, любившая Байрона, приходила сюда, переодетая мальчишкой-посыльным. С тех пор этот дом не раз подвергался коренной перестройке, он отвечает всем требованиям комфорта наших дней. Изменились и порядки: секретарша Грина безбоязненно приходит работать к нему на квартиру, и я подозреваю, что, когда у него бывают гости, дамам не надо устраивать комедий с переодеваниями.

Найти этот необыкновенный дом не так-то просто: в Лондоне целых три улицы Олбэни, они обозначены на всех картах британской столицы, тогда как дома-переулка, выходящего на Пиккадилли, на картах нет (англичане любят такую разновидность игры в прятки). Кругом гудит шумный город, но здесь царит удивительная тишина: «словно дом занесло снегом», — писал Грин в «Нашем человеке в Гаване» (в романе он посе-

лил в Олбэни шефа британской разведки — того самого, чьей бурной фантазии мог бы позавидовать любой писатель).

Мы сидим в просторной комнате, стены которой заставлены полками с книгами и увешаны картинами. Это — кабинет; впрочем, Грин в кабинете не работает: он пишет в соседней спальне, половину которой занимает квадратная кровать необъятных размеров и где против окна, выходящего на галерею, стоит простой стол без ящиков. Как и во многих английских домах, в этой квартире два этажа; комната, где работает секретарша, наверху. Взрослый сын Грина живет отдельно от отца.

Работать в Лондоне Грэму Грину нелегко в силу тех же причин, которые порой гонят московского литератора куда-нибудь в Тарусу или в дом творчества; в последние годы Грин предпочитает работать в Париже, где и проводит значительную часть своего времени. Вот и сейчас он только что вернулся оттуда.

— Главная моя черта — любопытство, — говорит Грин. — У меня огромное любопытство ко всему. Абсолютно ко всему на свете.

Но скорее всего это — не простое любопытство, а жадный интерес к жизни, к бурным событиям нашего времени, интерес, который заставляет его так много путешествовать, который потянул его в охваченный войной за независимость Индокитай и в беспокойную Гавану накануне ее освобождения. Помимо больших тем, он увидел там множество острых сюжетных линий — находок для писателя его толка, умеющего так

мастерски развивать сюжет. Часть этих находок уже попала в его романы, другие он держит «про запас».

Вот, например, история его знакомства с кубинским революционером Армандо Хартом. Они познакомились на частной квартире в мрачные дни диктатуры кровавого Батисты, сразу после того, как Харт совершил смелый побег из здания суда, куда его привели из тюрьмы под конвоем, чтобы судить и осудить. Юрист по профессии, Харт знал в здании суда все ходы и выходы; он бежал через окно уборной, выходившее в проходной двор. Когда его познакомили с Гринном, Харт красил волосы, чтобы улизнуть от вездесущих шпиков Батисты. А недавно Грин получил официальное приглашение — посетить Остров Свободы; пригласил его министр просвещения Республики Кубы Армандо Харт!

Ну чем не сюжет для нового интересного рассказа? Сидя в старом Олбэни, таких сюжетов не придумаешь.



Я вспоминаю, с чего началось мое знакомство с Гринном, точнее — с его творчеством. Лет десять назад я беседовал в Лондоне с лордом Листоуэлом, лейбористским политическим деятелем, ученым и литератором. Я попросил его назвать современную английскую пьесу и роман, которые, по его мнению, заслуживали бы перевода на русский язык. Лорд Листоуэл задумался, сказал, что поговорит с друзьями и ответит письмом. «Я посоветовался с несколькими друзьями

насчет пьесы и романа, которые подошли бы для перевода на русский, — написал он мне через несколько дней. — Общее мнение сводится к тому, что у нас нет ни одного живущего драматурга, чьи пьесы стоило бы переводить; а самый значительный и широко читаемый роман — это «Суть дела» Грэма Грина».

Должен сознаться: имя Грэма Грина мне тогда мало что говорило. Я знал только, что он считается католическим писателем; два или три его ранних романа, прочитанных перед войной, не дали мне о нем ясного представления.

Мне сказали, что в «Суте дела» поставлены вопросы морали. Вопросы морали, поднимаемые писателем-католиком? С некоторым недоверием взял я в руки роман, но уже через несколько страниц увлекся этой хватающей за сердце, горькой книгой. Писатель делится в ней мучительными раздумьями о жизни; по существу, он спорит в ней с католической религией и ее догматами. И может быть, главное: писатель говорит об ответственности каждого человека за все, что творится кругом.

Я вернулся тогда в Москву, решив, что знакомство советского читателя с творчеством Грина должно начаться с «Суте дела». Получилось иначе. Несколько месяцев спустя вышел «Тихий американец»; действие этого остролюбодневного романа разворачивается на фоне войны в Индокитае; Грин был ее свидетелем. «Непавижу войну», — говорит главный герой книги. Запала в память фраза: «Рано или поздно человеку приходится стать на чью-нибудь сторону. Если он хочет остаться человеком». Мне тогда же показалось, что

фразу эту автор относит и к самому себе. Кажется, я не ошибся.

Вместе с Е. М. Голышевой мы перевели «Тихого американца», потом — африканские путевые записки Грина «Путешествие без карты», его новый роман «Наш человек в Гаване» и лишь после этого — «Суть дела».

С автором этих произведений я познакомился и подружился во время его приездов в Советский Союз. И вот я у него в Лондоне.



Мы отправляемся обедать в один из ресторанов на площади Пиккадилли. Грин тщательно выбирает блюда, заказывает бутылку старого французского вина. Недели две назад пятидесятидевятилетнего писателя впервые посетил приступ подагры; боль в руках не позволяет работать. Врач советовал воздержаться от вина.

— Я не пил две недели, но подагра не исчезла. Попробую поступить наоборот, — может быть, станет легче, — говорит Грин.

Он любит жизнь во всех ее проявлениях, и чувство юмора ему никогда не изменяет.

После обеда мы возвращаемся в Олбэни. В передней мне бросается в глаза картина, которая с точки зрения правоверного католика, несомненно, должна выглядеть богохульством: на ней изображена паперть католической церкви; прихожанки расходятся после богослужения, ведя между собой чинную беседу. Но художник сорвал с них одежды, и они обнажены; получилась злая

сатира в стиле Георга Гросса, прославившегося в двадцатых годах в Германии (интерес к нему снова возродился сейчас за рубежом).

— Вас эта картина не шокирует? — спрашиваю я хозяина.

— Нет, — отвечает он с тонкой улыбкой. — Она мне кажется забавной. Ну, а на худой конец духовник отпустит мне и этот грех.

Страшный католик! Мне вспоминается, как при первом знакомстве в ответ на мой вопрос — действительно ли он верит в ад? — Грин сказал: «Нужен какой-то ад хотя бы для Гитлера. Ведь вы же не можете допустить, чтобы он попал в рай?» Это было сказано все с той же тонкой улыбкой; каюсь, я так и не понял, говорилось ли это всерьез.

— Многие считают меня плохим католиком, — замечает Грин, словно угадав мои мысли. — Некоторые мои книги вызывали разногласия в католических кругах. Английские католики как-то раз даже потребовали изъять из обращения один из моих романов. Что касается меня, я полагаю, что споры всегда полезны. Без них застенчивость можно.

— Что вы думаете о международных делах? — спрашиваю я.

— Я оптимист, — убежденно говорит мой собеседник, — я не верю в возможность новой всеобщей войны, тем более войны ядерной. — И повторяет: — Я оптимист.

Грин делится новостью: его только что избрали почетным членом Академии искусств США. Американский посол в Лондоне лично вручил ему соответствующую грамоту.

— Позвольте,— недоумеваю я,— власти США вас, кажется, не жаловали. Если не ошибаюсь, они даже многие годы отказывали вам во въездной визе?

— Как же,— кивает головой Грин,— один раз, когда я должен был совершить транзитный перелет через американскую территорию, не покидая машины, меня даже сняли с самолета и вернули в порт отправления. Так что мое избрание в американскую Академию искусств было для меня полной неожиданностью.

— Никогда не знаешь, что выкинут эти «тихие» американцы,— говорю я.

Грин смеется. Разговор переходит на его последние путешествия. Недавно он побывал в Германской Демократической Республике, в Румынии.

Путешествие в ГДР Грин совершил по предложению западногерманского еженедельника «Ди цейт», взявшегося оплатить расходы по поездке: как видно, редакция журнала рассчитывала, что знаменитый католический писатель присоединит свой голос к хору хулителей ГДР,— и ошиблась. Когда Грин изложил свои впечатления от поездки в виде «Письма к западногерманскому другу», «Ди цейт» письма так и не напечатал.

Грин вспоминает свою предыдущую поездку в ГДР три года назад. Сейчас ему бросились в глаза перемены: целые улицы новых домов, магазины, в которых постоянно толпятся покупатели, наконец, люди, убежденные в правоте своего дела. Пусть в Западном Берлине и в Западной Германии гостиницы и рестораны роскошнее, а в магазинах больший выбор товаров,— в ГДР все яснее, чище.

— В Западной Германии сохранилось много милитаристов. Это очень опасные люди. Там даже как-то неловко задать собеседнику вопрос о его прошлом: слишком часто оно связано с нацизмом. В ГДР все иначе. Я познакомился и подружился там с четырьмя людьми, — все они оказались в прошлом активными антифашистами и были при гитлеровском режиме в эмиграции; двое из них старые коммунисты, один воевал добровольцем на стороне республиканской Испании. Нет, там мне не нужно было избегать расспросов о прошлом моих собеседников.

Грин посетил Дрезден. Его поразили разрушения от налета англо-американской авиации незадолго до конца войны, когда такой налет уже не вызывался военной необходимостью.

— Подумайте, — взволнованно говорит он, — за сутки было убито сто тридцать две тысячи мирных жителей. Вот вам убедительное доказательство, что ликвидировать надо не только ядерное оружие, но и оружие, которое называют «обычным». Разоружение должно быть полным и всеобщим.

Восторженно рассказывает Грин о поездке в Румынию. Он побывал в Бухаресте, отдыхал на черноморском побережье, отправился на машине к отрогам Карпат. Без предупреждения заезжал в попутные деревни. Повсюду он видел веселых людей, довольных своей участью.

— Мне нетрудно понять некоторые стороны социализма, например его экономическую сторону, — задумчиво произносит Грин.

Да, приглядываясь с жадным интересом к кипучей действительности наших дней, он не перестает делать для себя какие-то открытия.

Я слушаю Грина, и в памяти моей снова и снова всплывают его слова о том, что нельзя быть сторонним наблюдателем жизни. Если хочешь остаться человеком...



оображению надлежало бы нарисовать, так сказать, типичный образ писателя — за письменным столом, с пером в руке или за пишущей машинкой, со взором, устремленным туда, куда положено устремляться писательскому взору: в неведомую даль или, наоборот, в себя. Но когда я думаю о Джеймсе

КНИЖНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Джеймс



Олдридже, он возникает у меня в памяти иначе: я вижу бурное море, набегающие волны и пловца, который уверенно рассекает их сильными взмахами загорелых, мускулистых рук. Он плывет своим любимым стилем — кролем, и его голова с гривой светлых волос, выцветших на южном солнце почти добела, то появляется, то исчезает в волнах. Море шумит тревожно и враждебно, низко нависли хмурые тучи, вдалеке слышатся глухие раскаты грома, а человек плывет против течения, уверенно стремясь к цели...

Друзья Джеймса Олдриджа знают такой эпизод из его жизни. Года три назад он неожиданно заболел: его температурило, а боли в боку были такие, что он не мог держаться прямо и ходил сутулясь. Приглашали врачей, устраивали консилиумы, делали рентгеновские снимки. «Папа, ты умрешь?» — спрашивал пятилетний сын Томми. Врачи определили — правда, не очень уверенно — тяжкую, неизлечимую болезнь. «Глупости! — сказал Олдридж. — Я знаю свой организм. Это случайное недомогание». Он ни в чем не изменил распорядка жизни, привычек, продолжал работать. Только совсем перестал обращаться к врачам. И оказался прав. Боли прошли, симптомы болезни исчезли бесследно, сейчас он здоров и бодр.

Я рассказал этот случай не для того, чтобы подорвать у читателя доверие к медицине, просто в этом эпизоде весь Олдридж. Другой бы на его месте, узнав о приговоре врачей, упал духом, бросил работать, перешел на положение тяжелобольного — и, без устали глотая лекарства, чего доброго, действительно отправился бы к праотцам. Олдридж не таков.

Это человек негибасмого упорства, железной воли, не знающий страха. Босц.

Еще подростком Джеймс Олдридж повстречал в Австралии пожилого рабочего, коммуниста Чарльза Клиффорда, о котором вспоминает до сих пор с большой теплотой и глубоким уважением. «Если в жизни своей ты хоть одному человеку помог стать коммунистом, значит, ты прожил жизнь не зря», — любил повторять Клиффорд.

— Подумай, как велика ответственность писателя; своими книгами он может указать путь прогресса не одному, а многим! — говорит Олдридж.

У австралийцев прочно установилась в Англии репутация воителей, людей бесстрашных и даже отчаянных. Часто указывают на их пристрастие к водному спорту, весьма опасному в австралийских условиях: воды Австралии кишат акулами, они нападают на пловцов, по любителей спорта и моря это не останавливает. Джеймс Олдридж — австралиец до мозга костей; недаром водный спорт — и его страсть.

Внешне он очень похож на тех героев своих произведений, которые особенно полюбили советскому читателю. Помню первое наше знакомство почти десять лет назад: приехав в Лондон, я позвонил ему по телефону, и мы условились встретиться под колоннадой Британского музея. Только повесив трубку, я сообразил, что могу его и не узнать: никогда до этого я Олдриджа не видел и фотографий его в то время мне на глаза еще не попадалось. Но я положился на интуицию, и она меня не обманула. В назначенный час под массивными колоннами, поддерживающими высокий фронтон, пока-

зался светловолосый человек без шляпы, в короткой рыбацкой куртке, с открытым взглядом голубых глаз, с лицом мечтателя и фигурой боксера: таким я представлял себе и Айвора Мак-Грегора из «Дипломата», и Роя Мак-Нэйра из «Охотника». Я окликнул Джеймса Олдриджа — и не ошибся.



Он писатель по призванию; писать для него — потребность. Когда у него рождается замысел, он не знает покоя, пока замысел не воплотится в рукопись, а там и в книгу. Замыслов же у Олдриджа полна голова. Он живет как бы в двух мирах: в мире реальном и в мире своих книг — написанных и еще не написанных, — среди своих героев. Впрочем, каждый из этих героев имеет свой прототип в реальном мире.

Работа над новым произведением захватывает его целиком. Он весь поглощен ею и, когда не пишет, думает о том, что предстоит написать. Ему трудно переключаться на постороннее дело, требующее затраты душевных сил, будь это даже небольшое выступление на митинге; в таких случаях он выбивается из рабочей колеи порой на целую неделю.

«Я работаю сейчас так много, что у меня даже времени нет подумать о чем-нибудь другом», — пишет он в одном из своих писем ко мне (февраль 1959 года). «Что касается работы, я как конторщик в банке: отрабатываю положенные часы, а иногда — день и ночь, не переставая, и вот так без конца. Моя книга расска-

зов находится в печати, ее выход задержался из-за забастовки типографских рабочих прошедшим летом, и она появится не раньше января или февраля. Роман почти окончен, и я уже начал настраивать себя на правку всей рукописи; ну, это не так уже трудно» (ноябрь того же года). «Рассказы были отрецензированы широко, притом вполне благосклонно. Я доволен, — ведь четыре из них направлены против войны; у нас складывается все более и более сочувственное отношение к тем, кто постоянно высказывался против политики войны. Роман без пяти минут готов, и, наверно, когда он будет окончен, я не поверю в это чудо и автоматически буду писать дальше» (январь 1960 года). «Хочешь верь, хочешь нет — я снова работаю вовсю, и летний отдых кажется мне прекрасным сном» (ноябрь того же года).

Джеймс Олдридж с легкостью переносит место действия своих романов из одной страны в другую, с одного континента на другой. Для него это не сложно: ведь он — неутомимый странник и путешествовал в своей жизни, вероятно, больше остальных английских писателей — за исключением, пожалуй, Грэма Грина. В детстве он ставил силки на кроликов в австралийских джунглях; потом перебрался в Англию: в годы второй мировой войны был военным корреспондентом в Норвегии, Греции, Египте, Иране и, наконец, в Советском Союзе; после войны побывал в Канаде, во многих странах европейского Запада и Востока, неоднократно возвращался в СССР, посетил Китай. Странствия раздвинули рамки его книг.

— Знаешь, почему я завидую советским писателям? — сказал он мне однажды. — Не только потому, что вы живете в новом мире, но и потому, что страна у вас такая огромная. Подумать только, — у вас есть сибирская тайга и степи Украины, горы Кавказа и арктическая тундра, могучие реки и песчаные пустыни! А сколько у вас еще малоисследованных уголков! И сколько повсюду тем! Бог мой, сколько тем!

Олдридж ставит в своих книгах самые жгучие проблемы современности. Но он не решает их походя за своих героев. Скорее он предпочитает подвести своего героя к пониманию того, что эти проблемы назрели и нуждаются в разрешении. Кульминационная точка рассказа или романа для него — момент, когда герой это понял; и тут он с ним чаще всего расстается. Но читатель верит, что ответы на «проклятые вопросы» будут найдены.

В своем писательском труде, как и в личной жизни, Олдридж не знает компромиссов. Возьмите хотя бы его отношение к Голливуду.

Контракт с голливудской фирмой для большинства писателей на Западе — предел мечтаний: он сулит славу, а главное — большие деньги, следовательно — обеспеченность и независимость на несколько лет вперед. Только одного требует Голливуд взамен от писателя: полного отказа от своего детища. Вещь может быть изуродована до неузнаваемости, она может приобрести совсем иной смысл, нередко диаметрально противоположный тому, какой вложил в него автор, положительные герои могут стать отрицательными и наоборот, — писатель не имеет права возмущаться. Что греха таить,

многие вполне уважаемые литераторы не могут устоять перед искушением и идут на подобные сделки. Постепенно у западной интеллигенции сложился некий циничный взгляд на них.

— Голливуд есть Голливуд,— сказал мне однажды писатель с мировым именем.— Никто не ждет от него правды.

— Но ваше имя...— заикнулся было я.— Разве вам безразлично, что оно украсит кинострипню, в которой не останется и следа от первоначального замысла, больше того, в которой ваш замысел, возможно, окажется извращенным?

— Ерунда,— отмахнулся собеседник.— Каждый поймет, что я пошел на это исключительно ради денег. Поймет и скажет себе: я бы поступил точно так же.

Такой взгляд вполне устраивает заправил Голливуда.

Получал из Голливуда предложения об экранизации таких своих романов, как «Дипломат», «Охотник», и Джеймс Олдридж; разумеется, предполагалось, что автор не сможет повлиять на содержание фильма. Но как ни нуждается Олдридж в деньгах, он отвечал отказом. И не мог иначе.

Нет ничего удивительного, что писателю такого склада живется на Западе нелегко. Те, от кого зависят реклама, тиражи, гонорары — словом, участь писателя, предпочитают литераторов другого сорта — покладистых и беспринципных. Жизнь строптивого писателя превращается в каждодневную борьбу — трудную и изнурительную.



Многим советским литераторам, побывавшим в Англии, знакома старая квартира Олдриджа в доме № 23 на Куинсгейт террас; она находилась на пятом этаже, а лифта в доме не было. Несчетное число раз поднимались по этой крутой лестнице Джеймс и его жена Дина; особенно доставалось Джеймсу, когда сыновья — Уильям и Томас — были еще маленькими и их приходилось выносить на прогулку; нелегко приходилось и Дине, когда она возвращалась домой с покупками. Не было бы счастья, да несчастье помогло: как это теперь часто случается в Лондоне, домовладелец аннулировал контракт и предложил очистить квартиру, собираясь содрать побольше с новых жильцов. Олдриджи мобилизовали все ресурсы, влезли в долги и купили домик в рабочем районе Баттерси, на южном берегу Темзы.

Я побывал в их новом жилище. Улица, где они сейчас живут, состоит из однотипных кирпичных домиков, построенных еще в Викторианскую эпоху и предназначенных для «мастеровых», то есть для квалифицированных рабочих. Снаружи домик Олдриджей, прокопченный «смогом», выглядит довольно мрачно, но жить в нем удобно и уютно. Джеймс многое оборудовал внутри собственными руками — от книжных полок до всевозможных кухонных приспособлений. У него золотые руки: они умеют сколотить письменный стол и построить лодку, смастерить хитроумный силек для птиц и детскую игрушку, управлять парусом яхты и штурвалом самолета. А какими нежными становились эти

большие мужские руки, когда он купал маленького Томми! Удивительные руки...

В доме царит Дина, похожая на принцессу со стеной росписи в гробнице какого-нибудь фараона. Годы и невзгоды проходят, не оставляя следа на ее прекрасном смуглом лице,— на первый взгляд кажется, что добрую половину его занимают огромные, черные как сама ночь, бездонные глаза. Джеймс шутит, что у египтянки Дины больше английских национальных черт, чем у него; в самом деле, он совершенно равнодушен ко многим условностям английской жизни, и Дине поневоле приходится исполнять функции семейного церемониймейстера. В свободное время она берет уроки русского языка и уже довольно бойко говорит по-русски. Ее страсть — русский классический балет, и, когда Олдриджи бывают в Москве, они не пропускают в Большом театре ни одного балета. Очутившись с мужем в Советском Союзе к концу войны, Дина написала книгу о советском балете. Рукопись была возвращена издательством с курьезной мотивировкой: она, видите ли, давала «слишком хорошую картину» советского балета (в то время он еще не получил на Западе всеобщего признания).

Погруженная в домашние заботы, Дина железной рукой управляет обоими сыновьями — развитым не по годам Уильямом и сорванцом Томасом, а также лохматым песиком по кличке Матрос. Только немногие друзья знают, как велика ее заслуга в том, что Джеймс Олдридж имеет возможность создавать свои книги. «Мое счастье,— говорит она,— чтобы Джимми писал — и писал, что хочет».



Еще при первой встрече я говорил Олдриджу, что ему следовало бы отдохнуть с семьей у Черного моря. Я сказал ему: «Увидишь, ты будешь сидеть на пляже где-нибудь в Крыму или на Кавказе и обнаружишь, что справа от тебя — твой читатель и слева — твой читатель». Не стану скрывать — он взглянул на меня с холодком и выразительно хмыкнул. Писатели левого направления в Англии не избалованы изданиями и тиражами, и он мне просто не поверил. Русский человек на его месте сказал бы: «Ну, братец, это уж ты заливаешь». Олдридж в достаточной степени англичанин, чтобы не позволить себе такой вольности, но его недоверчивый взгляд и неопределенное междометие были очень выразительны.

Признаюсь, я ему отомстил. Года через два мы лежали на «диком» пляже в Гагре, я обратился к соседке справа и спросил, читала ли она книги Джеймса Олдриджа. Соседка — она была учительницей — перечислила все его романы, изданные на русском языке. Соседом слева оказался немолодой уже ленинградец: он был в восторге от «Охотника». «Теперь ты видишь, что я тебя тогда, в Лондоне, не обманул», — сказал я Олдриджу. Он тоже запомнил тот разговор и покался в своем неверии.

Семья Олдрижей отдыхала у нас летом на Черном море дважды: в 1957 году в Гагре, в 1960 году в Архипо-Осиповке и Мисхоре.

По утрам Джеймс работал. Потом отправлялся с семьей на какой-нибудь «дикий» пляж, но и там никогда

не сидел без дела: то заносил в блокнот какие-нибудь впечатления, то учил Томми плавать, то чинил какую-нибудь снасть для подводной охоты. У Джеймса настоящий талант подводного охотника. Надевая маску и беря в руки ружье, он спрашивал жену, сколько потребуется рыб для ухи; затем отправлялся под воду и, если только места были не совершенно безрыбными, возвращался через каких-нибудь полчаса с семью или девятью лобанами на поясе — ни одним больше и ни одним меньше, чем заказала Дина.

С окружающими Олдриджи быстро находили общий язык. О мальчиках и говорить нечего: Уильяма и Томми всегда окружала стайка загорелых до черноты ребят, изъяснявшихся с ними на какой-то невероятной смеси всех языков и наречий; когда слова не помогали, разговор велся на пальцах.

Новые друзья Олдриджей делились в основном на две категории: на спортсменов-подводников, почитавших Джеймса главным образом как автора переведенного на русский язык руководства по подводному спорту, и на читателей его художественных произведений. Он целыми часами инструктировал подводных охотников, а также начинающих аквалангистов (в том числе и меня), но, разумеется, особенно ценил встречи с читателями.

Мы часто говорим о том, что у нас в Советском Союзе такой замечательный читатель, какого не найдешь нигде в мире. Для нашего уха это — стертые слова; мы к этому уже привыкли, равно как и ко многому, что нам дал социализм, и безотчетно считаем — иначе и быть не может. Но какую огромную зарядку получают

от встречи с нашим читателем зарубежные литераторы!

Поздним вечером в Гагре мы шли вдвоем по ярко освещенному перрону. Из вокзального буфета вышли двое местных рабочих; они, как видно, опрокинули по кружке пива и были в самом благодушном настроении. Коренастый парень в выцветшей майке — как потом выяснилось, водитель грузовика на соседнем строительстве — принял Джеймса за отдыхающего из Германской Демократической Республики с соседней туристской базы. «Шпрехен зи дейч?» — обратился он к нему. Другой — он работал шофером автобуса на городской магистрали и знал Олдриджа в лицо — наклонился к приятелю и объяснил, с кем тот заговорил. «Джеймс Олдридж, сэр!» — воскликнул первый («сэр» явно был продуктом знакомства с английской литературой). Он читал «Дипломата», роман ему очень понравился, и ему не терпелось высказать автору свои замечания.

Нам оставалось только подивиться их тонкости. Вот как он отозвался, например, о лорде Эссексе: «Хотя лорд Эссекс и защищает капитализм, он вам все-таки чуточку близок. Может быть, культурой, а может быть, выдержкой. Мне кажется, вы его даже немножко любите». Автор подтвердил, что так оно и есть.

Когда мы распрощались с обоими приятелями («Вы хорошо сделали, что приехали пожить среди нас», — сказал шофер автобуса), Джеймс Олдридж долго молчал. Потом он вздохнул: «Господи, вот бы нам в Англии такого читателя!» И, помедлив, добавил: «Когда-нибудь будет такой и у нас... Ведь и в Англии ничто не остается по-старому».

Содержание

30 ЛЕТ СПУСТЯ

Прежде и теперь	7
Англичане	24
Лондон	58
Зеленое и черное	87
Заколдованный круг	105
Мифы Флит-стрита	132
Перемены	145

ВСТРЕЧИ

Третье интервью	183
Сага о зеленом вороне	195
В старом Олбэни	209
Против течения	219

Изаков Борис Романович
Все меняется даже в Англии

М., «Советский писатель», 1965, 232 стр.

Тем. план вып. 1965 г. № 130

Редактор *Ю. Б. Рюриков*

Худож. редактор *В. И. Морозов*

Техн. редактор *И. М. Мимская*

Корректор *А. А. Матасова*

Сдано в набор 18/II 1965 г.

Подписано к печати 31/V 1965 г.

А 08836 Бумага 70×108¹/₃₂

Печ. л. 71¹/₄ (10,15). Уч.-изд. л. 8,66

Тираж 30 000 экз. Заказ № 221

Цена 41 коп.

Издательство «Советский писатель»,

Москва К-9, Б. Гнездинковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома

Государственного комитета

Совета Министров СССР по печати

г. Тула, проспект Ленина, 109

